

Зарубежная

фантастика

Джон Уитборн
РИМ, ПАПЫ
И ПРИЗРАКИ

Джон Уитборн РИМ, ПАПЫ И ПРИЗРАКИ

Фантастический роман

Издательство «Мир»

POPES AND PHANTOMS

John Whitbourn

VICTOR GOLLANCZ

London 1993

Зарубежная

фантастика

Джон Уитборн РИМ, ПАПЫ И ПРИЗРАКИ

Фантастический роман

Перевод с английского
Ю. Р. Соколова

Москва «Мир» 1997

ББК 84.7 Вл.
У39

Уитборн Дж.

У39 Рим, папы и призраки: Фантаст. роман:
Пер. с англ. — М.: Мир, 1997. — 367 с. —
(Зарубеж. фантаст.)

ISBN 5-03-003185-5

Это второе крупное произведение молодого английско-го писателя, уже завоевавшего несколько престижных премий. Джон Уитборн предпочитает популярный жанр фэнтези. Действие романа разворачивается в Италии эпохи Возрождения. В нем действительность переплетается со сказочным вымыслом, известные исторические факты и личности предстают в неожиданных ракурсах.

Для всех любителей фантастики.

ББК 84.7 Вл.

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-003185-5 (рус.)
ISBN 0-575-05653-3 (англ.)

© John Whitbourn 1993
© перевод на русский язык,
художественное оформле-
ние, «Мир», 1997

«НОВЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ: МЕМУАРЫ ПИРАТА-СТОИКА, ФИЛОСОФА И УПОЛНОМОЧЕННОГО ПАПСКИМ ПРЕСТОЛОМ НА ОХОТУ ЗА ВЕДЬМАМИ» АДМИРАЛА СОЛОВО КАПРИЙСКОГО, ПИСАНО В РИМЕ И ПОВСЮДУ.

Ватикан: разное, неоконченные документы (XVI век).
Библиотека 2. Стеллаж 23. Полка 15.

Приписывается Солово (1460?—1525?).

Из коллекции епископа Фредо Дионисотти Палермского (1685—1780).

Год 1525

*Как я попал сюда и откуда, а
также стоило ли все дело хлопот?
Утешения плоти и духа.*

В году 1525 еще одна европейская нация (Дания) познала радости лютеранства, а бывший монах Лютер — радости плоти (с бывшей монашенкой). В то же самое время адмирал Солово, владетель Каприйский, папский рыцарь, прежний гонфалоньер (знаменосец) вооруженных сил его святейшества, а также персонаж многочисленных объявлений, рекомендующих «убить на месте» и вывешенных в Венеции, Женеве и им подобных местах, решил наконец принять ванну.

Конечно, восход в тот день был прекрасен, и голоса собственных детей, занятых игрой, отвлекали, хотя уже не могли помешать ему исполнить свое намерение. Это купание, столь долго откладывавшееся, теперь сделалось невероятно привлекательным. Закутавшись в тяжелый черный плащ, адмирал оставил свое сидение на холме и побрел к собственной вилле. Встретивший его сад являл идеальное великолепие. Был как раз тот самый день, который посещает всякий ухоженный сад, когда вдруг оказывается, что в нем больше нечего делать, и совершенство на миг осенило кусты, цветы и деревья. *Благодатное время для омовения*, подумал адмирал.

Вступив внутрь, он улыбнулся статуе римского императора, потом симпатичным юнцам и девицам, составлявшим его домашнюю прислугу. Если

бы молодая жена решила показаться ему, Солово получил бы возможность улыбнуться и ей, но она, как всегда, держалась подальше от него.

Ванна из белейшего мрамора была углублена в пол. Любовь к античности заставила адмирала потратить на восстановление римских терм невозможную сумму, однако все это злато позволило воспроизвести только форму, но не дух подобных заведений. Словом, вся идея закончилась разочарованием, как и многие предприятия рода людского.

Пока размалеванные юнцы и девицы торопились с горшками, полными выкипающей воды, адмирал хромал вокруг, проверял, все ли окажется у него под рукой. Самое необходимое уже было рядом: губка, стригиль*, тазик с очищающим жиром и полотенце. Кроме того, адмирал предусмотрел письменный набор — пергамент, гусиное перо и чернильницу (на случай, если вдруг осенит вдохновение), а также пропитанный воском стойкий к пару и воде экземпляр бессмертных «Размышлений» Марка Аврелия, изготовленный специально для купания.

— Нет, не сегодня, но тем не менее благодаря, — ответил адмирал на косвенный вопрос брата и сестры из Тосканы, опорожнивших последнюю громадную амфору в наполненный до краев бассейн. Ситуация не допускала компании в любом толковании.

Когда молодые люди оставили палату, Солово нагнулся и поместил возле остальных последний

* Скребок для очистки тела. — *Здесь и далее прим. перев.*

недостающий предмет... бритву — чтобы вскрыть себе вены.

Прежде чем погрузиться, адмирал Солово вспомнил про бутылку* фалернского, которая несколько лет назад обошлась ему в баснословную сумму... Сосуд был извлечен из обломков корабля времен империи ныряльщиками, искавшими губки возле Карфагена. Посредник — кастилец — знал вкус адмирала и разыскал его; барыш позволил ему удалиться от дел. Печать на горлышке сохранилась, содержимое тоже — насколько можно было судить, — и Солово не смог отказать себе в удовольствии отведать вина, которое, быть может, пробовал Гораций или сам божественный Марк Аврелий. Оставалось насладиться букетом именно сейчас.

Однако его ожидало разочарование. Одного аромата, хлынувшего из горлышка бутылки, было довольно, чтобы смыть фрески со стен виллы, а содержимое уже могло растворить даже кирпичные стены. Сей иудин состав был достоин того, чтобы выплеснуть его на пол, но еще более, чем всегда, стойкий к бурям эмоций адмирал Солово лишь поставил сосуд и, не одеваясь, отправился за бутылкой простого красного, рожденного здешней землей.

И тут прямо в дверях ванной комнаты Солово столкнулся лицом к лицу с незнакомцем, мгновенно осознав, что все его планы, связанные с

* Анахронизм: в имперские времена вино перевозилось в амфорах.

купанием и достойным уходом из мира, сами собой оказались отложенными.

С учетом былых деяний адмирала и целей, которым он служил, дом его находился в самой середине тончайшей сетки, обеспечивающей его безопасность. Суровые и неласковые солдаты приглядывали за входом и выходом из Villa di Solovo. Внешняя стража в гавани Неаполя стерегла доступ на сам остров Капри. Однако этот человек в черном преодолел все препоны, а посему доставленная им весть требовала почтительного внимания.

Адмирал Солово не опасался за свою жизнь, поскольку только что намеревался собственными усилиями избавиться от нее. Впрочем, гость не напоминал злодея, а скорее пробуждал любопытство. Он поглядел поверх головы адмирала на разложенную возле ванны утварь и произнес:

— Похоже, я прибыл как раз вовремя. — В его голосе чувствовалось лишь безразличие к подобному повороту судьбы. — Наши расчеты не предполагали, что события зайдут настолько далеко...

Солово, прекрасно знавший, кто стоит перед ним, хотя и не встречал прежде этого человека, ощутил облегчение оттого, что при развязке драмы, в одном шаге от челнока Харона, он еще не сделался *полностью* предсказуемой марионеткой.

— Нетрудно заметить, — проговорил он вежливо, — что я собрался в дорогу, и если вы пришли с новой работой, то запоздали.

Пришедший воздел руки, выражая ужас перед возможностью подобного непонимания. Рукава его сутаны упали, открывая удивленным глазам адмирала бледную плоть северных варваров.

— Нет, о Господи! — Как и прежде, итальянская речь гостя оставалась безупречной. — Я вовсе не желаю смутить вас, допуская, что вы еще можете быть полезны для нас.

— Тем лучше, — ответил Солово, поворачиваясь к ванне. — Дни моих деяний окончены.

— Как и должно быть. Вы и без того столько совершили на нашей службе, что даже наши господа едва ли вправе рассчитывать на большее.

— *Ваши* господа, — поправил адмирал. — Я-то всегда был только рабочей силой, простым наемником и не хотел ничего иного.

Гость явно был не согласен, однако спрятал тень недовольства в синеве недобрых глаз.

— Уж в этот день нам незачем ссориться, — проговорил он, — непригоже расставаться во взаимных попреках. Мое начальство не простит мне подобной бестактности.

— Мягкосердечие никогда не значилось среди их основных привычек, — деловитым тоном произнес Солово.

— Да, — согласился гость. — Впрочем, и ваших тоже, если судить по тому, что я прочел о вас.

Не обращая внимания на выпад, Солово пожал плечами.

— Я вижу, собственная нагота не смущает вас. И это тоже происходит от вашего восхищения римско-эллинской культурой — вместе со стоицизмом^{1*} и... со всем прочим?

— Да, — ответил адмирал с самой мягкой

* Обозначенные цифрами примечания автора приведены в конце книги (с. 359).

миной. — «Вместе со стоицизмом и со всем прочим». К тому же, — добавил он едким тоном, — во всех культурах, с которыми я был знаком, перед купанием принято разоблачаться. Или это не так в вашей... Англии?

— Точнее, в Уэльсе.

— Невелика разница.

— Тем не менее она существует. Видите ли, адмирал, я понимаю, что вторгся в занятие, крайне важное для вас, но сделал это не без причины. Сознавая, что время вашего отбытия недалеко, наши господа послали меня передать вам благодарность, на которую я намекал. Мне доверено прощальное послание, выражающее вам самые теплые чувства.

— Терпеть не могу сантименты. Более того, презираю их со страстью, парадоксально противоречащей моим стоическим убеждениям. Боюсь, что ваше путешествие из страны дождей и эмоциональной дизентерии было напрасным. Я способен невозмутимо продолжить свое купание, не выслушав той пламенной вести, которую вы принесли мне.

— И это мы тоже подозревали, — ответил гость, — поэтому одним прощанием новости не ограничиваются. Я привез с собой Книгу, точнее ее копию.

— А... — проговорил адмирал, приступая к переоценке мнений. — Это может изменить дело. Всю целиком?

— От альфы до омеги, с первой до последней страницы и не замаранную сокращениями.

— Понимаю... — Солово задумался. — Это другое дело.

— Я на это надеялся.

— Если вам настолько доверяют, значит, вы занимаете куда более важный пост, чем я считал. — Адмирал поглядел на коренастого молодого уэльсца с известным уважением.

— Не принимая важного вида, можно глубже понимать истинную человеческую природу. — Гость пожал плечами. — К тому же нам издавна известна непредсказуемость вашего поведения. Но вашим знаменитым стилетом Книгу у меня не добудешь, в таком случае она просто самовозгорится. Если приготовления не были напрасными, я могу справиться со всем, что вы способны придумать.

— Отлично, — ответил Солово, все еще обрабатывавший поток информации... могучий интеллект его явно предшествовал компьютерам. — Хорошо. Я поговорю с вами и подожду пускать в ванну собственную кровь.

Уэльсец согласно кивнул.

— Великолепно. Я думаю, это пойдет на благо нам обоим.

Адмирал скорбно улыбнулся.

— Боюсь лишь того, что от слов моих душа ваша съезжится и вы уподобитесь камню.

— Подобно вам? Откровенно говоря, надеюсь на это.

— Мне же, — проговорил Солово, — любопытно просто подержать Книгу в руке, узнать, к какому именно итогу пришел я в конце своей жизни.

— Итак, по рукам, — ухмыльнулся уэльсец.

— Сделка была совершена давным-давно, —

возразил адмирал, — и, по моему мнению, оказалась нечестной... не с моей стороны.

— Для вас в ней была своя выгода, — последовала ответная колкость. — А теперь можно ли позвать кого-нибудь из ваших ганимедов* помочь вам хотя бы одеться, если вы не нуждаетесь в чем-то другом?

— Они более приучены к обратному процессу, — произнес Солово менторским тоном. — Что же касается вас, то сходите за бутылкой доброго вина. Посидим в саду, выпьем, обсудим конец вещей.

Под руку они вышли на солнце. Мимоходом Солово велел служанке, казавшейся почти одетой в белом шелковом хитоне, загнать в дом детей. Его определенная привязанность к ним свидетельствовала, что иных вещей им видеть и слышать просто не подобает.

Оба, хозяин и гость, были достаточно образованны, чтобы восхититься чрезвычайной официальностью стиля высокого итальянского Ренессанса. И в иных обстоятельствах они с удовольствием побродили бы по симметричным дорожкам Villa di Solovo. Действительно, все вокруг предназначалось для порождения величественных и плавных мыслей как у владельца, так и у прочих обитателей виллы. Близкое соседство с руинами прискорбно знаменитой Villa Jovis** — дворца, в котором развлекался император Тиберий, — учитывая их

* Ганимед — прекрасный юноша, похищенный Зевсом и ставший виночерпием олимпийских богов.

** Вилла Юпитера.

плачевное состояние, лишь подчеркивало: среди прочего пройдет и безумие буйных страстей.

Солнце торопливо ползло вверх по безоблачному синему небу, всем своим видом обещая жаркий день. Если бы уэльсца предоставили самому себе, он поспешно укрылся бы в летнем домике на вершине холма. Адмирал, однако, был более приучен к прямым и безжалостным «поцелуям» светила. Это самое солнце некогда сжигало палубы галер, по которым он вышагивал, а теперь, подобно старому другу, нежилось конечности, которые одряхлевшая кровь уже не согревала. Поэтому Солово воспользовался моментом и по ходу дела примечал, восхищаясь дикарской строгостью к природе, обнаруженной его садовником. Все, что он хотел видеть, было сделано так, как надо, — стриженные кусты, лавры, пальмы в горшках, апельсиновые и лимонные деревья. Сад, как обычно, вселял в адмирала продуманное веселье и мог бы заставить его вернуться к рассудку — если бы только сегодня был обычный день, а завтра — такой же. Солово постарался напомнить себе, что это не так, и ускорил шаг. Ему предстояло последнее дело; лучше разделаться с ним поскорее — и на покой.

Вместе со своим спутником он направлялся к копии классического храма — стройные желобчатые колонны, сверкающий купол — кругом один мрамор. В центре его, возле бюста Юпитера-Непобедимого Солнца, было прохладно и дышалось на диво легко. Адмирал Солово переставил поближе одно кресло, так чтобы усесться вдвоем возле столика с блюдами, полными сушеных фруктов.

Уэльсец откупорил прихваченную бутылку вина и налил в бокалы.

— Отменно! — наконец проговорил он, облизнув тонкие бледные губы.

— Что именно? — осведомился адмирал. — Вино? Вид? Или ваше поручение?

— И то, и другое, и третье, — раздался ответ. — Ваше вино — терпкое и ароматное. Видом на Неаполитанский залив можно лишь восхищаться. А я наслаждаюсь своей работой.

С Villa di Solovo открывалась роскошная перспектива на дворец Тиберия, морскую синеву за ним и раскаленный ад над Неаполем. Адмирал всегда намеревался покончить счеты с жизнью в подобном месте. Когда миновали летние дни, он удалился от семьи и всего обыденного, но не оставлял пределов виллы. Рассчитывая на утешение, Солово потягивал вино, однако, подобно взбунтовавшимся форпостам гибнущей империи, вкусовые сосочки предавали его. Все было теперь ему кисло, даже этот специально подслащенный напиток. И все же — если оставаться верным истине до конца — вино было лучше фалернского,

— Мне приятно, что мое гостеприимство радует вас... как еще я могу развлечь вас?

Гость откинулся на спинку плетеного кресла и опорожнил еще один бокал.

— Я доволен, — отрывисто проговорил он. — А вы?

За долгие годы милые молодежи словесные игры успели опротивить адмиралу. И лишь философические наклонности изгнали из ответных слов нотку раздражения.

— Конечно, нет. Зная повесть моей жизни, вы должны понимать причины.

— До глубин. Я прочел и ваше личное дело, и мемуары.

— Как так? — удивился Солово, имея в виду воспоминания. — Мне казалось, что я располагаю единственным экземпляром.

Обернувшись к адмиралу, гость не без сожаления улыбнулся.

— Ну что вы, адмирал, — мягко проговорил он, — кому, как не вам, знать наши пути.

Солово кивнул.

— Вы там, где желаете быть, — произнес он.

— И мы видим все, что хотим видеть, — добавил гость. — Не стесняйтесь, адмирал, ваши мемуары написаны превосходным слогом. Они заслуживают издания для широкой публики.

— Увы, этого никогда не случится, — проговорил Солово, прежде чем уэльсец успел продолжить.

— Естественно, — согласился гость. — Мы не можем этого допустить.

— Итак, я могу проглядеть это «личное дело», поскольку вы читали повествование о тех же событиях в моем изложении?

— К сожалению, нет, адмирал. Я явился сюда, чтобы ознакомить вас с более полным повествованием, но не с *самым подробным*. Не сомневаюсь, что вы правильно понимаете меня.

— Но Книга у вас?

— Действительно.

— Это честь для меня.

— Согласен! — воскликнул гость. — За послед-

ние несколько столетий аналогичной почести удостоивалась лишь горстка избранных.

— Могу ли я увидеть ее?

Гость задумался.

— Вам еще не приходилось этого делать, не так ли? — спросил он.

— Именно так, — подтвердил адмирал, отворачиваясь. — Впрочем, вопрос этот обсуждался при моем посвящении...

— Словом, вы девственны в подобных вопросах, и посему я бы порекомендовал терпение. Вы можете получить Книгу в подходящее время и, несомненно, понимаете все связанные с этим опасности...

— Конечно. Зная всю охрану — магическую и прочую, что окружает Книгу, я удивлен тем, что вы можете живым иметь ее при себе.

— Действительно. Я обеспечен могучей охраной, но все равно хранить ее — нервное дело. Если для вас это не существенно, адмирал, я был бы счастлив пореже являть ее миру, в котором страж более чем бдителен.

— И голодны, — добавил Солово.

— Именно так.

— Тогда я рад подождать, — заверил адмирал обнаружившего явное облегчение уэльсца.

— Благодарю вас, — ответил тот, явно стремясь сменить тему. — Кстати, а где здесь гора, с которой Тиберий сбрасывал свои жертвы?

Солово понимал, что хватило бы и кивка, однако с упрямым стремлением к истине повернулся в нужную сторону.

— Да, во всяком случае, так говорят. Местные

крестьяне зовут ее «Обрывом Тиберия». Он здесь — легендарное чудище.

— Вы не согласны?

Адмирал пожал плечами.

— В данном вопросе у меня нет определенного мнения. Пусть он спускал с этой горы своих вольных или невольных компаньонов по предыдущей ночи — это его дело. Каждому из нас доводилось испытывать подобные чувства — в той или иной мере.

Гость промолчал, хотя явно был чуточку шокирован. Он поглядел на Неаполитанский залив и подумал, как вернуть утраченное преимущество.

— Ну что ж, адмирал, путь был долг и утомителен, не так ли?

— Не стану отрицать того, — согласился Солово.

— И вы вините в этом нас?

Бритвой сверкнула улыбка адмирала.

— Пожалуй, было бы нечестно. Как таковой я сложился задолго до посвящения в организацию Древнего и Священного Феме*.

— Весьма разумно с вашей стороны. Однако сумеете ли вы сохранить хваленую стоическую позу, узнав, что поступили к нам на службу еще до того? Что, если ваше служение Феме началось намного раньше?

Адмирал задумался.

— Я не вполне уверен, — ответил он непри-

* Феме (фемический трибунал) — средневековый суд в Германии. Приговоры Феме приводились в исполнение одним из членов суда.

нужденно. — Вы хотите поведать мне именно это, мастер фемист?

— Боюсь, что так.

— Хорошо, — проговорил Солово задумчиво. — Надеюсь, что не отвергну стоицизм, покаясь недопустимому возмущению. Впрочем, все зависит от истинной сути откровения.

Человек в черной сутане налил себе, не стесняясь, еще один бокал вина.

— Адмирал, вы никогда не промахиваетесь по шляпке гвоздя! Я прибыл сюда именно с откровением... дабы с благословения Феме пролить свет на тайные подробности истории вашей жизни. И мы искренне желаем, чтобы вы поняли все — или почти все. Но *понравится* ли вам то, на что я пролью свет, — это другой вопрос.

— Вы должны учесть, что я мало ценю свою жизнь, — проговорил адмирал Солово, — и давно изгнал из нее страх и попреки. Итак, вы именуете себя иллюминатами*, не правда ли?

— Это просто перевод слова «Vehmgericht»**, — согласился уэльсец с известной осторожностью, прибегнув к среднегерманскому языку, столь же безупречному, как итальянский.

— Тогда просвещайте, — сказал Солово. — Теперь меня уже ничто не сможет ранить.

Уэльсец недоверчиво поднял брови.

— Хорошо. Начнем с самого начала.

* Члены тайных религиозно-политических обществ, возникших в Европе, главным образом в Баварии, во второй половине XVIII в.

** Тайный суд.

Примерно в то самое время, когда турецкий империализм отхватил еще один клочок от подбрюшья Европы, открыв себе путь в Герцеговину, в тот самый год, когда Карл Смелый сделался герцогом Бургундии*, малое дитя — чистая страничка, которой предстояло сделаться адмиралом Солово, — придумало нечто прискорбно умное.

В тот судьбоносный день все началось с вопроса, который задал в школе другой юнец.

— Достопочтенный господин, — пискнул крепенький десятилетка, разрываясь от желания поделиться новыми познаниями, — можно ли задать вопрос?

Учитель оторвался от латинского текста, по которому следил за болезненными усилиями класса. Потрясающе либеральный педагог для своего времени, точнее сказать, до отвращения либеральный, он приветствовал признаки интеллектуального любопытства среди сыновей богатого купечества. Разумный вопрос всегда удостоивался ответа и при удаче мог избавить класс от скучной работы. Подняв указку, учитель жестом велел утихнуть общему речитативу.

— Я думал о Платоне и Аристотеле, господин.

— Я так рад слышать это, Констанций. — Ответ многого не сулил. — Мне уже казалось, что ты без всякого интереса возишься в винограднике их трудов.

Дешевый сарказм... и учитель немедленно

* В 1467 г.

пожалел о нем, когда весь класс послушно расхотался.

— Прости меня, Констанций, — громко проговорил он, тем самым разом покончив с весельем. — Я не хотел раздавить нежный росток твоей любознательности.

Реабилитированный Констанций одарил одноклассников предупреждающим взглядом.

— Да, достопочтенный господин, мне просто хотелось узнать... куда же они ушли?

— Как куда... в могилу, конечно, как положено человеку.

— Нет, я хотел бы знать, что было с ними потом?

Учитель погладил бороду и весьма прохладно глянул на мальчика.

— Я понял тебя, дитя, — ответил он. — Интересный вопрос.

Мальчишка надулся от гордости, услышав непривычную похвалу.

— Кто-нибудь еще испытывает подобное любопытство? — спросил учитель.

Пока ситуация не прояснилась до конца, никто не рискнул сделать такое же признание, и потому прото-Солово был вынужден нерешительно поднять руку.

— Солово... — проговорил учитель, изображая удивление. — Еще один поклонник классической философии восстал среди нас. Посмотрим, сумеешь ли ты сформулировать вопрос.

Считаясь с жезлом указующим, семилетке оставалось лишь изложить часть собственных мыслей на эту тему.

— Достопочтенный господин, меня взволновал следующий парадокс, — медленно начал ребенок, наблюдая за реакцией учителя, — неужели живший в древности человек, а именно исполненный добродетелей Аристотель, не может вступить в рай, поскольку не исповедовал — и не мог исповедовать — истинную веру? Но если подобные ему осуждены по причине такого незнания, как это назвать? Несправедливостью? Но этого не может быть потому, что Господь справедлив по определению.

— Он хочет сказать, господин, — встрял Констанций, — что Платон со своими друзьями просто не могли стать христианами, так ведь? Они умерли еще до Рождества Христова...

— Я прекрасно понимаю, что имеет в виду Солово, — ответил преподаватель с вселяющей трепет значительностью. — И я решу этот вопрос, процитировав то, что вы и без того уже знаете: «*Extra Ecclesia nulla salus*» — «Нет спасения вне Церкви». Твой вопрос, Констанций, неблагочестив, незрелому уму неподобаает интересоваться такими вещами. Однако, учитывая, что он и в самом деле *неплох*, я не стану принимать дополнительных мер. А теперь вернемся к глаголу *habere* (иметь) и — он взмахнул указкой, словно волшебной палочкой, — про-спря-гаем его...

— Дело в том, — сказал учитель, одетый уже совершенно иначе и окруженный еще большим уважением, чем прежде, — что вопрос этот придумал Солово. В каждом классе есть свои соглядатаи, и я знаю, что это он наделил загадкой,

вынянченной в собственной голове, абсолютного середняка Констанция, мечтающего тем не менее блеснуть.

— Итак, — проговорил председатель трибунала, поглядев на учителя из глубины черного капюшона, — он изготавливает стрелы, а поджигают другие.

— Именно, — согласился учитель. — Невзирая на столь удачное рождение, он самый недоверчивый мальчик, которого я встречал. Он окружает свои дела покровом обмана и тайны, никогда не открывает всего, что знает, даже если это не столь уж существенно. Истинное «я» погребено под толстой скорлупой скрытности.

— Возможно, это трусость, — вмешался другой из сидевших за столом.

— Мне тоже сначала так показалось, — подхватил учитель, — поэтому я следил за ним и испытывал его. Он стоит на своем во всех стычках на школьном дворе. Он не трус, но наделен невероятным самоконтролем и отвагой.

— Значит, другие ребята избегают его? — Вопрос сей прозвучал из темных рядов, выстроившихся вдоль стен подземелья.

Учитель из вежливости попытался было ответить тому, кто задал вопрос, однако его фигура затерялась в тенях между факелами.

— Нет. И это лишь подтверждает все остальное — его оболочка безупречна. Остальные дети видят в нем только открытого и живого мальчишку и обманываются подобной внешностью.

Он неторопливо обвел глазами собрание и поднял руку, требуя поддержки у сотен собравшихся.

— Прошу доверять мне... Он разумен, расчетлив, холоден сердцем и чувствителен к этике. Этот семилетка интересуется теологическими концепциями. Старшие играют в мяч, а он размышляет об Аристотеле. Я и в самом деле вижу в нем способность к службе.

И сказав это, учитель склонил голову и, отдаваясь суждению собравшихся, отступил на два шага, как предписывал фемический обряд. Удавка, свисавшая с его шеи, делала намек еще более прозрачным. Рекомендовавшего отвергнутую кандидатуру вешали без отлагательств. Таким образом уравнивались почести, выпадавшие на долю счастливца, ибо фемисты надеялись собрать в своих рядах лишь самых многообещающих.

Трибунал посовещался, тяжелые капюшоны наделили приватностью отдельные мнения. Школьный учитель и все его собратья вкупе с немногочисленными сестрами терпеливо ожидали в безмолвии.

Наконец поднялся председатель трибунала. Факел, размещенный в стратегически важном месте, окружил его голову огненным нимбом в глазах наблюдавших снизу.

— Мы склоняемся к положительному решению, — объявил он. — Есть ли несогласные?

Воспарив к демократическим идеалам, вера *сип** организация *сип* заговор всегда предоставляют право голоса недовольству... а иногда — при наличии достаточно твердых намерений — даже возможность идти своим путем. Но в этом случае все промолчали.

— Да будет так, — заключил председатель

* Здесь — в сочетании с (*лат*).

трибунала. — Капитан Немезиды уладит все необходимое.

Такие не по годам зрелые мысли юного Солово привели к тому, что его отца сразила стрела на охоте. Лучника не видел никто, хотя его и разыскивали; преступника не обнаружили и не предали суду. Когда покойника принесли домой, тонкая черная стрела с кремневым наконечником еще торчала из его горла, однако свет жизни давно оставил глаза. Весь дом был безутешен, даже маленький Солово, невзирая на уже знаменитую выдержку, не мог сдержать детских слез.

Мадам Солово попросту исчезла вскоре после похорон мужа, и в известной степени это было даже хуже. Только что ее видели в сыроварне за делом — и все. Ни записки, ни знака, даже капельки крови, способной объяснить ее кончину.

Ее брат умер от «хворой испарины», дядя повесился без всяких причин... Численность клана Солово резко пошла на убыль. До соседей кое-что начало доходить, и уцелевших они избегали.

От внешнего мира мальчика Солово последним барьером отделяла его тетка. Поскольку Феме не знал жалости и мог позволить себе любую причуду, она попала в эротические игрушки к сирийскому князьку. Еще более странным можно считать то, что, начавшись развратом, их отношения после долгих лет закончились честным браком. Однако для маленького Солово это могло послужить небольшим утешением, даже если бы он знал это и был способен понять.

Далее Vehmgericht весьма тонко уговорил адвоката,

отвечавшего за состояние семьи, отдать на разграбление все ее имущество (что тот и так намеревался сделать), и в возрасте восьми лет мальчик Солово обнаружил, что остался без семьи, дома и средств для жизни; посему сиротский приют далекой церкви простер к нему свою благотворящую руку.

А Древний и Священный Феме приступил к долгому и терпеливому наблюдению.

* * *

— Ах ты... — выдавил адмирал Солово, в самой героической борьбе в своей жизни пытавшийся сохранить внешний покой. Пауза была долгой, из какого-то прочного внутреннего убежища он старался примириться с прежде отвергавшимся подозрением. — Итак, это сделали вы?

Фемист, ныне находившийся возле него, утром на всякий случай надел тонкую кольчугу под мантию, не зная того, что любимый удар адмиральского стилета предназначен для глаза, и считал себя в относительной безопасности. Однако в данном случае его волнения и потливость на жаре были напрасными. Адмирал Солово справился и с предельным испытанием, подавив внутренний крик, требовавший немедленного отмщения.

— Увы, да, — ответил уэльсец. — У вас был, конечно, потенциал, однако следовало видеть, насколько мир может отточить вас. Для того, что задумали для вас мы, спокойное детство на лоне любящей семьи скорее всего не подошло бы.

— Безусловно, — согласился Солово, глядя в

умеренную даль и выговаривая слова, как в переводе. — Теперь я сам вижу это.

— Конечно, это просто позор, что вам лично пришлось так туго, — рассудительно заметил фемист, балансируя на грани насмешки.

— Ну, это было только начало, — заверил его Солово.

— Так. Мы это отметили тогда же, — проговорил уэльсец, прожевывая сушеный абрикос. — Вы быстро проявили бесконечную приспособляемость — и это нас целиком устраивало.

— Рад слышать, что мое дикарское воспитание кого-то устраивало. А скажите, кто вам доносил обо мне?

— О, — задумался фемист, — таких было много. Первым делом мы заменили суперинтендантшу сиротского приюта своей кандидатурой.

— И какой же свиньей она была!

— Только по необходимости, к тому же она старалась ради вашего блага, адмирал. Вообще-то в повседневной жизни она была вполне сносной персоной. Я хорошо знал ее в старости.

— Надеюсь, что она встретила мучительную и долгую смерть.

— Нет, — разуверил его фемист. — Кончина ее была тихой и скорой.

Адмирал Солово отвернулся.

— Сердце мое разбито.

— По понятным причинам были и другие осведомители. Мы никогда не доверяем единственному мнению. Конечно, ваш картинный побег не облегчил нашу задачу. Мы потеряли вас из виду не на один месяц.

— С прискорбием слышу это! — отозвался Солово. — Тогда я не думал, что могу причинить кому-либо неудобство.

Фемист сухо улыбнулся, разглядывая стайку птиц, перепархивающих над головой.

— Осмелюсь заметить, что перерезанных глоток на вашем пути оказалось, скажем так, излишне много...

— О, виноват, юношеский пыл, — пояснил адмирал, — вкупе с остаточным стремлением к правосудию.

Фемист пожал плечами, чтобы выказать свое безразличие.

— Во всяком случае, нам вы этим заметного вреда не причинили. Мы обнаружили ваш след в Богемии по склонности к локальным увечьям.

— Политическая жизнь в этой стране всегда была такова, — возразил Солово.

— Именно... Однако вы добавили стиль и мастерство. Свежая струя привлекла внимание нашего агента.

Похоже, в глубинах памяти адмирал сыскал некоторое утешение и теперь с обновленной благосклонностью разглядывал играющее море.

— Вообще-то я наслаждался жизнью на этой речной флотилии. Быстрый служебный рост возложил бездну ответственности на мои неокрепшие плечи, однако... Словом, я обнаружил, что работа исцеляет. Конечно, нам, зажатым между турками и не знающими человечности пограничными племенами с нашей стороны, приходилось вертеться.

— Все это мы полностью одобрили, — ответил фемист, — и губернаторство в городке, и кондо-

тьерскую службу в Фессалии. Банк в Равенне показался нам отклонением, впрочем, благотворным, самым ценным образом расширившим ваш опыт. Видите ли, адмирал, все наши суждения выносились с некоторым опозданием и ваше имя редко исчезало из списка разыскиваемых. Вам следовало повидать христианский мир.

— Нечто все время подгоняло меня, — согласился Солово. — Я искал.

— Что же?

— А знаете, позабыл, — ответил адмирал. — Прежний Солово исчез навсегда. Говорить о нем сложно, как о чужом человеке.

Фемист как будто не спорил.

— Переход из банкиров в пираты, признаюсь, удивил нас. Подобная радикальная — и внезапная — перемена привела к тому, что мы вас вновь потеряли из виду.

— Дело в том, — сказал Солово, — что между обеими профессиями куда больше общего, чем можно заподозрить при поверхностном взгляде. Пиратское ремесло логически вытекало из моей тогдашней деятельности и казалось более честным способом зарабатывать на жизнь.

Уэльсец не стал опровергать точку зрения старшего собеседника.

— Прикосновение чистой удачи вновь скрестило наши жизненные пути, которые более не разделялись. Только тогда мы смогли оценить, что именно сотворили... вы не бывали достойны похвалы лишь изредка!

— А, — заметил Солово, — это вы про то, как я учился плавать?

Год 1486

УРОКИ ПЛАВАНИЯ: после горького и одинокого детства, выброшенный сиротой в хляби злого мира, я обнаруживаю свое призвание и жизненную философию.

Пиратский промысел вполне устраивает меня.

— Нет, простите. Боюсь, что вам придется идти до дома пешком.

Знатный венецианец поглядел сверху вниз на адмирала Солово и вопросительно поднял бровь.

— Да-да, я знаю, — заметил Солово, обращаясь к замершему на ограждении палубы собеседнику. — Зовите меня вероломным, если хотите.

— Вы и впрямь вероломны, — исполнил его пожелание венецианец. — Вы же обещали мне жизнь.

— Не спорю, — отвечив адмирал и, сложив руки на груди, прислонился к поручню возле ног венецианца. — Но это было давно, а теперь...

— Сейчас. Да, понимаю, — перебил его дворянин. — И я должен сказать, что принимаю подобное решение как личный выпад.

— О, дорогой мой, как жаль, — попытался урезонить его Солово. — Поставьте себя на мое место.

Несколько членов экипажа, свободных от иных дел, явились, чтобы понаблюдать за представлением, и обнаружили при этих словах признаки

животного веселья, но одним косым взглядом адмирал заставил их умолкнуть.

— Я хочу сказать, — продолжал он, — что, несмотря на несомненные причины для недовольства, вы отказываетесь видеть проблему в целом. Его святейшество и ваша *Seréna Repùbblica** сейчас номинально находятся в мире, и поэтому мне не хочется возвращаться в Остию с единственным уцелевшим свидетелем запрещенной пиратской авантюры.

Оба они обернулись к останкам еще недавно величественной галеры, которая, пылая, медленно погружалась в воду; ее экипаж, за исключением одного человека, пал в бою или в последовавшем кровопролитии.

— Подумайте сами, — предложил адмирал, — его святейшество запрещает нападать на собратьев-христиан. Хотя вы и венецианец, но, очевидно, подпадаете под эту категорию... — Когда дворянин пожал плечами, Солово добавил: — Теперь вы понимаете то затруднительное положение, в которое ставит меня инспирированная жадностью клятва.

Дилемма, стоявшая перед адмиралом, ничуть не волновала венецианца.

— Вы просто хотите получить мою библиотеку, — невозмутимо заметил он. — Я видел, с каким вожделением вы перелистывали книги. Вы хотите нераздельно владеть ею.

Солово признал подобную возможность движением плеч.

* Здесь — благоденствующая, идиллическая республика (итал.); официальное название Венецианской республики.

— Быть может, вы в чем-то и правы, но я буду вам признателен, если вы будете говорить потише. Библиомания не относится к числу профессиональных достоинств пирата. У экипажа могут возникнуть ошибочные представления, требующие кровавого подавления.

— Эту библиотеку собирало не одно поколение, — твердым голосом возразил венецианец. — Я не отдам ее.

Адмирал Солово распрямился и потянулся.

— Увы, боюсь, что вам предстоит готовиться к раю, где ваша душа забудет о книгах. Ну, ступайте же, будьте хорошим мальчиком.

Венецианец окинул яростным взглядом обступивший его ноги полукруг морских разбойников и понял, что сопротивление бесполезно.

— Я не считаю наш разговор законченным, — проговорил он ровным голосом. Пираты заулыбались. И сохраняя все возможное в таком положении достоинство, венецианец повернулся и сошел с поручней в воды Средиземного моря.

— Суши весла!

Рев надсмотрщика растворился в молчании. Весь экипаж, оставаясь на местах, тянул шеи, чтобы получше видеть.

— Прошу всех по местам, — сказал адмирал Солово своему боцману. Как и предполагалось, тот повторил команду для всего экипажа — громче и в более понятных выражениях. Лихорадочное любопытство сделалось менее пылким.

— Ну-ка, смотрите! — выкрикнул дозорный с кормы. — Вон там!

Солово подошел к нему и уставился в далекую синеву.

— Возможно, — согласился он невозмутимо. — Как интересно

Боцман, другого имени не имевший, из карьеристических соображений старался подчеркивать в себе чисто животные качества, однако на деле обладал недюжинным интеллектом, а потому был приглашен в компанию адмирала.

— Отсюда не видать, — рявкнул он. — Должно быть, какой-то мусор.

— Едва ли, — авторитетным тоном возразил адмирал. — Никогда не видел, чтобы мусор плыл против ветра. А этот — смотри — и руками двигает.

— В море хватает всяких, кто оказался за бортом, — ответил невозмутимый боцман. — Это не обязательно наш.

Солово кивнул, выражая относительное согласие.

— Я тоже не думаю, что это наш венецианец. Как он мог протянуть два дня в воде? Но, с другой стороны, похож. Если бы только он подплыл поближе, чтобы лицо его стало не таким... расплывчатым.

Боцман без особой охоты выслушал подобное пожелание.

— Давайте-ка, адмирал, я схожу за своим арбалетом, — предложил он. — Стрела его утомит.

— Не надо, — неторопливо ответил Солово. — Если это упавший за борт матрос, море скоро уладит все дело. Но если это венецианец, боюсь, что наше оружие окажется бесполезным. Если нам

суждено, чтобы за кормой болтался выходец с того света, я был предпочел, чтобы у него не торчала стрела из лба.

Боцман как раз обдумывал эту мысль, когда заметил, что фигура исчезла, и радостным восклицанием отметил это событие. В порыве облегчения экипаж, забыв о дисциплине, облепил борта. Корить их за это не хватало духа. В тишине, нарушаемой лишь криками чаек, они обыскивали взглядом волны, стараясь удостовериться в исчезновении настырного и непонятного преследователя, гнавшегося за ними уже ночь и день.

— В пекло ступай и прощай! — провозгласил боцман, когда все наконец удостоверились в том, что небеса и воды пусты.

Общий праздник пресек грохот, послышавшийся из-под ног; из громкого, хотя и ослабленного прохождением сквозь корпус и воду, он быстро превратился в громоподобный стук по обшивке.

После еще одного дня, преследуемый на пределе видимости, невзирая на все повороты и скорость, которую могли придать кораблю весла и ветер, адмирал Солово решил направиться к суше. Пусть мертвый венецианец следует за ним и барабанит по корпусу до конца времен. Но экипаж, увы, не разделял столь философского расположения духа. Даже боцман, не боявшийся ни Бога, ни государства (не осознавая полностью их мощи), делался раздражительным. Солово, правивший за счет успехов и редких показательных казней, прекрасно знал, когда не следует настаивать на своем.

Пока экипаж стремительно греб к дому, адми-

рал, пребывая на корме, размышлял над проблемами, которые поднимала подобная перемена настроения. Его слова венецианцу об интерхристианском пиратстве не были праздными: если этот компаньон пиявкой притащится за ними в гавань... придется отвечать на трудные вопросы.

А, ерунда, решил наконец адмирал, никогда не имевший склонности к долгим тревогам. Папского эшафота мне никто еще не сулил, а вот в грядущем бунте на борту сомневаться не приходится. Он даже помахал венецианцу новой книгой, отобранной у утопленника, — «Размышлениями» Марка Аврелия.

— Отлично пишет, — завопил адмирал. — Премного благодарен.

Беспорядочный стук весел и отсутствие хода пробудили Солово. Причину он обнаружил, поднявшись с палубы.

Перекрывая путь кораблю, в половине лиги* на воде маячил далекий силуэт венецианца, вырисовавшийся на фоне утренней зари.

Чтобы восстановить порядок даже клинком шпаги, пришлось потратить достаточно много времени, и в конце концов легче всего оказалось приказать лечь на другой галс**. К этому делу экипаж приступил, не скрывая радости.

Гребцы по одному борту держали весла в воде, тем временем с другого борта матросы усиленно пенили воду, постепенно обратив корму к мокрому

* Морская лига = 5,56 км.

** Курс судна относительно ветра.

и безмолвному наблюдателю. А потом, соединив усилия, погнали корабль от дома на глубокие воды, не нуждаясь в ритме, задаваемом гипнотическим голосом надсмотрщика.

Сидя на корме, адмирал Солово разглядывал быстро удалявшегося венецианца, отвечавшего ему тем же. Потом, явно исполнив свою миссию, труп медленно, по дюйму, опустился в пучину вод, не меняя предположительного направления взгляда, пока вода не сомкнулась, поглотив зеленые пряди волос.

Боцман затрясся, забыв про то, что на него могут смотреть.

— Что-то мы не плавали так быстро после того, как захватили целый гарем на оттоманском корабле, — пошутил адмирал. Боцман как будто не слышал его, и Солово счел необходимым в самой легкой форме выразить свое недовольство. — Что же мы позабыли про таран — сатанинскую голову на носу? И почему, господин боцман, мы не разнесли ею этого упрямого человека, гонящегося за нами по всему морю?

Прежде чем боцман успел ответить, впередсмотрящий выкрикнул:

— Эй, на судне! Он вернулся!

Все увидели, что так оно и было. Пловец вернулся.

— Сила солому ломит... тем не менее она не всегда применима, — отвечая Солово, изрек боцман, произвольно явив в этой фразе скрытые глубины и склонность к метафизике.

— Возможно, в этом ты и прав, — проговорил адмирал, отметив, что следует повнимательнее

приглядывать за темной лошадкой. — Быть может, истинный ответ нужно искать у философов. Скажи команде, пусть сушат весла.

С великими усилиями гребцов убедили оставить старания, тем временем к ним спустился капитан. Он помедлил, давая себе возможность умственно деградировать до уровня сидящих вокруг него.

— Вот так выходит, — объявил он, решив, что достиг необходимого уровня. — Нас преследуют... это нас-то! Это нас-то, которые встречали корабли султана Баязида* и проделывали дырки в бортах мамлюкских** галеонов. Теперь скажите, правильно это? Так подобает?

Он сделал паузу для вящего драматического ответа. Все молчали... Из-под корабля донесся настоящий стук.

Проснувшись на следующий день, Солово обнаружил, что матросы смотрят на него еще мрачнее, чем обычно, и сразу понял — что-то произошло. О развитии событий его известил боцман.

— Как только, на его взгляд, мы заходим слишком далеко, он встает на пути корабля и экипаж отворачивается, не замечая приказов. Мечемся, не зная куда.

— Увы, вся наша жизнь такова, — резко промолвил адмирал. — Как философ, ты должен это понимать.

* Баязид II Молния (1447—1512) — восьмой турецкий султан.

** Придворная гвардия, захватившая власть над Египтом.

— Кроме того, впередсмотрящий исчез.

— *Исчез?*

— Где-то посреди ночи, в полном безмолвии, если угодно. Только я бы сказал, что исчез он не *целиком*.

— Как это?

— Венецианец оставил на палубе половину торса.

— Весьма тактичный намек, — невозмутимо проговорил Солово. — Во всяком случае, он не мучает нас неизвестностью. — А потом процитировал «Размышления»: «Не предмет смущает тебя, но твое собственное представление о нем».

Боцман со скорбью поглядел в сторону восходящего солнца.

— Перед нами воистину сложный «предмет», адмирал, — заметил он. — Как вы полагаете, сумели ли впередсмотрящий составить о нем представление, прежде чем получил свое?

Наконец Солово позвали по имени, чему он был только рад. Недостойное это дело — мотаться туда сюда под недовольные возгласы возмущенного экипажа... и лучше уж так, чем погибнуть от жажды или рук взбунтовавшихся матросов.

Далекий венецианец, спичечной фигуркой припав к древнему бакену, сливал свой голос с его скорбным колоколом.

— СО-ЛО-ВО! — кричал он снова и снова, подлаживаясь под звяканье. — СО-ЛО-ВО! — Невзирая на расстояние, голос доносился чисто и ясно.

Без всяких приказов экипаж поднял весла и

тем самым произвел себя в зрители, пустив галеру на волю волн.

Будучи пленником своей профессиональной репутации, адмирал сохранял спокойствие. Раскачиваясь в капитанском кресле, он окликнул венецианца, уверенный, что в охватившем натуру покое даже его негромкий голос будет услышан.

— Ну что ж, привет, — сказал он. — Чем я еще могу тебе помочь?

После долгой паузы венецианец ответил.

— МОИ КНИИИИГИ! — взвыл он наконец.

Солово предвидел это и махнул боцману, чтобы тот выбросил за борт бочонок с трофеями — путем, проделанным их прежним владельцем.

Но еще не утих всплеск, как венецианец напомнил:

— И «РАЗМЫШЛЕНИЯ» МАРКА АВРЕЛИЯ...

Адмирал скривился. Эта книга разговаривала с ним на уровне, который Солово и не подозревал в себе. Ему весьма хотелось сохранить и прочесть ее.

— Да будет так, — проговорил он невозмутимо, перебрасывая через поручень томик, извлеченный из потайного места.

Тишина возвратилась. Солово смотрел, как венецианец наслаждается посмертным триумфом, и, чтобы испортить ему удовольствие, продолжил разговор:

— Ну, что еще?

После очередной долгой паузы донеслось:

— А ТЕПЕРЬ ИДИ КО МНЕ, ПОПЛАВАЕМ ВМЕСТЕ.

Экипаж обернулся к адмиралу. Реакция Солово

определит его положение в Зале Славы пиратов Средиземноморья.

— Но я не умею плавать, — ответил адмирал, ничего не скрывая.

В этом позора не было. Моряки того времени в основном не стремились научиться способу продлевать собственную агонию, если Отец-Океан затребует их к себе. *Неплохой аргумент*, рассудил экипаж, дружно поворачиваясь к венецианцу.

— СПРАВИШЬСЯ... СТАВ ПОКОЙНИКОМ, ТЫ ОБРЕТЕШЬ ИЗВЕСТНУЮ ВЛАСТЬ НАД ВОДАМИ.

Его спутники еще пережевывали этот аргумент, когда Солово парировал:

— Ты рассуждаешь не как умный человек.

— БЛАГОДАРЯ ТВОИМ ЗАБОТАМ, — последовал ответ, — Я БОЛЕЕ НЕ ЧЕЛОВЕК.

На подобный тезис возразить было нечем, и адмирал опустил в кресло.

В дно галеры забарабанила не одна пара рук. В отличие от предыдущих случаев венецианец оставался вполне видимым. Похоже было, что он заручился помощью.

— ПОРА, — донесся зов. — ИДИ КО МНЕ.

Стук по корпусу сделался громче и уже грозил разнести судно в щепки. Солово понял, что выбирать приходится между мстительным призраком и перепуганным экипажем: жизнь его была кончена, оставалось только красиво уйти. Когда он встал и щелкнул пальцами венецианцу, кивки и бормотанье экипажа донесли до него одобрение подобной стойкости перед лицом предельного отчаяния.

Море словно вскипело. Вокруг галеры вода ожила — странный случай словоупотребления, — вынесся к поверхности трупы.

— ОНИ ВЫДЕРЖАТ ТВОЙ ВЕС, АДМИРАЛ, — вскричал венецианец, — ИДИ КО МНЕ.

Солово одолел последнюю спазму слабости, заставившую его обернуться и поискать взглядом поддержки у экипажа. Но было ясно — на это рассчитывать не приходится: истый первобытный ужас перевешивал изобретенные позже понятия верности и отваги. Делать нечего: адмирал был вновь один. Он перепрыгнул через поручень.

Мертвецы погружались в воду и раскачивались, но, как было ему обещано, Солово сумел проложить по ним путь. Игнорируя совершенно немертвые взгляды пустых глазниц, адмирал направился к венецианцу. Подойдя ближе, он заметил, что три дня, проведенные в компании морского царя Нептуна и его рыбешек, прискорбным образом сказались на теле покойного.

— Привет, Солово, — донеслось из объединенных губ.

— С новым свиданием, господин венецианец, — отозвался Солово, зажимая платком нос. Некогда изысканный кавалер теперь не годился в приятные собеседники.

— Ты и не поверишь, сколько там нашего брата, — заметил между делом венецианец, показывая на плавучий ковер из своих камрадов. — И многих туда отправили подобные тебе. Быть может, именно этот факт объясняет столь единодушную поддержку моего предприятия. Даже море блюдет моральный кодекс, а к небесам возносится паром.

— Ну кто бы мог подумать, — ответил с сарказмом адмирал.

Человек и восставший труп со взаимной неприязнью разглядывали друг друга. Наконец, венецианец оставил свой проржавевший буй, отчего колокол звякнул, и потянулся к горлу Солово. Тот не стал оказывать сопротивления, и распухшая, пропитанная водой плоть пальцев покойника легко охватила всю шею адмирала.

Пребывая с глазу на глаз с собственной Немезидой* (правда, ее глаза уже жили самостоятельной жизнью в желудке какой-то рыбы), Солово терпеливо ожидал удушающего движения и того, что последует за ним. Спустя некоторое время он заметил, что боль и смерть излишне запаздывают. Венецианец проявлял известную нерешительность и не торопился с выполнением последнего желания.

Наконец зеленые уста отвернулись, и вместе с соленым дыханием в лицо адмирала дунули слова: *«Никогда не позволяй себе потерять равновесие, — процитировал мертвец. — Когда тебя терзает порыв, убедись, что он воплотится в правосудии... воздержаться от повторения — вот высшая месть».*

— *«Размышления?»* — прохрипел Солово.

Венецианец согласно кивнул нетвердой головой.

— Божественного Марка Аврелия, — подтвердил он. — Свет, направлявший всю мою жизнь... Ты отнял и то и другое. Книгу ты вернул, но жизнь...

Адмирал промолчал — в основном потому, что говорить было чересчур больно.

* Богиня возмездия, олицетворение кары и рока.

— Его стоическая философия определила каждую мою мысль и поступок... вплоть до последнего, когда я хладнокровно сошел с поручней по твоему требованию.

Солово показалось, что тугая хватка чуть отпустила гортань, однако надеяться он не смел.

— При жизни ты не смел лишить меня веры, — размышлял венецианец, — зачем же даровать тебе такую победу после смерти?

— Действительно, почему? — прошипел Солово. Венецианец снова кивнул.

— Я не стану тебя убивать, — проговорил он.

Не испытывая особенно большой радости, адмирал тщетно ожидал, пока рука отпустит его.

— Я возьму у тебя меньше, чем ты задолжал мне, — промолвил венецианец. — Я заберу у тебя энергию, чтобы поддержать себя в полуживом состоянии, и тем обреку тебя на подобную участь. В этом я усматриваю справедливую, но облегченную месть, достойную истинного стоика.

С этими словами он припал к губам Солово с непристойным французским поцелуем. Почувствовав непередаваемую тошноту, адмирал ощутил, как что-то теряет... и обрел покой.

Венецианец выпустил его и отступил назад. Он казался бодрым и энергичным.

— У тебя хорошая жизненная сила. Она поддерживает меня, пока в конце концов плоть и сухожилия не распадутся. У меня будет время перечитать мои книги!

Солово ощутил, что стоит на ногах, и удивился, почему ему все так безразлично.

— Что касается тебя, — ответил мертвец на

невысказанный вопрос, — я оставил в тебе достаточно сил для поддержания жизни... хотя бы какой-то. Я был к тебе милостив.

— Благодарю, — вежливо произнес Солово.

Венецианец улыбнулся, и это было хуже всего.

— Ты уже переменялся, — заключил он. — Экая сухость! Я проклиная тебя, а ты благодаришь! — И сказав так, он опустил в волны.

Адмирал торопливо зашагал назад к кораблю, не зная, сколь долго продержится мост из бывших в употреблении тел. Он с кротостью дожидался воссоединения со своим экипажем и уже издали одарил всех тигриной улыбкой. Их предательство более не смущало его, и Солово радовался предстоящим переменам, которые произведет ножом, петлей и пулей. И он был куда менее встревожен или смущен собственным легкомыслием и чувствами, чем когда-либо прежде. Быть может, это был мир, воцарившийся в пустыне, однако впервые его ум обрел покой.

Месть? — думал он, перебираясь через борт, пока утопленники отправлялись на подобающее им место. Проклятие? Я заплатил за него добрые деньги!

После обстоятельного и приятного разговора о Платоне и эффективности заклинаний, предписываемых богом Гермесом Трисмегистом* в своем главном труде «Corpus Hereticum», старший из двух фемистов отметил, что пора обратиться к мирским делам.

* Трижды величайший — эпитет Гермеса в эллинистическом Египте.

Младший из братьев, рыцарь Родосского ордена св. Иоанна в соответствующем одеянии и при оружии, обнаруживал признаки усталости, явившись на эту беседу сразу после долгого путешествия. Однако, невзирая на все, он прямо сидел в резном кресле, ожидая знака начать подготовленный доклад.

Второй мужчина, постарше первого, облаченный с равным великолепием в академический плащ Гемистианской платоновской школы², встал и пересек комнату. Там он удостоверился в отсутствии чужих ушей, а потом закрыл дверь и задвинул засов. Только после этого мановением древней, унизированной кольцами руки он велел своему гостю говорить. Даже в своей греческой цитадели в Мистре Феме по-разному доверял своим почитателям.

— Достопочтенный мастер, — сказал рыцарь ордена св. Иоанна. Греческий скорее всего не был его родным языком, однако слова звучали безупречно и обходительно. — Я могу поведать лишь о небольшом успехе и заметной неудаче...

— Я знаю вас, капитан Жан, — улыбнулся старый ученый, — ваша неудача была бы славным триумфом для обычного человека. И ваша прошлая служба нашему делу искупит тысячи катастроф. Итак, рассказывайте, не страшась осуждения.

Прежде чем продолжить, рыцарь оценил высокую похвалу.

— Я выяснил судьбу интересующего нас человека, однако не сумел отыскать его труп.

— Как так? — поинтересовался ученый.

— Море поглотило его, а оно с неохотой отдает взятые в долг предметы. Мы обследовали все

вероятные скалы и пляжи, но фортуна нам не улыбнулась.

— Прошло уже достаточно времени, — рассуждал ученый, разглядывая через выложенное мелкими стеклами окно вершину горы Тайгет и под ней ландшафт Мореи (или Спарты, как говорили в древности), — и я сомневаюсь, чтобы останки были в достаточной степени целы и мы могли почтить из похоронами.

Рыцарь согласно кивнул.

— Вы, без сомнения, правы, однако я преднамеренно не стал упоминать о том, что некоторые из найденных нами трупов... не допускали подобного обращения.

— Именно так, капитан. Что ж, хорошо, пусть брат наш покоится в объятиях волн. Но оратория в его честь будет пропета. Она уже почти завершена, как и, несомненно, разложение тела. Весьма интересное произведение, совмещающее достоинства стилей Пиндара и Сафо*.

Рыцарь настороженно улыбнулся.

— Не слишком легко сочетать эту пару, — заметил он, — учитывая склонности обоих поэтов.

Ученый воздержался от ссылок.

— В нашей Академии есть таланты, способные осуществить... подобную немислимую прививку. Быть может, искусство древних по-прежнему несравненно, однако из нас выходят вполне приличные мимы. Думается, смерть консула венецианских

* Пиндар (ок. 518—422 или 438 до н.э.) — древнегреческий поэт-лирик; Сафо (VII—VI вв. до н.э.) — древнегреческая поэтесса.

фемистов требует с нашей стороны некоторого напряжения, пусть даже лишь поэтического! Кстати, вы не установили, кто убил его?

Лицо рыцаря вдруг отвердело, скорость и легкость преобразования свидетельствовали, что его черты пришли в обычное состояние.

— Какой-то пират, — непринужденно проговорил он, — пока мы знаем лишь это, но его имя еще остается неизвестным. Должно быть, он недавно крутится в Средиземном море, иначе мы бы знали его.

— Или же он слишком тонок и искусен сверх обычного, — негромко предположил ученый.

— Подобную возможность нельзя отрицать, — сказал рыцарь, заставляя себя воспринять идею. — Однако она не меняет направления наших действий, разве что несколько замедлит их. Он будет обнаружен и обычным порядком оплатит все убытки, причиненные его преступлением.

— Так и будет, — согласился ученый. — Мы разыгрываем пьесу на темы морали, чтобы повеселить богов и облагодетельствовать грядущие поколения. И пусть она идет по нашему сценарию и в соответствии с добродетелью актеров.

— Аминь! — заключил рыцарь. — Его можно считать мертвым.

— Боже мой, нет! — возразил Энвер Раши, паша покоренного оттоманами Море́йского санджака. — Как раз наоборот!

Он только что известил ученого, знатока

Гемистианского платонизма, что уже выяснил имя убийцы их венецианского брата. Ученый немедленно рекомендовал как можно скорее уничтожить убийцу.

— Уважаемый старший брат мой, — обратился паша к озадаченному ученому старцу, — боюсь, что долгий путь ваш от цитадели в Мистре к моему двору был в известной мере напрасен. Наш покойный компаньон уже нашел способ передать мне ваши новости.

Зная все в избранной отрасли наук, ученый был мало приучен ко всяким сюрпризам.

— Этот мертвец... наш коллега... сказал вам? — он осекся, пытаясь заметить в глазах паши признаки насмешки или затаенную ловушку. Бесстыжая потаскуха, развалившаяся на кушетке возле своего господина, в свой черед смотрела на грека, как на отвратительного покойника.

— И самым эффективным образом, — подтвердил турок. — Во всяком случае, он дал мне знать. — Паша жестом отдал приказание рослому янычару, караулившему у боковой двери, и в ослепительно белый приемный зал втокнули грязного пленника. — Этот человек послужил средством для передачи послания, — пояснил он.

Сей несчастный, явно европейского происхождения, был уже отлично натаскан. Под злобещим взглядом янычара он поведал свою повесть незнакомцу.

— Я рыбачил, — проговорил он на скверно заученном и ломаном турецком языке, — у Мальты, где я живу.

— Жил, — поправил его Энвер-паша. — Забыл прошедшее время.

— Жил. И тут человек — то, что осталось от него, — поднялся из моря передо мной и встал, как на твердой земле или словно Христос на Галилейском море.

Ученый, любовь которого к Риму и Греции укоренила в нем страх перед христианством и его божественным Основателем и устойчивое неприятие того и другого, скривился, услышав сравнение. Девица-черкешенка, соскучившись, зевнула и решила соснуть.

— А потом он сказал мне, куда идти, что сообщить и кому. Он обещал мне великие сокровища, если я послушаюсь, и пригрозил проклятием. И вот я здесь.

— И теперь уйдешь отсюда! — усмехнулся Энвер-паша, прислушивавшийся к речи рыбака, и жестом пухлой руки велел выдворить его из зала. — Венецианец, — серьезным тоном обратился паша к ученому, — не забыл свое дело и по ту сторону могилы. Он был у нас среди лучших.

— Быть может, и все еще остается... — предположил ученый.

— Нет, — небрежно ответил Энвер-паша, — море и его обитатели творят самые ужасные вещи с безжизненной плотью. Никакое волшебство не может навеки предотвратить распад.

— Да, это так! — согласился ученый, весьма хорошо знакомый с разложением плоти.

— Конечно, — расцвел бело-золотой улыбкой Энвер-паша. — Как же иначе? Вы должны знать,

что «Hermeticism» учит умению вдохнуть божественную эссенцию в статую...

— Знаю, — уверенным тоном подтвердил ученый. — Так мы сохраним языческий пантеон для грядущих дней.

— Именно так. Но венецианец имел доступ к более глубоким учениям, позволяющим дольше приковать летучую душу к ее плотской тюрьме.

— Я и не знал этого! — ахнул ученый, забыв на короткое мгновение о важности — таково было его изумление.

— Поскольку ваша роль, брат, невелика в наших советах, — нанес паша жестокую рану, — мы решили не просвещать вас до нужного времени. Рыбаку было велено сказать мне лишь два слова: капитан Солово.

— И вы не хотите, чтобы я вытряхнул эту... песчинку из наших сандалий? — спросил ученый, чей внутренний мир в какой-то миг буквально перевернулся.

— Нет, — возразил паша, ласково поглаживая прикрытый тонкой тканью задок гурии*, распростершейся возле него. — Я хочу, чтобы вы отыскали его.

— Могу ли я спросить: почему?

Паша кивнул, перемещая ладонь в более интимное место.

— На вашем новом в данный момент уровне... да, пожалуй. По самому странному из совпадений, в которые мы, как вам известно, не верим, случилось так, что этот Сол-ово оказался одним из нас. Среди

* В мифологии мусульман — райская дева.

всех пригодных для этого дела мастеров венецианец отыскал единственного пирата в наших рядах. Совершенно невероятно, что этот человек вернулся в наше поле зрения и одновременно создал вакансию для себя. Ему, без сомнения, везет в отличие от венецианца. К тому же я знаю, что он числится среди наших главных вложений — брусок стали нашей собственнойковки. Вот почему, когда его найдут, я хочу, чтобы вы задействовали Папское собрание, за исключением наиболее глубоко погребенных сокровищ. Похоже, что Сол-ово фигурирует во многих планах, а посему вы должны не убить его, а доставить домой и вымостить дорогу.

— Так и будет сделано, — отозвался ученый, склоняясь настолько низко, насколько это позволяли предательские суставы.

— Так и должно быть! А теперь прошу вас выйти: амурные инстинкты штурмуют стены моего рассудка.

Совмещая ученость с шаловливым нравом, старик обернулся, достигнув двери приемного зала. Как он и ожидал, дело значительно продвинулось, и светлая головка гурии прикрывала чресла паши.

— А что будет с рыбаком? — спросил он невинным тоном.

Энвер-паша отсоединил присосавшуюся пиявку.

— Служба на галерах султана, — ответил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Рыбак привык к морю.

— Но без богатств?

— Возможно. — Паша откинулся назад в предвкушении часа-другого профессиональных хореографических развлечений. — Раз в десять лет один

из наших кораблей попадает в столь отчаянное положение, что освобождает и вооружает даже галерных рабов. Кое-кто из таких неудачников порой выигрывает схватку. Редкий капитан — из тех, кого море еще не ожесточило за пределами человеческой благодарности, — может наградить раба, который сражался, совершил великие подвиги и уцелел. Это всего лишь может случиться...и, безусловно, у него не больше шансов разбогатеть, чем у мальтийского рыбака. — Голос Энвер-паши гудел рассудительно. — Так чего же мы лишили его?

Ученый выразил согласие, закрыв за собой двойные двери. И заторопился, стараясь поскорее оставить афинский дворец паши, поскольку вид античных хором, перестроенных под исламские вкусы, расстраивал его. Иные, более достойные стопы должны попираť эту землю... Быть может... и *его* собственные могли бы облагодетельствовать ее. Однако подобные мысли исчезли сами собой, пока облаченные в шелка янычары выдворяли ученого. Оказавшись снаружи, он постарался от-вратить взгляд от обесчещенного Акрополя над головой.

Сколь чудовищно, думал он, пробираясь верхом на осле по замусоренным улицам прежде великих Афин, что люди могут существовать, не почитая богов, Платона и античность. Как вовремя переродилась прежде непокорная цивилизация!

Год 1487

*Я поступаю на службу к мастеру
избранного мной дела и встречаюсь
с новыми и жуткими людьми при самом
удачном стечении обстоятельств.*

— Я прибыл в Триполи потому, что устал от Европы, — проговорил адмирал Солово, — и привез с собой сведения о том, что там пытаются сделать.

— Так они, наконец, решили чем-то заняться? — спросил пожилой собеседник. — Я никогда не слышал о сколько-нибудь разумных устремлениях в этих краях, а в отличие от вас... я стар.

— У меня ум старика... — парировал Солово. — К тому же при вашем возрасте вам не случалось испытывать на себе тамошней лихорадочной суеты, охватившей ныне всю Европу. Посему меня одолело стремление к жизни... рассудочной и понятной. Подобное кажется нереальным, однако усердие приводит ко многим несчастьям, физическим и духовным, что, впрочем, не отвращает ни глупцов, ни философов.

Старик поднял глаза от звездных карт великолепной работы и принялся разглядывать адмирала в неровном свете свечи.

— Если ваши слова верны, — произнес он наконец, продумав все нюансы и не стесняясь неловкого молчания, — тогда я согласен. Попытаться понять, а тем более объяснить мысли Аллаха... такому занятию мог бы посвятить свою

жизнь только глупец. Тем не менее все, что я знаю о вас, неверных христианах, не предполагает подобную... сухотку. Сложившееся у меня впечатление свидетельствует об удивительной жизненной силе вкупе с склонностью к насилию, превосходящей потребности ситуации. А это, Сол-эль-ово, в свою очередь предполагает стремление к экспансии, а не скучное сидение дома.

— Быть может, уважаемый Кайр Халил-эль-Дин, — произнес Солово вежливо, но с некоторой неуверенностью, — вы просто встречали не тех людей.

Старик кивнул, огромный зеленый тюрбан придал великую значительность простому жесту.

— Возможно. В качестве пирата и предводителя пиратов я мог встречаться лишь с определенной разновидностью вашей родни. Быть может, за давностью лет это мне просто кажется, но мой наставник в деле как будто говаривал: *«Уважай корабли христиан, даже когда пускаешь их на дно. Будь готов оказаться в крови, которая не обязательно будет чужой. Это лишь с поверхности они кажутся мягкими — при всех-то разговорах о любви и милосердии, — но внутри... гм!»*

— Он был отчасти прав, — проговорил адмирал. — Я и сам в последнее время замечал в себе какую-то лень, побуждающую ограничиваться кораблями из мусульманского мира. Я не хочу этим сказать, что мы выбираем и в противном случае спасаемся бегством, однако, когда есть выбор...

— Я понимаю вас, капитан, — дружелюбно заключил старик. — Я мог бы ответить вам анекдотом из собственной жизни о том, как один

безумный австриец взлетел в воздух верхом на бочонке с порохом, чтобы не сдаваться нам и не платить выкуп.

Они помедлили, пока Кайр Халил-эль-Дин улаживал свое усталое сердце звездопадом, появление которого он предсказывал. Ни один из собеседников не имел представления как о том, что собственно они видят, так и о происхождении небесного фейерверка. Не зная, безграничны ли небеса или оканчиваются в нескольких милях над головой, оба молча следили за тем, как эти камешки, прощаясь с межпланетным пространством, вспыхивают огнем в атмосфере Земли.

Солово не знал, что и думать. Он еще не решил, допускает ли стоицизм умеренные развлечения подобного рода.

Напротив, старший пират позволял себе предаваться блаженству и ощущал, что хотя бы на короткий миг удостоен чести опустить свои пальцы в поток мыслей Аллаха. Жизнь, отданная чтению, и все долгие кропотливые расчеты были вознаграждены, и, когда небесный ливень, наконец, завершился, он склонил свою голову в безмолвной, благодарной молитве.

— Звезды пришли по вашему слову, — поздравил адмирал старика. — Я потрясен.

— Они пришли, — улыбнулся старик, — и, иншаллах, придут снова. Но мы с вами их не увидим — к счастью; людям не дано жить века. Аллах направляет эти огни в небесах и посылает их к тому прекрасному миру, который он сотворил для нас. Но, быть может, мои речи кажутся вам излишне благочестивыми?

— Я вижу, что, предоставляя весь смысл и совершенство в распоряжение одного только Бога, вы избавляете себя от бездны хлопот, — продолжил Солово.

— Это не совсем так, как вам кажется, — прокомментировал старый пират. — Иная безносая шлюха с пятидесяти шагов покажется красоткой. Нет, в вашей религии действительно *что-то* есть... Почти половиной моих кораблей сейчас командуют христиане. Быть может, когда я умру, все так называемые берберийские пираты сделаются неверными.

— Дело в том, — тщательно сформулировал Солово, — что те люди, о которых вы говорите, не являются христианами. Они лишь пена из наших сточных канав, доплывшая до ваших берегов. Это не уменьшает их мореходного мастерства, — добавил он поспешно, не желая ставить под сомнение суждение своего господина. — Ставлю в заклад свой корабль — едва ли у целой сотни таких во всей жизни хотя бы одна мысль зародилась выше пупка.

Корсар мягко улыбался.

— Ну а вы...

— Я прибыл в Триполи не за золотом, — твердо ответил адмирал. — Я здесь для того, чтобы найти свою душу и, быть может, спасти ее.

— Я вас умоляю, Солово, запомните свои слова, впечатайте их в свое сердце. Если вам доведется дожить до моих лет, вы найдете, что смешного в жизни весьма немного. Но в этот день вы будете хохотать, если сумеете припомнить подобное утверждение.

Адмирал мог бы обидеться, но только сказал:
— Я сделаю, как вы говорите.

— Я знаю это, вы умны, Солово. И даже приятны мне, хотя не имеете отношения к звездным картам. Вы живете здесь потому, что ваш сто... как там дальше...

— Стоицизм, — договорил адмирал.

— ...стоицизм согласуется с тем, что вы принимаете за наш фатализм. Скоро вы убедитесь в своей ошибке и двинетесь дальше. Но до тех пор я могу заработать на вас целую кучу денег. Вы знаете, что ваш корабль является у меня одним из самых доходных?

— Я предполагал это, — проговорил Солово, — в основном потому, что не надувают вас.

— Да, вы сдаете все награбленное, — согласился старый пират. — Истинное и редкое достоинство. Однако вы и отважнее в деле, и не столь разборчивы, как все остальные. Я бы не хотел, чтобы мои дети делали то, что делаете вы... Но в вашей душе добродетель сплелась со злодейством, а это весьма полезная и необычная комбинация. Я найму вас заново, христианин; я продлеваю вашу лицензию еще на шесть месяцев.

— Я благодарен вам, — бесстрастно ответил адмирал.

— Возможно, это действительно так. Мы подпишем соглашение и уладим счета за предыдущий период завтра утром, когда будет светло. Вы останетесь довольны премией, которую я выделил вам.

Книги, новый нож и белокожая рабыня для

экспериментов, подумал Солово и тотчас устыдился собственной слабости.

— Да, кстати, вот еще что, — вопросительная интонация в словах Кайр Халил-эль-Дина была столь незаметна, что защитные механизмы в организме адмирала немедленно включились. — А вы ни с кем не переписывались?

— Нет, — голос Солово был тверд. — Я обещал не входить в сношения с кем бы то ни было.

— Именно так, — ответил повелитель пиратов. — Ну а обращались ли вы к высшим областям ислама?

— Хотелось бы, но мой арабский все еще не настолько совершенен, чтобы уловить всю возвышенность Корана.

— Упорствуйте, — заметил корсар. — Итог стоит труда. Однако я получил письмо, касающееся вас. Кое-кто хочет встретиться с вами, мой капитан Солово, и я не смею отказывать. Встреча состоится в следующем месяце... вы согласны?

Адмирал пожал плечами.

— Или мне есть что терять? — не без ехидцы осведомился он.

Кайр Халил-эль-Дин уделил комментарию гораздо больше внимания, чем он заслуживал.

— А это, — проговорил он, приложив указательный палец к морщинистым губам, — весьма интересный вопрос.

Ко времени, назначенному для свидания, Кайр Халил-эль-Дин сделался более откровенным.

— Возвышенная персона, возжелавшая глянуть на вас, возглавляет древний Каирский университет

при мечети аль-Азхар. Его называют Шадуфом — по имени оригинального водоподъемного механизма, созданного египетским народом, поскольку муж этот дарует жизнь иссохшим полям ума, проливая на них живительную воду истины. Как человек, почитающий истину, Солово, вы должны склониться перед ним, как это делаю я.

На деле ни тот ни другой так не поступил. Адмирал истолковал почти незаметные движения безукоризненных усов и бороды крохотного араба как приветствие и отвечал подобием поклона.

— Благодарю вас, повелитель корсаров, — проговорил Шадуф. — А теперь вы можете нас оставить.

Солово подумал о том, что его ждет... какая возможность его ожидает. Опустившись в кресло, Шадуф принялся разглядывать его. Считая соперничество взглядов неразумным, адмирал предпочел рассматривать галеры в Триполийской гавани далеко внизу под собой.

— Да, — наконец заключил Шадуф, явно рассчитывая, что Солово даст волю восторгам, едва услышав это слово. — Да, вы подойдете.

Адмирал смахнул воображаемую пылинку с колена.

— С души моей свалилась огромная тяжесть, — сказал он. — Для чего же?

— Для того, что мы задумали, — осознанно объявил Шадуф, не смущаясь реакции неверного. — Но на этой стадии вашей карьеры вам не следует слишком утруждать себя подобными идеями.

— Я и не представлял себе, что дорос до столь

сложных концепций, — проговорил Солово. — Кстати, кто это «мы»?

С точки зрения Шадуфа, разговор был окончен, однако он остался, желая ублажить надменного христианина.

— Во-первых, — он загнул холеный палец, — вы не замечаете того, что ваша жизнь укладывается в определенную схему, и это еще не означает, что ее не существует. Во-вторых, — согнулся второй перст, — «мы», которых я упомянул, — это организация Феме.

Адмирал погрузился в воспоминания, стараясь не потревожить дремлющих там чудовищ.

— Помнится, я слышал это слово в Германии, среди городов-государств. О нем говорят...

— Все, кроме правды, — решительным тоном и с самой убедительной уверенностью перебил его Шадуф. — И ее можно познать лишь постепенно. И это мы вам предлагаем.

Опыт капитана Солово позволял ему определить превосходящую его мощь. Конечно, физически Шадуф не выстоял бы против самого мелкого из пиратов, стажировавшихся на борту его корабля, однако самому капитану было ясно, что перед этим арабским Голиафом он подобен Давиду без пращи.

— Просто из любопытства, — спросил он, — скажите, могу ли я отказаться?

— Всякий человек волен выбрать смерть, — ответил Шадуф.

Год 1488

*С помощью прекрасного зада
(не моего собственного) я приобретаю новую
жизненную позицию, а с ней
респектабельность и жену!*

— Подробности, простые подробности, — сказал капитан Солово.

— Быть может, для вас это простые подробности, капитан, — ответил боцман, — но для нас в них жизнь или смерть. Давайте режьте горло и выливайте новости.

С утратой защитной оболочки, обнажившей в нем любителя философии, боцман начал обнаруживать опасно демократические тенденции. Солово не потерпел бы подобных вольностей, если бы ему не оставался лишь один только вояж, и смена боцмана сулила изрядные неудобства. В противном случае этот выскочка, этот мастер румпеля уже разыскивал бы за бортом венецианца.

— Из надежного источника, — пояснил капитан с терпением, от которого боцману следовало бы покрыться холодным потом, — мне стало известно об особо сочном плоде, который несут нам волны... вот и все. Нам осталось сплавать за ним, сорвать и схрупать. Что может быть естественнее?

Боцман приступил к протестам, заметно понизив голос:

— Но это корабль халифа. Такой фрукт не для

нас. Мы всего только галиот, а это латерна... такого нам не сорвать. Он раздавит нас!

— Перспектива может оказаться более привлекательной, чем ты предполагаешь, — проговорил Солово. — Корабль принцессы будет нести целый полк девиц и кандидатов в евнухи, занявших место охраны. Наши шансы куда выше, чем ты считаешь. К тому же меня заверили, что нам поможет агент на борту.

В перерывах между рефлекторными десятисекундными проверками занятости экипажа боцман сумел соорудить на своей физиономии сомнение.

— Что-то вы слишком верите этому *источнику*, — ответил он осторожно. — Совсем непохоже на вас.

Это действительно было так, но перед лицом аргументов, выстроенных в боевой порядок Шадуфом, Солово не оставалось иного выбора, кроме веры. Если наставник старейшего в мире университета утверждает, что дочь египетского султана с приданым и свитой направляется, чтобы вступить в брак с турецким соперником его властелина, у Солово не было альтернатив действиям. Дополнительное соображение — перспектива быть объявленным «врагом Божиим» во всем исламском мире — делало предстоящее отплытие весьма привлекательным. Конspirаторы-фемисты по шажку сужали и выпрямляли оставленную ему дорожку и еще подталкивали в спину.

— Ну что я еще могу сказать? — спросил капитан у боцмана, готовясь дать «инструкции Судного дня». — Верь мне.

Ответить отрицанием на подобное предложение

было небезопасно, и боцман оставил своего капитана, стремясь найти компенсацию в притеснении экипажа. Те мореходы, что не были обручены с веслами, кишели вокруг него муравьями, во всю стараясь ублажить.

Галера рассекала волны, подгоняемая взмахами весел, гребцы легко впали в ритм, навешанный древней песней надсмотрщика. Боцману было позволено соблазнять пиратов крупной поживой, и они рвались вперед. Теперь лишь один боцман с недовольным выражением рассказывал по гребной палубе и вглядывался в море, однако в этом ничего необычного не было.

Солово же, напротив, ожидал предстоящего. Единственный раз в жизни ему можно было не продумывать все возможности. Шадуф — а через него Феме — наделил его самыми подробными наставлениями. Подобные нежности смутно напоминали адмиралу полузабытую семью и могли бы воодушевить его, но стоицизм вкупе с венецианцем заботились об обратном.

Хотя Шадуф почти ничего не сказал о, по всей видимости, всеобъемлющем Феме, он просто утопил Солово в других идеях, провоцирующих размышления. Бог (или Божество), независимо от представлений о нем, обладал, по словам Шадуфа, семьюдесятью тремя подобающими его величию именами, и те немногие персоны, знающие их все, назывались Баал-Шем.

Капитан убедил себя в том, что столь сокровенные теологические тонкости интригуют его. Однако что делать с этой идеей практикующему

пирату? Чем подобная информация может помочь морскому разбою?

Шадуф терпеливо объяснил, что звуки Господних имен уложат наповал всякого неподготовленного смертного и Феме отправит собственного Баал-Шема на борт султанского корабля, но его аргументы не сразу убедили Солово. Однако в конце концов он понял, почему Феме ограничивается лишь сотней бойцов против плавучей крепости, которую предстояло встретить пиратам. Из тайн и глубин восставал левиафан, и пусть противник падет, устрась на короткий миг Господа.

Оставались кое-какие несоответствия и не находившие ответа вопросы, но Солово полагал неделикатным обращаться к ним. Он приобрел восковые затычки для ушей своего экипажа и доверился новым хозяевам. Подобные беспрецедентные сантименты встревожили боцмана, и Солово в сердце своем не мог осуждать его.

И пока он размышлял о степени, в которой исламский фатализм Триполи воздействовал на его решения, впередсмотрящий завопил:

— Вижу корабль!

Даже капитан дрогнул, когда они приблизились к чудовищу, несшему в себе султанскую дочь. Огромный галеон глубоко осел в воду, отмечая тем самым количество людей на корабле, непринужденно скользившем вперед, шевеля неслучайными рядами весел. На диво огромные и зловещие пушки мешали пиратам приблизиться к кораблю с кормы или носа, а вдоль борта,

обращенного к Солово, выстроилась целая толпа встречающих — в полном вооружении.

К чести боцмана, он быстро сумел заглушить недовольный ропот. Чтобы ободрить остальных, ему пришлось раскроить череп излишне испуганного морехода. Успокоенный экипаж немедленно постиг мудрость решений своего капитана и приготовился к бою, подгоняемый аллегрó надсмотрщика... надо было что-то делать и так или иначе разрешить этот вопрос. Солово отметил искусное положение египетского корабля, позволявшее стрелять из кормового орудия, однако предоставил боцману судить, в какую сторону уклоняться от сокрушительного ядра. Действительно, корабль был много больше, чем те, с кем им приходилось встречаться... но вся пьеса была сыграна не менее сотни раз. К тому же на борту корабля их должен был ожидать друг.

Боцман сделал свое дело, и все промокли, когда море выплеснулось после падения ядра в дюжине шагов от левого борта, и Солово сразу бросил корабль в атаку. Почтительно опустившись на одно колено, капитан поручил себя попечению Марии и ее Сына, не забыв вознести хвалу Иегове (временами аргументы иудаизма казались адмиралу достаточно убедительными).

Тут галеру «Солово» буквально засыпало египетскими стрелами, и люди у весел начали горбиться. Пираты обычно располагали подавляющим огневым превосходством и всем сердцем стремились прибегнуть к нему. Однако, покрывая крики умирающих, капитан запретил воспользо-

ваться им. В то же время он приказал своим заткнуть уши.

Повинуясь дурацкому обычаю берберийских пиратов, велевшему капитану без страха стоять лицом к врагу, палящему из всех имеющихся средств, Солово наконец приступил к изучению объекта нападения... пока оттуда старались навсегда лишить его возможности наблюдать.

Перед ним *действительно* был бегемот! На постройку судна пошел, должно быть, целый лес; богато украшенный всяческими яркими фитюльками, которые так обожали магометанские владыки, он казался совершенно неуместным на этих волнах. С трудом осилив надпись, Солово разобрал, что могучий белый парус украшен символом веры: *«Нет Бога кроме Бога и Мухаммед — пророк его»*. Капитан улыбался, даже когда стрела, свистнув, едва не задела его ухо. Един Бог, подумал он, однако сейчас мусульмане узнают, что у Него много имен.

Презрев бегство под парусами или силой рабов, неуклюжий египетский корабль убрал весла и стал дожидаться продолжения. Галера «Солово» вильнула и под градом снарядов отправилась к свободному от орудий борту на абордаж. Платформа и крючья уже были готовы, и, поскольку таран не планировался, гребцам приказали оставить греблю и подобрать весла, позволяя инерции доделать все остальное.

Солово собрал на своей галере элитную группу моряков, отличавшихся животными наклонностями и всегда возглавлявших натиск.

Царственный египетский корабль, невзирая на высокие борта, был обременен грузом и глубоко

осел в воду, открывая палубу. Обычно в подобный момент начинали метать горшки с горячей нефтью и корзинки с гадюками, чтобы посеять среди многочисленного противника не то что панику — хуже, однако Солово игнорировал молящие взгляды своих крутых ребят. На этот раз — только однажды — он позволит себе слепую веру до самого последнего мгновения.

Баал-Шем запаздывал, истощая слабую веру Солово. Были брошены кошки, рухнули мостики, зубьями цепляясь за палубу египетского судна, и только тогда Баал-Шем явил, наконец, свою руку. Передовые ряды пиратов и моряков уже сцепились в интимном и смертоносном объятии, когда раздался его голос — и весьма вовремя, так как пираты оказались в безнадежном меньшинстве.

В царственном павильоне посреди перепуганной кучки придворных возле великолепного дивана стоял негр. Неторопливо отложив опахало из страусовых перьев, он сделал шаг вперед и заговорил.

Слова его пронесли над всем шумом, и борьба немедленно прекратилась.

По одному египтяне замирали, обращая свое внимание на вопросы более важные, чем простая схватка не на жизнь, а на смерть. Иные из пиратов совершенно не по-рыцарски пользовались предоставившейся возможностью, чтобы избавиться от обезумевших оппонентов. Теперь, когда выяснилось, кто их помощник, Солово воспользовался ситуацией и пронзил горло египетского капитана арбалетной стрелой.

Впрочем, он мог и не утруждать себя. Услыхав зов Баал-Шема, все, кто мог слышать, зарыдали —

от горя ли, счастья, Солово сказать не мог, — а потом начали умирать. Немногие пираты, посчитавшие воск в ушах досадной помехой, последовали их примеру.

Скоро палуба египетского корабля оказалась заваленной мертвыми и умирающими — выстроившимися в ряды, как пленные христиане-гребцы, или валившимися друг на друга, дергающимися воинами в панцирях и придворными в шелках. Солово надеялся проследить за Баал-Шемом и прочесть имена по его губам, однако все произошло слишком быстро... быть может, и к лучшему.

Выжившие пираты взвыли от восторга, увидев подобный успех, и, повиновываясь из ушей затычки, бросились грабить. Их капитан последовал общему настроению. Тут черный как ночь Баал-Шем шагнул навстречу пиратам и повернул их поток в обратную сторону, предоставив тем самым Солово возможность в раздражении удивляться, почему его люди бегут, когда битва окончена. Однако они исчезли за его спиной, и причина немедленно выяснилась. Баал-Шем небрежно приближался к нему, и капитан Солово убедился, насколько легко можно позабыть про цель, достоинство и отвагу. Он обнаружил в себе странное стремление перепрыгнуть на свой корабль и припасть к знакомой палубе.

К счастью, это был всего лишь побочный эффект, и Баал-Шем отбросил облик приближающейся смерти в сочетании с чем-то еще худшим так же легко, как и принял его. Перегнувшись через борт корабля, он равнодушно глянул на трясущихся пиратов.

— Много ли они знают? — спросил он трого-

тельным фальцетом, обращаясь прямо к Солово и рукой указывая на его экипаж.

— Лишь необходимое, и не более того.

— Тогда пусть поиграют, — ответил Баал-Шем, — пока мы поговорим.

Отступив в сторону, он склонился, приглашая гостя на борт движением гладким и плавным, вполне достойным султанского лакея. Перспектива доброго грабежа одолела страх, и, подобно мышам, крадущимся мимо внимательного кота, пираты осторожно, бочком, пробирались на корабль мертвецов, где к ним вернулись обычные инстинкты, и они с уханьем набросились на павших.

Баал-Шем тем временем неловко перебрался на галеру «Солово», с много меньшей прытью, чем принято среди пиратов. Он явно был старше, чем позволял заподозрить его внешний вид.

— В павильоне остались живые, — проговорил Баал-Шем чуть в сторону, — а с ними предмет, который будет неоценимо полезен тебе. Прикажи своим тварям уважать его пределы. Все прочее они могут забрать... даже мое верное старое опахало из перьев страуса.

Капитан Солово скомандовал боцману, тот передал приказ дальше. Их общие командные достижения были таковы, что даже в этой сумятице в повиновении можно было не сомневаться.

Баал-Шем позволил, чтобы его провели на капитанский мостик и усадили на брезентовый стул. Солово налил по кубку вина. Баал-Шем пригубил и облизнулся.

— Прекрасно! — произнес он, не скрывая удовлетворения. — Это первый глоток вина после

моего поступления на службу исламу. Благодарю, капитан!

— Всякий мужчина нуждается в опьянении, — заметил Солово, — чтобы сбежать от самого себя.

Баал-Шем понимающе кивнул.

— Согласен с тобой, капитан. Однако к делу: как и почему... Я не сомневаюсь, ты хочешь это узнать?

— Если вы не против, — ответил Солово, с опаской разглядывая гостя и пытаясь скрыть невежливый поступок. — Что за магическое слово вы произнесли? Оно, безусловно, решило бой в нашу пользу.

Утерев рот широкой ладонью, Баал-Шем объяснил:

— Одно из имен Бесконечного, услышав которое смертный вянет и умирает. Все очень просто.

Солово слегка нахмурился.

— Но вы упомянули про выживших?

— Ах да. — Баал-Шем многозначительно поглядел на бутылку с вином, однако Солово не стал считаться с намеком. — Предполагалось, что кроме меня самого уцелеет хотя бы один человек. Там, куда ты отправляешься, тебе потребуется принцесса. Но, к моему удивлению, выжили двое. Достаточно ли у тебя времени, чтобы выслушать объяснение?

Солово поглядел через опустевшую палубу своего корабля на дикие сцены рядом.

— Они будут вести себя как мерзко воспитанные дети, если не получат полную меру забав и добычи.

— Тебе достаточно знать, что призванием всей моей жизни вплоть до самых последних ее мгновений было овевать опухшим чело и прочие

части тела принцессы Хадинэ. Всему исламскому миру известны божественная краса и идеальное совершенство ее округлого зада...

— О да, я слышал о ней, — с готовностью отозвался Солово. — И однажды даже видел непристойный рельеф, превозносящий ее атрибуты.

— Я не удивлен, — ответил Баал-Шем, — «искрящийся самоцвет Дельты» уже сделался знаменитостью. Как бы то ни было, совершенно случайно оказалось, что халиф-султан Истанбульский Баязид знаменит своим интересом к подобным материям. Чтобы предотвратить скандальную войну между мусульманами и гибель несчетных толп, решили воспользоваться девичьим задком, а потому ее выдают за султана. И я был обязан прохладить принцессу во время этого почтового путешествия.

— Но я все же не понимаю, почему она жива, — заметил Солово. — Безусловно, подобный вам раб-телохранитель должен был накопить достаточно обид, требующих возмещения? И потом, как сумели вы сохранить ей жизнь?

— Она живет, — Баал-Шем отбросил всякие условности и передал Солово опустевший кубок, — потому что ты нуждаешься в ней и самым достопочтенным образом. Она и выкуп за нее гарантируют тебе хороший прием в месте назначения, не говоря уже о богатстве этого корабля и его мощи. Это судно усилит любой флот. Среди приданого есть реликвия, вырванная из костлявых пальцев коптских* монахов: часть таза св. Петра или кого-то еще, оправленная в золото и драго-

* Египетские христиане.

ценности. Получив ее, твой следующий работодатель возлюбит тебя.

Солово отказался брать подвешенную приманку, сулившую столь благоприятное будущее, и оставил вопрос открытым.

— Но вы уклонились от объяснения, *как* это вышло, — вежливо проговорил он.

— Ах да. — Баал-Шем явно был под впечатлением сдержанности капитана. — С известными усилиями, прибегнув к некоторой магии, я могу ограничить воздействие имени Бога, так чтобы оно не причинило вреда определенной категории персон. И на этот раз, чтобы потешить свое чувство юмора, я исключил обладателей прекрасного зада...

— Ага, *понимаю*, — промолвил Солово.

— Но это отнюдь не значит, что путешествующему на корабле равви из иудеев позволительно услышать благословенное имя и жить.

— Надеюсь, этого не случилось? — спросил капитан.

— Увы, ты ошибся! Равви необычайно скромен, преждевременно зрел и со спины напоминает грушу — форма сия приобретена им в результате долгих и усердных занятий... Нет, выходит, что он уже знал это имя — помогла ли тому ученость или молитва, — а посему не разделил общую участь.

— Мне бы хотелось встретиться с этим человеком, — проговорил Солово, словно бы прося одолжения.

— Так оно и будет, капитан. Его судьба — в твоих руках. Ты вправе позволить ему закончить свое посольство от каирских евреев к их оттоман-

ским собратам; можешь переговорить с ним или попросту выбросить за борт.

Солово наконец смиростивился над Баал-Шемом и извлек другую бутылку с вином из своего запаса.

— Я бы предположил, — он отвернулся, чтобы не видеть крупных глотков, — что с подобным человеком мудрее всего обойтись самым мягким образом.

— А... — ответил Баал-Шем, неохотно отрывая губы от алой струи. — В этом разница между мной и ним, между его... философией и понятиями Феме. Он может знать не произносимое всеу имя, но никогда не сможет воспользоваться им!

Тут с захваченного египетского корабля донесся странный вопль, отличающийся от бессмысленного восторга, к которому Солово и Баал-Шем успели привыкнуть. Они огляделись и заметили пару пиратов, выставивших на поручень для всеобщего обозрения юнца с золотистой кожей.

— Живого нашли, — пояснил боцман, обращаясь к своему капитану. — Прятался под грудой мертвецов.

— Ну и денек! — воскликнул Баал-Шем. — Сплошные чудеса.

Солово ничего не сказал, однако позволил мотыльку радости дожить положенный срок. Поскольку сей юнец ничем не был похож на не по годам умудренного теолога, путешествие обещало быть куда более интересным, чем он ожидал.

Устроившись удобно в чреве египетского бегемота и потопив галеру «Солово», Баал-Шем объ-

явил, что желает быть доставленным в Сицилию. Учитывая уже известное, его надлежало ублажать всеми возможными способами, и Солово направил корабль на нужный курс.

Капитан с умеренной скорбью воспринял потерю своего морского дома, обеспечивавшего его пропитанием последние несколько лет, однако ему не хватало рук, чтобы одновременно вести египетский приз даже под полными парусами и грести на «Солово». Памятуя прежние времена, они дождались, пока оставленная галера задрала к небу корму и стрелой исчезла под волнами. Солово даже искал вдохновения, чтобы описать в стихах горькое зрелище, но не смог придумать подходящей строфы.

После этого Баал-Шем, не желая более разговаривать, направился в царственный павильон, чтобы предаться собственным мыслям, коих пираты не смели прерывать. А посему Солово приступил к встрече с выселенной из павильона принцессой Хадинэ и удачливым-в-своих-занятиях равви из Каира.

Принцесса, к разочарованию Солово, находилась в постоянной ярости и бесформенном черном платье. После того как уши его подвергались непрерывному и непонятному натиску в течение целого дня, Солово уже начал тешить себя мыслью, как отдаст ее для развлечения экипажу, чтобы хоть раз в своей ничтожной и ограниченной жизни они получили представление о том, как живет 0,0000001 процента населения. Впрочем, здравый смысл оказался сильнее, и мир был наконец восстановлен с помощью черного мешка, накинутого на голову принцессы и тем самым допол-

нившего скромное облачение. Какие бы претензии египетский султан ни возымел в будущем к капитану, нарушения исламских требований к женской одежде среди них значиться не будут.

Равви звался Мегиллахом, и первой мыслью Солово было усадить его за весла, где так не хватало гребцов. Едва ли мягкое тело выдержит путешествие, однако равви получит возможность пасть за правое дело; увеличивая расстояние между Солово и Египтом, он приложит руку к посрамлению ислама вообще и Египта в частности.

Вышло так, что равви Мегиллах спас свою жизнь (не подозревая того), мастерски изложив за обедом в первый вечер пять Ноевых заповедей. Поскольку Солово всегда стремился уравновесить свою жизнь между потребностями плоти и духа, он решил сохранить компанию в лице золотоволосого юнца и равви (этот поступок Мегиллах ошибочно принял за доброту). Для них двоих путешествие сделалось увеселительной прогулкой... для компенсации Солово решил помолиться тазовой кости св. Петра.

Однако все хорошее рано или поздно кончается. Сквозь дождь и туман впереди замаячил берег Сицилии. Без всяких извещений Баал-Шем вышел из транса, и мимо пиратов, разбегавшихся от него, словно котят от таза с водой, прошествовал к борту и подозвал к себе капитана Солово.

— Я ухожу, — просвистел он с той мягкостью, которую позволяла ему оловянная глотка.

Солово с сомнением глянул на темное и бурное море.

— Прямо сейчас? — удивился он. — Я мог бы подвести вас поближе.

Баал-Шем качнул головой.

— Нет, спасибо за доброту, это не нужно: я дойду и отсюда.

— Понимаю... — ответил Солово, отбросив всякие сомнения, — но...

— Это еще одна из моих крохотных штучек, — пояснил Баал-Шем. — Подобное знание приходит с пониманием того, что я делаю.

— А именно? — торопливо осведомился Солово. Казалось, безобидный вопрос.

Однако Баал-Шем на подначку ответил улыбкой.

— Ты должен направиться в Рим, — заключил он.

— В Рим?

Баал-Шем, предвкушая, рассматривал берег, стремясь скорее там оказаться.

— Да, там-то и начнется твоя истинная жизнь, та самая, которую ты поделишь с нами. Радуйся, для тебя у нас уготованы великие планы.

Солово без особого труда воспринял новость невозмутимо.

— Готовы ли вы сообщить мне, в чем именно они будут состоять?

— Пока еще нет, капитан. К тому же они несколько текучи. Но не беспокойся, тебе придется лишь оставаться самим собой.

— Ну, это дело нетрудное, — сухо заметил Солово.

Неожиданно встревожась, Баал-Шем обернулся.

— Нет, — проговорил он голосом настолько серьезным, насколько допускали его возможности. — Могу открыть тебе это — всегда быть самим собой нелегко. — И с этими словами он

не без труда влез на борт и соскочил вниз. Общий вздох облегчения вырвался из глоток суеверного и в высшей степени податливого к расизму экипажа.

Солово перегнулся через борт и обнаружил, что смотрит почти в глаза негру, стоявшему на воде, как на раскачивающейся платформе.

— В Риме тебя встретят, — услышал капитан. — Расплатишься с экипажем, а корабль, принцессу и реликвию передашь папе. И смотри — ничего не утай... Мы верим тебе.

— Вот уж не посоветовал бы! — отозвался Солово.

— Пора кончать с прежней жизнью. Я желаю тебе добра. И венецианец тоже.

— *Кто-кто?* — переспросил капитан.

— Венецианец, — ответил Баал-Шем, показывая на море возле своих ног. — Он просит, чтобы я пожелал тебе успеха... невзирая на все. Ох, разве ты не знал? Он сопровождал тебя во всех вояжах... в особенности после того, как узнал, что ты из наших. Вот, смотри!

Солово поступил, как ему было указано, и даже в сумраке заметил клочок моря длиной с человека, покрытый пленкой сине-зеленой слизи. Она вдруг забурлила и закипела, и Солово ощутил омерзение.

— Он все еще человек? — спросил капитан, приглядываясь. Пленка вновь запузырилась.

— Номинально, — пояснил Баал-Шем. — Вышшие умы способны общаться с ним, однако он утверждает, что долгое пребывание в воде пробудило в нем склонность к морской жизни. Что и неплохо, поскольку он все равно вольтется в нее, как только процесс разложения завершится. —

Баал-Шем поглядел на темнеющий горизонт и заметил, что день кончается. — Однако я не могу проводить свое время в праздной болтовне, мне еще нужно дестабилизировать одну династию.

И с этими словами он заторопился по морю в быстро сгущающийся сумрак.

Весьма стараясь не вглядываться, Солово приветливо помахал некоему кусочку моря возле борта и приказал грести.

Огромный египетский корабль медленно тронулся с места, и, маслянисто мерцая в свете луны, полоска воды, укрывавшая под собой нечто иное, покорно последовала за ним.

— За капитана! За его стилет — чтобы не ржавел!

Пираты с восторгом подхватили тост пьяного боцмана, сделав еще один шаг к бесчувствию и, как следствие, к ранней могиле.

Капитан Солово ответил скупой трезвой улыбкой и приподнял свою кружку с вином. Он будет рад, когда эта бессмысленная шарада наконец завершится. Самая холодная часть его ума уже предлагала объявить экипаж «варварами и веротступниками» и повесить на ближайшем берегу во время отлива. Так он мог бы совсем покончить со своей прежней жизнью. Безусловно, учтивый глава римского клана Колонна (а заодно и фемист), приветствовавший их в порту Остии, устроил бы подобное с радостью.

Впрочем, в конце концов было решено, что проще будет расплатиться с ними щедрой рукой и приказать забыть обо всем. Солово объявил, что

Азия, Африка, даже Скандинавия, тоскуют по людям их калибра... но не Италия. Климат этой страны скверно скажется на их здоровье. Прекрасно зная своего капитана, пираты уловили намек, а как только что разбогатевшие люди, они могли позволить себе рассудительность... и сделать ему приятное.

После первых ледяных мгновений, окруживших исламский военный корабль, на веслах входящий в порт, гостей встретили тепло. Воодушевление перешло в экстаз, когда выяснились масштабы победы. Колонна-фемист великолепно уладил дело, и на следующий день прибыл сам кардинал со всеми побрякушками (в смысле свиты, естественно), чтобы доставить тазовую кость св. Петра к месту упокоения и поклонения. Капитаны папского флота пускали слюнки на египетский корабль, а стайка монахинь увела из жизни Солово принцессу Хадинэ — навстречу бог весть какой судьбе.

Равви Мегиллах благословил чело капитана и отправился к римским евреям, дабы обрести среди них утешение и — кто знает — даже постоянную обитель. Он сказал, что считает необходимым покинуть на время мусульманский мир, тем более что ему надоела бесплодная жена, оставшаяся в Каире. Равви по-прежнему находился в блаженном неведении относительно собственного везения.

Поэтому все ликовали, начиная с самого папы, и капитан Солово решил устроить своему экипажу *последнюю* (он подчеркнул это слово) пьянку. Барон Колонна, мудро выяснив окольными путями, какого сорта веселье ожидает пиратов, вежливо

отказался присоединиться к ним. Он заметил, что капитану уже уготовано место среди чиновников Ватикана. Все... невыгодные для героя факты устранены из личного дела. Завтра Солово надлежало приступить к новым обязанностям и не оглядываться назад... или же в случае неожиданных трудностей вновь обратиться к барону.

Через три-четыре часа, отданных потреблению чистого алкоголя, процедура достигла той стадии, которую Солово всегда называл «лезвием ножа», — общее веселье резко сменялось раздражительностью, а мысли пиратов обращались к собственным ножам. На борту корабля подобный момент проходил относительно безвредно, если не считать нескольких порезов... ну, в худшем случае, одного покойника. Однако на берегу, да еще в большом городе, Солово не чувствовал себя так же спокойно и уверенно. Он не хотел отвечать за то, что может случиться, — и ему пора было уходить.

Прощально махнув, — что заметили немногие, — он поднялся и врезался в какое-то тело. Желая немедленно схватить оружие и нанести удар, Солово вовремя сообразил, что перед ним всего лишь крохотная старушонка из тех, кто часто зарабатывает в тавернах.

— Хочешь по руке погадаю, сладенький? — проговорила она, так и не заметив собственной большой удачи.

Задержка позволила пиратам осознать, что капитан оставляет их, и весть об этом пробежала вдоль столов.

— Давай! — завопили они во внезапном сентиментальном порыве предотвратить уход обожа-

емого вожака. — Давай! Пусть старая корова подзаработает. Посмотрим, что тебя ждет!

Христианская церковь всегда хмуро смотрела на подобные развлечения, и Солово в обычной ситуации уклонился бы. Однако сейчас его возражения могли бы вылиться в долгий и шумный скандал. К тому же он начинает новую жизнь... не благословить ли ее добротой? Солово сунул бабушке целый дукат и, улыбаясь, протянул следом за ним руку.

С улыбкой она приняла и то и другое и стала разглядывать ладонь... Старуха не отводила от нее глаз, молчала... умолкли и пираты.

А потом выронила руку Солово, словно обжегшись, вернула монету и, не отводя от него глаз, попятилась спиной к двери, переступая негнушися ногами.

— Мы были ошеломлены, — сказал фемист из Уэльса на другом конце существования адмирала, удаленном от жизненной лихорадки и кипения всяких страстей. — Полная перемена образа жизни, а вы чувствовали себя подобно рыбе в воде.

— Не слишком-то подходящая метафора, на мой взгляд, — проговорил Солово. — Все наоборот. Вы заставили меня покинуть не знающее порядка царство Нептуна.

— Верно подмечено, — кивнул фемист. — Да, мы хотели поставить вашу карьеру на прочную и стабильную твердь. Однако мы рассчитывали столкнуться с переходным периодом... предпола-

гали, что нам придется извиняться за вас и подсказывать, как следует себя вести.

— Да, — согласился Солово. — Я так и не привык вести себя, как подобает обычному человеку. Повиновение и работа, продвижение и подчинение... сложный настой.

— Но как вы впивали его, — улыбнулся фемист. — Дневные часы, проведенные в Ватикане, дом, женская любовь... жена-христианка наконец! Мы уж и не знали, чего ожидать далее.

Адмирал обернулся к своему гостю со зловеющим огоньком в глазах.

— В том-то и дело, — заявил он. — Вы все знали слишком хорошо...

Дело было в ту самую пору, когда умер Михаил Горбачев.

Археолог позволил своей ассистентке из Италии дать сигнал «крупной находки».

— Аааааа! Сюююдаааа! — пропела она сладким голосом.

А это означало, что землекопы, рядовые, и не только, могут оставить свои траншеи и поглядеть, что обнаружилось. Археолог считал подобные сборы благоприятно воздействующими на трудовую атмосферу.

Когда собралась загорелая толпа, археолог скреб землю со все возрастающим энтузиазмом. Он даже не заметил, что иные явились с сигаретами, строго запрещенными в раскопе.

— Повезло, — объявил он собравшимся. — Это могильная плита... не античная, как будто

позднее средневековье. Джой, дай кисточку, посмотрим.

Превосходно сложенная английская девица, блеснув вишенками глаз, передала требуемый инструмент. С легкостью, рожденной практикой, археолог воспользовался им, чтобы смахнуть оставшуюся почву.

— Ах ты сволочь! Разбитая. Уэйн, это твоя бригада здесь кирками махала?

— Да что ты, — ответил высокий англосакс в очках а-ля Джон Леннон. Я следил за ними — только лопатами.

— Ну, значит, кто-то стукнул. Вот место удара, и от него трещины расходятся.

— По-моему, старый разлом, — авторитетно отозвался Уэйн, склоняясь вперед и заглядывая в канаву.

Археолог разогнулся.

— Похоже, ты прав, — пробормотал он. — Какой позор! Вот что, ребята, я и не рассчитывал отыскать здесь что-то подобное. Насколько мне известно, церкви поблизости никогда не было, поэтому плита либо попала сюда откуда-то еще — и была при этом преднамеренно разбита, — либо тот, кому она принадлежит, похоронен под нею не в освященной земле. Тем не менее отличная награда на пути к античным слоям.

— А можно ли хоть что-то прочесть? — спросила Джой.

Археолог нагнулся пониже и еще раз махнул кистью по камню.

— Тут много чего написано, но буквы в скверном состоянии: трещина прошла прямо по ним. Думаю,

латынь. С одной стороны надпись побольше. Потихонечку, посмотрим: СО-ЛО-ВО...Солово. Ну и ну!

— Здесь была вилла, называвшаяся этим именем, объяснил Уэйн собравшимся каприйским рабочим. — С пятнадцатого по шестнадцатое столетие... там, где потом будет вилла Ферсен. Мы уже обнаружили кое-какие фрагменты оттуда: обломки статуй, тот причудливый ключ, который мы вчера вам показывали, — с выступами и нащепками.

— А это, наверное, и сам хозяин, — с улыбкой проговорил археолог. — Как аккуратно! Смотрите, здесь пока не копать, надо придумать, как поднять эту тушу и сохранить.

— Вот что, — промолвила Джой нерешительным тоном. — То ли глаза подводят или просто так легло зерно камня, но... непохоже, чтобы это был естественный разлом.

Она легко соскочила в траншею и опустилась на колени возле камня. Открывшийся вид на светло-кофейные бугорки разбудил в мозгу археолога дремлющие машины, и следующую реплику он уже не расслышал.

— Пардон?

— Я сказала, что это «V», — повторила она, нагибаясь еще ниже, тем самым создавая археологу новые сложности. — Большое заглавное «V»!

Когда оказалось, что концы «разлома» действительно красиво украшены, а уголок буквы прикрыт роскошными молниями, археолог ощутил потребность проделать в свободное время некие исследования.

Поход в библиотеку Англо-Итальянского инс-

титута города Капри предоставил в его распоряжение знаменитый «Словарь знаков и символов» доктора Граймса, вполне похожую букву «V» и расшифровку «Феме» (предположительно) возле нее. А это в свой черед привело его к двухтомному «Оксфордскому словарю» и еще большей ясности в форме *Vehme* — *Vehmgericht*: секретный трибунал, пользовавшийся огромным влиянием в Вестфалии и повсюду с XII по XVI век.

Заинтригованный археолог продолжил поиски тайн минувшего. И примерно через неделю «наткнулся на нефть», когда почта доставила ему «Тайные общества» профессора Ройстона Лайнса, доктора философии (Оксфордшир, 1990). Сидя в своей палатке при неровном свете полевой солнечной лампы, он обнаружил следующий текст и, углубившись в него, совсем позабыл о пыльном внимании любвеобильных москитов:

Феме, по крайней мере в легендах, объединяли функции тайной полиции, альтернативного суда и руки, карающей власть имущих. В этом и прочем отношении Феме напоминает ранние проявления МАФИИ (КОЗА НОСТРА), хотя предположительно они предшествовали своим сицилийским коллегам, а также обладали более обширными, но тщательно скрываемыми амбициями.

Воображение современников видело в них ангелов-мстителей, являющихся из ниоткуда в виде людей в масках или в черном рыцарском одеянии, равных силой тем, кого выставляли против них церковь и государство. В сохранившихся историях много места уделяется загадочному происхождению Феме, суровости их суда и неумолимой неизбежности кары. Типичное повествование упоминало вызов, прибитый к двери замка или дворца; получившая его персона — он или она — в ужасе и без сопровождающих являлась на перекресток дорог или в указанный глухой уголок, откуда проводник в черном

плаще доставлял ее с завязанными глазами в трибунал Феме.

Судилище происходило обычно в громадной пещере или подземелье, зачастую вдалеке от дома жертвы. После допроса объявлялся приговор — в полночь. Потом повязку снимали и оправданный или осужденный человек в первый и последний раз видел перед собой «Свободных судей» в черных мантиях и масках, поскольку повторный вызов, как и неявка, сулил только смерть. Многочисленные истории описывают, как трусов и рецидивистов находили убитыми прямо под носом охраны... из груди непременно крестом торчала рукоятка кинжала, к которой был прикреплен «приговор». Говорили также, что Феме безжалостно преследовали изменников и отступников, не останавливаясь ни перед королевским троном, ни перед епископским саном.

Реальность существования Феме подтверждается «Кодексом фемического суда», обнаруженным в архивах Вестфальских королей и опубликованным в «Reichstheater» Мюллера под претенциозным, но объемистым заглавием: *«Кодекс и статут священного и тайного трибунала Свободного суда и Свободных судей в Вестфалии, установленные в 772 году императором Карлом Великим и возобновленные в 1404 году королем Робертом, внесшим дополнения и изменения, необходимые для отправления правосудия в трибуналах иллиуминатов, наделив их своей властью».*

Однако следствия этого не вполне очевидны. Несмотря на единственное упоминание, связывающее императора Карла Великого с возникновением Феме, другие, столь же авторитетные — или столь же сомнительные — источники приписывают основание Феме римскому императору Адриану или Юлиану-Отступнику. Существенно в кодексе Мюллера упоминание «иллюминатов», которые, как было недвусмысленно указано, одни могут зреть писание и лик Феме. Но какой свет и на какие предметы проливался этими «освещенными» и с какой целью — нигде не разъясняется и теперь, похоже, уже навсегда останется неизвестным.

В постнацистской Германии отряды «Вервольфа» претендовали на выполнение фемической традиции, од-

нако на деле скорее всего эта группа не пережила социальных бурь Реформации и Тридцатилетней войны.

Археолог с восторгом глядел в умеренные дали — точнее, за двенадцать дюймов на стенку палатки. Итак, эти старые, сухие кости, которые они извлекли сегодня из-под плиты и аккуратно упаковали в пластик, некогда несли на себе плоть иллюмината. Или же принадлежали жертве Феме, а потому не стоили проявления настоянных на марксизме симпатий археолога. Так или иначе, к добру или злу, Феме, кем бы они ни были, решили пометить могилу старикашки своим знаком. Какой блестящий раздел появится в его отчете!

Отключив облепленный насекомыми солнечный фонарь, он с удовольствием опустил на подушку свою бородастую голову.

Отчет так и не попал на бумагу. Могила Солово не обрела известности, хотя костям его пришлось слетать в Лондон, чтобы после поверхностного обследования обрести покой в одном из мусорных баков Холборна. Кое-какие из более симпатичных находок были принесены в дар лондонским музеям, готовым принять их.

Тем временем археолог, все еще взволнованный зовом либидо и недоступностью Джой, соблазнился, хоть и не сразу, пением сирен Капри. И после недели вдохновляемой кошельком любви, никогда не скудевшим на острове, заразился ВИЧ*, который и занимал все его время вплоть до конца его недолгой жизни.

* Вирус иммунодефицита человека, вызывающий СПИД.

Год 1492

ПЛАТЕЖИ В РАССРОЧКУ:

*я теряю терпение и начинаю тосковать,
не имея возможности погубить
все человечество. Мало-помалу
я кое-что узнаю.*

«Господь Всемогуший, вполне обоснованно предполагая, что Ты существуешь и Твои желания человечество узнает из откровений, доступных моему времени и культуре, прости меня за все, что я делал, делаю и буду делать. Вообще-то я хочу хорошего, кроме тех случаев, когда хочу плохого, что, вероятно, происходит излишне часто (хотя винить в этом следует моих работодателей). Прошу Тебя, сдерживай мою меланхолию в приемлемых рамках. Не обращай внимание на мою известную симпатию к иудаизму: обращение, как Ты, без сомнения, согласишься, практически недопустимо в настоящее время. Воззри благосклонно на мое пристрастие к языческому стоицизму: я не хочу выказать этим даже капли неуважения к Тебе. Для начала благослови мою жену, где бы она ни находилась. И учти: я скорблю о людях, которых убил в этом году...»

Уверенное прикосновение к плечу нарушило молитву адмирала Солово. Он мгновенно повернулся, коснувшись большим пальцем пружинки, выпускающей жало из опалового перстня, и обнаружил возле себя длинноволосого молодого человека.

— Никаких благодарностей, — шепнул адмирал, не вставая с колен.

— За что? — удивился элегантный молодой человек.

— За то, что ты продаешь: себя ли (я слышал, что сейчас это модно в Риме), сестру ли, всякие деликатесы или индульгенции. Чем бы ты ни торговал, твоего товара мне не нужно.

— Ты ведешь себя оскорбительно, — проговорил юнец, скорее высказывая предположение, нежели раздражаясь.

— А ты нарушаешь ход моих молитв, — заметил Солово, — теперь мне придется начинать с самого начала.

— Так... — отозвался молодой человек. — Каждое мгновение, проведенное возле христианских святынь, дорого обходится мне. Даже эта короткая беседа уже укоротила мою жизнь примерно на ваш век. Еще пять минут такой близости к освященной земле — и я умру.

— И что же? — спросил несколько не обеспокоенный этой перспективой Солово.

— Но моя весть потребует много большего времени... Адмирал, я не прошу сочувствия, а исхожу только из интересов дела.

— Я человек рассудительный, — ответил Солово, медленно поднимаясь на ноги. — Сходим куда-нибудь, — и, обращаясь к Господу, добавил: — Прости мне, Боже, прерванные молитвы, но этот эльф желает поговорить о деле.

Молодой человек вовсе не желал чваниться, но его природная грация, — если сравнивать с граж-

данами Рима, — тем не менее производила впечатление надменности. Оказавшись вне церкви San Tommaso degli Inglese*, он прикрыл голову широкополой шляпой, расправил по плечам рыжие кудри и торопливо зашагал по Виа ди Монсеррато. Адмирал Солово не отставал, прекрасно сознавая, что при всей приобретенной с детства осанке рядом со своим спутником он напоминает хромого обезьяну.

Вечер лишь начинался; была та пора, что отделяет конец торговли от начала веселья. Редкие прохожие не обнаруживали особого любопытства, и влажность, порожденная человеческими телами, оставалась в допустимых пределах.

— Возникли споры, — проговорил молодой человек, не соизволив даже повернуть голову. — Элементы зреют быстрее всяких ожиданий. Ты должен выполнить поручение быстро: за один из ваших месяцев; будет предоставлена повышенная оплата. У себя дома, — продолжал он, — ты найдешь дубовый бочонок. Внутри его находится богато украшенная самоцветами тиара, прежде принадлежавшая пальмирской царице Зенобии, а также литой золотой меч, которым римский император Калигула пользовался для целей, бесспорно позорных в ваших глазах. Мы не знатоки людских цен, но считается, что после продажи этих предметов вы будете располагать достаточными средствами.

Адмирал Солово едва ли собирался оспаривать это утверждение, однако не выразил удовольствия.

* Св. Фомы Английского.

— Вечно эти курьезы, — скривился он. — Нагрудник Соломона, золотая плевательница Атилы, косметический набор Клеопатры... вы представляете себе, какую славу приобрету я, торгуя подобными предметами? Антиквары задают мне вопросы, а жена моя, генуэзка, особа весьма корыстолюбивая, не хочет упускать из дому такие ценности. Почему бы просто не дать мне драгоценных камней: их было бы намного проще утаить от нее.

— Мы не ценим их, адмирал, — самым невинным образом ответил молодой человек. — Эти камешки мы отдаем нашим детям, если утруждаем себя, подобрав их. Будь доволен тем, что имеешь... о, прошу прощения, кажется, это еще одна вещь, на которую люди просто не способны?

— В основном, — вежливо согласился Солово. — Прости мне маленькую дерзость, но я нахожу, что ты не слишком хорошо подготовлен.

Юнец небрежно кивнул.

— Возможно. Я получил необходимые наставления, однако, увы, не проявил к ним достаточного внимания. В общем и целом, разговоры о вашей породе вызывают у нас довольно неприятное чувство.

— Понимаю, — отозвался адмирал.

— Ну а теперь я считаю, что пора обратиться к той персональной награде, которую ты получишь за все труды; в противном случае тебя ждет немилость.

— Так, и что же я получу? — проговорил Солово, обращаясь к расовому стереотипу усталости ради.

Прекрасный молодой человек с видимым удовлетворением выслушал подтверждение своего предвзятого мнения.

— Король прислал тебе вот это. — Он извлек из кошелька крохотный цилиндр из позеленевшей бронзы. Помни — через месяц. И не подведи нас, иначе других не будет. — С этими словами он передал цилиндр Солово и исчез.

Он мог бы и не спешить — ум адмирала ныне скитался неизвестно где. Более того, — что бывало весьма редко, — Солово с трудом сдерживал себя. Едва ли не трясущимися пальцами, с чувствами, прорвавшимися на лицо, он разобрал цилиндр на части. Адмирал не обращал внимания на мастерство, с которым на них были изображены причудливые сценки. Все мысли Солово сконцентрировались на обрывке пергамента внутри цилиндрика — уголке древней странички, грубо оторванном наискосок.

Забыв обо всем, адмирал Солово стоял посреди улицы и изучал классический греко-латинский текст: *«...подобно парфянскому замку... не копи страданий, но размышляй, напротив, о смысле человеческой жизни, которая...»*

Солово сражался с собой в титанической внутренней битве и, выиграв ее, испытал гордость за свою нерушимую веру стоическим принципам.

— Как это прискорбно, — проговорил он невозмутимо.

— На все один месяц, — промолвил адмирал Солово.

— *Сложновато* будет...

— Недавно, — продолжил Солово деловым тоном, — мне улыбнулась удача: я обнаружил золотой меч императора Калигулы и продал кардиналу Гримани за непристойно огромную сумму. Кроме того, с учетом своего вклада у ювелира Мегиллаха в Риме я могу придать новую перспективу любым *сложностям*.

Послав за женой, чтобы зачитать договор, оружейник от всего сердца пожелал, чтобы все сложности испарились подобно флорентийской добровольной милиции перед швейцарскими копейщиками.

— Я найму всех искусников Капри, — проговорил он с гордостью. — Если потребуется, я обращусь к услугам неаполитанцев. Ваши аркебузы будут готовы вовремя, адмирал. Верьте мне. — С этими словами оружейник, без сомнения узрев умственным взором виллы, фермы и обеспеченную старость, сделался откровенным, едва ли не фамильярным. — Капри еще не видел подобного заказа, — восторгался он, откупоривая оплетенную бутылку совершенно мерзкого вина. — Столько сотен ружей! Прежде я делал за год одно или два, но при таких средствах, вместе со своими учениками... Само синее небо не может сдержать моего счастья!

Сдержит, еще как сдержит, подумал Солово, бросив хмурый взгляд в кубок с вином. *И как ни скорбно, раньше, чем ты рассчитываешь*. Он поглядел на блаженствующего оружейника и, если бы не долгое самовоспитание, испытал бы жалость по вполне понятным причинам: трудяга сей не

должен был пережить окончания работ — об этом еще следовало позаботиться. Солово не мог обратиться к нему с утешениями или соболезнованиями и потому ограничился тем, что похвалил вино.

— Мы растем или уменьшаемся, — проговорил король, — в прямой пропорции нашей силе в представлении человечества. Некогда мы были гигантами и титанами, теперь мы просто высокие. Я не сомневаюсь, что вскоре люди совсем перестанут в нас верить. Ваша литература сделает из нас статуэтки, пригодные для украшения ваших садов.

Адмирал Солово ответил приятной улыбкой и подумал, что король, пожалуй, отстает от времени. Когда сомкнутые ряды эльфийской пехоты дали очередной учебный залп, он заметил, что в шеренгах было маловато стрелков.

— Вот еще одно несчастье, — сердитым тоном продолжил король, — это ваши сады! Повсюду, куда ни направится ваша родня, — сады. Зачем вечно лезть со своими усовершенствованиями в то, что дано вам от природы?

Потому что это в нашей природе, подумал Солово, однако ответил:

— Ваше величество, не мне защищать человечество. Я всего лишь купец, доставивший вам оружие.

Король повернулся к нему, желтые колючие глаза горели под козырьком бронзового шлема.

— И достаточно умелый для такого ренегата. Полагаю, что на этот раз мы сможем отплатить тебе целой страницей.

Адмирал Солово постарался сдержать восторг и бесстрастно оглядел тренировочный лагерь. Отсюда с высоты он мог видеть верхушки леса, разбегавшегося во все стороны едва ли не до бесконечности. До Рима было весьма далеко. Адмиралу еще не случалось настолько удаляться от пределов родной цивилизации. И с некоторым утешением он обнаружил, что ее отсутствие не особенно расстраивает его.

Внизу на поляне воины-эльфы выстрелили еще раз, терзая занавес леса. Солово приходилось видеть и более метких стрелков, однако он понимал, что это всего лишь начало. Отметив неловкость, с которой стрелки перезаряжали оружие, он поспешил предупредить следующий вопрос короля.

— Содержание железа абсолютно минимально. Дальнейшее увеличение содержания бронзы вызвало бы чрезмерное ухудшение характеристик оружия. Об отвращении вашего народа к железу мне прекрасно известно, но хотя бы в этом отношении вам придется потерпеть. Не забудьте — вы нанимали меня как искусного оружейника.

— Да, в этом деле вы мастера, — согласился король. — Память человечества о нас еще не настолько померкла, чтобы я мог разослать своих золотоглазых посланцев закупать мириады бронзовых ружей для долгоруких страшил. К тому же ты знаешь толк в деньгах и торговле. Твое высокое положение в Ватикане предоставляет нам великолепное прикрытие... как и отсутствие у тебя расовой лояльности. У нас не было более подходящей кандидатуры.

— Ваше величество излишне добры ко мне, — ответил Солово, слегка кланяясь.

Король глядел в сторону — куда-то недалеко.

— Нам придется научиться терпеть жгучие прикосновения железа, — заметил он. — Железо изгнало нас и железом же — хорошо, пусть только долей его — мы вернем себе землю. Никаких кремней и меди против стальных клинков: на этот раз мы будем столь же смертоносны, как вы...

Заведовавший в последнее время римским государственным арсеналом, Солово позволил себе усомниться в этом, но промолчал. Он только что с удивлением обнаружил, что иные из гибких эльфийских девиц определенно привлекают его.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — проговорил король.

Надеюсь, что нет, подумал адмирал.

— Ты думаешь, что нас чересчур мало для подобного предприятия, что наше военное искусство и аркебузы ничто перед вашей швейцарской, французской, английской или германской пехотой...

— Итальянцы тоже могут иногда, — запротестовал Солово.

— ...которая раздавит нас просто численным превосходством. Ты думаешь о том, что твоя порода размножается быстро, в то время как мы рождаем потомков изредка и лишь при удаче... разве не так?

— Нет, — ответил адмирал вполне чистосердечно, — мой ум обращен к иным предметам.

— Но даже если и так, — король не желал

отказываться от привычного хода мыслей, — подумай об этом и ты ошибешься.

— Несомненно, — поддакнул Солово.

— Мы только авангард, адмирал. Случилось непредвиденное. Здесь со мной сошлись лучшие из некогда враждовавших племен. Все, кто решился прикоснуться к железу и мечтает вернуть утраченное, собрались вокруг меня; старые вожди не в силах удержать их. Мы не будем больше таиться в глухих уголках и бежать, уступая вашему наступлению. Мы учимся у вас. Древние расы еще не знали такого: нами выбран Верховный король, и он перед тобой. Мои мечты переплавляют нашу жизнь и обычаи. Мы будем вооружаться и научимся пользоваться вашими ружьями. Наш день возвращается, и как только мы будем готовы, то сразу возьмем какой-нибудь город людей и перебьем до последнего всех узурпаторов. А когда об этом узнают повсюду, все эльфийские нации, таящиеся по углам мира, восстанут и объединятся!

— Весьма похвальная перспектива, — проговорил адмирал Солово тоном, воплощавшим самую благородную терпимость к дурацкой авантюре. — Я бы предложил вам начать с Пизы. Стены города находятся в плачевном состоянии, кроме того, мне пришлось провести там целых три месяца в довольно безрадостном положении.

Король, подобно всякому эльфу и человеку, насмешек не терпел и потому понизил голос на октаву-другую.

— И тогда наступит ваш черед влачить свою жизнь в лесах и горах и добывать себе пропитание, — мрачно заключил он. — Кстати! — Король

вспомнил о насущных интересах. — Закажи еще тысячу штук стрелкового оружия и двенадцать легких пушек. Я надеюсь, что прежний оружейник уже мертв?

— К моему прискорбию, — подтвердил адмирал.

— Тогда пусть их сделают в ином месте... подальше.

— Может быть, в Венеции? — предложил Солово.

— Великолепный выбор, у нас там достаточно связей. Мой посланник вступит в контакт с тобой.

— Тот же молодой человек, что и прежде, ваше величество?

— Нет: визит в вашу... церковь подорвал его здоровье, пришлось убить.

— Понимаю.

— Он полностью согласился с моим решением, адмирал. Среди нас нет наблюдателей: только мученики... будущие. Взгляни сам. — Король поднялся с поваленного дерева, на котором сидел, и жестом пригласил Солово в сторону долины. — Не страшись, тебе ничего не грозит — в отличие от всех остальных людей.

Тем не менее негромкий, но музыкальный ропот неодобрения приветствовал адмирала Солово уже на подступах к эльфийской армии. Не имея возможности изменить положение дел, он предпочел игнорировать шум и скоро оказался посреди увенчанных перьями и конскими хвостами солдат.

В соответствии с племенными обычаями или склонностями некоторые были просто в черном, зеленом или золотом. Другие же блистали вели-

колепием, как какой-нибудь кардинал во всей своей славе. За свою долгую эволюцию, на много более длительную, чем могли позволить себе люди, мечи и алебарды эльфов обрели сложные и дикие очертания, множеством лезвий контрастируя с откровенной практичностью сделанных человеком ружей.

Кто знает, подумал Солово. *Быть может, я заблуждаюсь и у них еще остался хотя бы один шанс.* Ведь даже самый хилый и занюханный эльф возвышался дюймов на шесть над головой адмирала.

— Вижу твое потрясение, — заметил король, — и понимаю его. Старые вожди советовали терпеть... они говорили: вооружайтесь, если хотите, но втайне. Ждите, чтобы узурпаторы оступились... ждите мора, голода, всемирной войны, способной уравнивать шансы. Но мы и без того ждем чересчур долго: твое племя, подобно крысам, переживает все несчастья и делается только сильнее. Младшие и лучшие из нас теряют терпение и оставляют свой народ. Они присоединяются к победителям и сливаются с ними... становятся знаменитыми среди людей художниками, солдатами и тому подобное. Они работают не на свой род, а на вас! — Король качнул головой в шлеме. — Это должно закончиться, — заявил он и, выхватив двуручный меч, скосил ближайшего воина. — Но этого не произойдет, — продолжил он, вытирая клинок об одежду убитого, — если эльфы будут проявлять такое же разгильдяйство, как этот тип. Волосы его не были причесаны. Я не могу терпеть подобной расхлябанности, а вы, адмирал?

— Вы правы, ваше величество, — ответил

Солово, приятно удивленный отсутствием реакции среди эльфов. Учение продолжалось и над покойником, и вокруг.

— Ну а теперь, — проговорил король, когда миновав солдат, они очутились в лагере на противоположной стороне долины, — ты должен получить заслуженную награду.

— Если это не затруднит вас, — сказал адмирал, скрывая нетерпение в голосе.

Король пожал укрытыми кольчугой плечами.

— Мне это безразлично. Но кто есть этот Марк Аврелий, из уважения к которому ты предаешь свою расу?

Адмирал Солово вновь обратился к скудеющим запасам терпения. — *Был*, ваше величество... *был*. Во втором столетии христианской эры этот человек стал римским императором и основным выразителем принципов стоической философии, которую я исповедую с подобающим смирением. Всегда полагали, что его труды сохранились в одном только томе, вмещающем несравненные «Размышления». Однако, насколько я понимаю, вы располагаете второй его книгой, столь же достойной внимания...

— Именно так. — Король эльфов безжалостно улыбнулся.

— ... копией, переписанной в девятом столетии монахом с оригинала, наименование которого остается до сих пор неизвестным мне.

— Потому что я не хочу показывать ее тебе, — дружелюбно заметил король.

— Действительно, — согласился Солово, пони-

мая теперь муки, выпавшие на долю Тантала в Аиде*.

Король согнул палец, и из хаоса кухонных очагов и коновязей возник мальчишка-эльф, в руках которого оказался сверток, обернутый алым эльфийским шелком.

— Кажется, я обещал страницу, — заметил король, извлекая из ткани переплетенную в дерево книгу. Одним длинным пальцем он перелистал ее потрепанные листы, не отводя глаз от Солово. — Но, конечно, тебе может достаться лишь заголовок или просто пустой вкладыш, — проговорил он с поддельной скорбью.

— Такое и в самом деле возможно, — согласился Солово.

— Но судьба предписывает, чтобы ты получил... эту! — Левая рука короля остановилась в своем продвижении вперед, и его большой и указательный пальцы взяли страницу за верхний уголок. — Надо же — полна текста, целый отрывок: *«О произращении изобильного урожая безразличия»*. Мамаша Фортуна улыбнулась тебе, адмирал; пусть же удача принесет тебе радость — или безразличие к ней.

Страница была беспощадно выдрана из книги и передана адмиралу.

Не сходя с места, адмирал Солово торопливо пробежал ее глазами, чтобы эльфы в припадке жестокости не лишили его награды. Он успел

* В древнегреческой мифологии Аид (как и Гадес, Тар-тар) — подземное царство мертвых, царство теней, преисподняя, ад.

хорошенько запомнить содержание, прежде чем вновь поднял глаза.

Подобно детям, — каковыми они в известном отношении и являются, — эльфы вдруг потеряли к нему всяческий интерес и отправились по своим делам. Книга исчезла вместе с королем и эльфийским мальчишкой, и Солово остался в одиночестве посреди лагерной суматохи. То есть ему указали на дверь.

Адмирал на всякий случай перечитал страницу и с любовью опустил ее в карман. Конь его неподалеку отдыхал среди арабских скакунов эльфов. Пренебрегая удобствами, — но при удачном стечении обстоятельств, — он мог вернуться в Рим дней за пять. Можно будет сперва выполнить свои обязанности в Ватикане и только потом придумать, как устроить эту смерть в Венеции.

Все шло просто великолепно, однако адмирал старался сдерживать свою радость. Солово с улыбкой обернулся в сторону эльфов, выделявшихся пехотные упражнения под вечерним солнцем.

На то, чтобы приобрести всю книгу целиком, надеяться не приходилось. Между тем адмирал полагал, что вполне возможно в известной мере ознакомиться с ее содержанием до грядущего исхода событий. Ведь если нападение эльфов на Пизу завершится успехом и, как предсказывал король, вернутся старые добрые времена, древней расе потребуется дополнительное оружие, чтобы стереть человечество с лица земли. К тому же Пиза (получив здоровое предупреждение от... кого-нибудь) может отразить нападение и тем самым навести Верховного короля на иные мысли. Лишь

со временем стало бы ясно, что поставленные Солово ружья не могли (и вполне осознанно были рассчитаны на это) выдержать более полусотни выстрелов. Так или иначе, поступления в пользу адмирала будут продолжаться.

Что бы ни случилось, но адмирал Солово услышит мнение императора-стойка Марка Аврелия через всю пропасть столетий... ну а прочитав книгу и всем сердцем усвоив ее, он удовлетворится любым будущим.

— Так, значит, не сработало, адмирал?

Там, у конца своей жизни, Солово все еще беседовал с уэльским фемистом.

— Как ни прискорбно. Когда я в следующий раз вернулся в лагерь Верховного короля, все исчезло, как и не бывало. Ах да, кроме одной вещи: одна из моих аркебуз лежала посреди поляны, аккуратно раскрытая пополам. Я воспринял это как жест, сделанный ради моего же блага.

— Совершенно верно, — подтвердил фемист.

— Ну а истолковав его смысл, — продолжал Солово, — я более не возвращался туда и больше никогда не слышал об эльфах. Но, увы, не получил и свою книгу.

— Конечно, — проговорил фемист, пытаясь выразить благопристойное сожаление. — Мы сочли, что вы не заслужили ее.

Адмирал играл с зеленой фигой, старательно проминая ее сильными пальцами.

— Итак, это была еще одна из ваших интриг? — спросил он, разглядывая изуродованный плод.

Фемист ответил:

— Мы урезали ваше свободное предпринимательство, посчитавшись с нашими союзниками. Учтите, ваша преданность до той поры просто восхищала нас. Мы начали догадываться лишь после нападения на Пизу.

— О! — улыбнулся Солово, — так, значит, они перешли к делу? Почему же я ничего не слышал об этом?

— Потому что, — откровенно признался фемист, — тогда мы сами взялись за дело. Все заинтересованные партии — открыто или тайно — стремились набросить вуаль на события. К тому же пизанцы не любопытны, они не склонны к историям и анналам. Все, что нельзя съесть или вы...

— Безусловно, — прервал на этом слове щепетильный адмирал. — И что же случилось?

— Я же говорил, что вы спросите, — рассмеялся фемист, — но мой господин не согласился и сказал: *«Этого человек в его положении знать не должен»*. Хорошо, что я заранее ознакомился со всей папкой...

— Я — человек военный, — промолвил Солово. — И люблю краткость.

— Конечно, адмирал, я должен порадовать вас во всем. Скажем просто: они были в общем-то и не так уж плохи, учитывая все обстоятельства. Имейте в виду, например, что это всего лишь отдельные племена и личности. К тому же они в последний раз участвовали в настоящей войне примерно... э...

— Тысячу? — подсказал Солово.

— Ага, примерно тысячу лет назад... Более того, они использовали не свое привычное оружие — арбалет с репетиром и убийственные клинки, а те самые ружья, которые вы столь любезно поставили им. Я бы сказал, что их предприятие производило вполне внушительное впечатление.

— Однако оно не принесло им успеха, я правильно понимаю?

— Вы правы. Они повели колонны копейщиков к городским воротам под прикрытием цепи пехотинцев с аркебузами. Все было достаточно внушительно, невзирая на разболтанность эльфов. Их пушки даже несколько раз попали относительно точно, хотя я не представляю, как можно промазать в городскую стену.

— Просто вы никогда не стреляли из пушки в разгар боя, — едко заметил адмирал.

— Нет, слава богам, — ответил фемист, отмахиваясь от колкости. — Конечно же, пизанцы были захвачены врасплох, но они отстреливались, и как только несколько эльфов упали, весь их порядок — увы! — рассыпался. Словом, эльфы, забыв обо всем, повалили к воротам, вытащив ножи и пылая расовой ненавистью.

Адмирал скорбно покачал головой. Все это уже ничего не значило, однако даже спустя десятилетия подобная распущенность все еще расстраивала его.

— Итак, к городской стене они подступили уже обезумевшей толпой, — продолжал фемист, мужественно стараясь скрыть весьма умеренное удивление. — Тем временем пизанская милиция,

если можно так выразиться, проснулась, подкатила к месту действия пушку-другую... ну а после этого орде эльфов было просто нечего делать...

— То есть, — вмешался адмирал, завершив повествование фемиста, — они были рассеяны картечью и в панике бежали, пав жертвой собственного солипсистического индивидуализма*.

— К тому же бросив своих раненых, — с укоризной добавил фемист.

— Естественно, — отозвался Солово. — Это ведь эльфы.

— Что их несколько не извиняет, — настаивал на своем фемист. — Брошенные эльфы — живые и мертвые — ничуть нас не смугили. В конце концов все улеглось... официальное объяснение поминало бандитов, правда, неожиданно нахальных. Подобное определение удовлетворяло все заинтересованные стороны.

— Ну а что случилось с забытыми? — поинтересовался Солово.

— Мы устроили неподалеку от городской стены довольно странный курган... загадку для грядущих антикваров и грабителей могил... такие длинные конечности, элегантные черепа. По их просьбе мы разрешили этим господчикам самостоятельно разделаться с Верховным королем. Все было проделано с чрезвычайным коварством.

— Я так и думал, что рано или поздно это произойдет, — сказал адмирал. — Он вылез раньше времени и создал им дурную славу. Эта раса не любит излишнего внимания.

* Солипсизм — крайняя форма субъективного идеализма.

— Именно так, — согласился фемист. — Теперь им суждено населять болота, топи и горы — если только амбиции их не поумерятся или не уляжется людская нетерпимость. Конечно, если какая-нибудь подобная вам беззаветная личность своими поступками не пробудит в них память прежних обид и не направит их вновь дорогой, ведущей к гибели.

— Я потерял тогда терпение, — проговорил адмирал Солово, удивляясь себе самому... с какой это стати он чувствует потребность пояснить свои действия. — Даже если забыть ту наживку, которую приготовил для меня Верховный король, вы словно забыли про меня в этих пыльных лабиринтах ватиканской бюрократии.

— Грех, и самый прискорбный, — признался фемист. — По всей видимости, в те годы наш взор был устремлен в другие края... хотя подобную забывчивость едва ли можно извинить. Ваше небольшое предприятие заставило нас вновь обратить свое внимание на Италию и понять — там остались клинки, которые мы еще не сумели заточить. И было решено сообщить вам побольше.

— Ах да, — припомнил Солово. — На ежегодном обрядовом пиршестве вашего международного заговора...

Фемист улыбнулся и вздрогнул.

Год 1493

Я умираю в Германии.

А потом меня вовлекают в заговор.

— Ты уснешь здесь, брат.

Солово вступил внутрь. Первым делом он отметил отсутствие крыши, потом услышал за спиной стук запираемого замка.

— Ты уснешь здесь, — повторил снаружи голос рыцаря-фемиста, — и проснешься, чтобы начать новую жизнь.

Адмирал Солово не отвечал. Он находился здесь по желанию Священного Феме, и тщетные протесты ничего не дали бы.

Путешествие по морю — он уже успел отвыкнуть от них — пробудило в нем прежние воспоминания и забытые вкусы. Весь путь от Рима к... месту, за обладание которым Германия спорила с турками, он размышлял над своей неестественной жизнью, орудуя гусиным пером, а не стилетом. Тонкий и ученый посланник Феме (монах в повседневной жизни), назначенный в сопровождающие адмиралу и еще для того, чтобы опровергать все сложившиеся у него мнения, находил для себя весьма немного работы.

Все дела адмирала были устроены быстро и точно — словно ударом молнии. Уведомление об отпуске, подписанное самим епископом, оказалось у него на столе среди прочей корреспонденции. В тот же вечер один из его чиновников, доселе абсолютно ни в чем не подозревавшийся, поведал

Солово, что с утренним отливом отплывает некий корабль и он, адмирал, обязан быть на его борту. Солово охотно отдался напору событий и позволил себе плыть по течению.

Путь привел его в конце концов в каменный ящик без крыши, откуда было удобно видеть звезды, освещавшие и его, и весь уединенный пейзаж. Стены были чересчур высоки и не позволяли думать о бегстве. Одна-единственная дверь при своей простоте и явной прочности не позволяла мечтать об удачном штурме. Солово придется пробыть здесь столько, сколько требуют нужды Феме.

Ощущение того, что в техническом смысле он не одинок, приносила весьма небольшое утешение. Быстрое — в темноте — знакомство с лагерем показало, что подобных келий по крайней мере сорок. Выходило, что из соображений экономии времени — или каких-то еще — Феме посвящали своих новобранцев целыми партиями.

В помещении находилась довольно скромная мебель, однако Солово подозревал, что получит достаточно времени на исследования. И заставив себя обратиться памятью к творениям Евклида, он отошел ко сну.

Утром окошко в двери отворилось, и Солово обменял ночной горшок на хлеб и вино. Ночью шел дождь, но адмирал не стал жаловаться или вступать в разговоры с невидимым владельцем руки подающей.

Сидя на раскисшей земле, он старательно жевал половину буханки, медленно потягивая вино. Ад-

мирал старался запомнить вкус каждого глотка, чтобы найти себе утешение в час истинной нужды и заметить, когда в его пищу подмешают ядовитый или одурманивающий состав.

Солово заучил целые главы из «Размышлений» Аврелия и «Бесед» Эпиктета, а потому имел возможность скоротать часть времени за книгой. Устав от сего утомительного занятия, как и подобает при чтении самой возвышенной литературы, он освежил свое тело и ум энергичными упражнениями. Яркий полуденный свет навел его на мысль о том, что светлее в камере не будет и что настало время полностью обозреть все особенности своего крохотного мира.

На стороне, противоположной избранному адмиралом месту пребывания, размещался прелюбопытный столик, — скорее даже подобие алтаря, — сделанный из снопа свежескошенной пшеницы; срезанные поверху и выровненные стебли позволяли разместить на них вазу, так же являвшуюся произведением природы. Она была изготовлена из хитроумно переплетенной травы. В ней топорщился остью единственный колос на длинном стебле.

Над столиком на стене располагалась пара изображений — выписанные на дереве, они напоминали Солово иконы, покупавшиеся или похищавшиеся у греческих и восточно-славянских схизматиков*. Одна явно изображала Зевса в облике Непобедимого Солнца... другую же адмирал не узнал.

Кроме сих предметов он ничем более не распо-

* Католическая церковь считает православную раскольнической.

лагал, и Солово пришлось напомнить себе сексуальный репертуар жены, чтобы утомонить свой ум.

Через двадцать три дня перестала поступать пища. К этому времени сноп-алтарь высох и склонился к земле, в которой и место соломе. Адмирал Солово имел более чем достаточную возможность проследить за его медленным увяданием; невзирая на скуку и докучливые знаки внимания дождя и солнца, сам Солово настойчиво противился унынию. Прочие собратья его, проходившие испытание, подобной стойкостью не обладали: несколько раз он слышал раздраженные протесты, доносившиеся из некоторых соседних келий. У Феме, должно быть, имелись эффективные способы скорого подавления какого бы то ни было негодования, поскольку всякий раз недовольство слабых братий смиралось буквально в течение секунд. Солово легко подметил намек, а потому следовал собственному суждению.

Проведя очередную неделю на одной воде, адмирал ощутил легкость в голове и душевный покой. Всякое там бунтарство и озлобление покинули его, прицепившись к остатку сил. В самом конце недели после дня, прошедшего даже без воды, как раз перед рассветом, бесплотная рука просунула в щелку одежду из сверкающей белой ткани. Солово охотно принял ее — скорее всего из деликатности.

Почти немедленно дверь распахнулась, и преображенный адмирал, шагнув наружу, воссоединился с миром. Пережив начальный неловкий момент — трудно было сфокусировать глаза на удаленных предметах, — он обнаружил себя среди

дюжины столь же робких фигур. Среди них было несколько европейцев, негры, даже одна женщина с желтой кожей и странно раскосыми глазами. Подчиняясь дисциплине проведенного в заточении лунного месяца, все молчали и сдерживали даже свое визуальное любопытство.

Солово был потрясен проявившейся по случаю организацией: конные отряды направляли посвящаемых в нужную сторону и своим присутствием поясняли, как поддерживается спокойствие в лагере. Молчаливые всадники действовали не по приказу, подчиняясь лишь тому, что уже было запечатлено в головах, и при этом выезжали в идеальном порядке, словно бы провели вместе долгие, полные событий годы... братьями, разделяющими мысли друг друга. Солово гадал, как может случиться подобное, ведь все они происходили из самых различных стран, армий и наций, сохраняя одежду и оружие, присущие каждому из них. Адмирал не мог понять, какая сила может заставить жандарма, стратиота, рейтара и спаги* действовать в такой гармонии.

Подобно овцам с ослепительно блестящим руном, освобожденные узники Феме шествовали под неусыпным надзором суровых и безмолвных всадников.

Их оставили перед входом в подземный храм. Впереди не было света — фемическая кавалерия могла бы и затоптать идущих. Адмирал Солово тем не менее возглавил цепочку узников, стараясь, насколько позволяло его ослабленное состояние, оставаться хозяином своей судьбы. К нему при-

* Наименование солдат у французов, греков, немцев и итальянцев.

соединился умудренный возрастом турок, обладавший не меньшей силой духа.

Какое-то время они спускались по наклонному, освещенному факелами проходу, ожидая в любой момент вступления в высокую драму подземной каверны или сводчатого зала. Однако этого не произошло. Отдадим Феме должное: чему бы они ни учили — истине или наоборот, — в ней не было мелочности и обмана. Их истина не нуждалась в помощи рекламного агента.

Там, где проход чуть выравнился, Солово едва не наткнулся на женщину, стоящую в полутьме возле одной из стен. Он удивил себя самого, не успев ни принять боевую стойку, ни потянуться с самым злодейским намерением к глазам или горлу неожиданно возникшей дамы. Бесспорно, период усиленной подготовки и раздумий не прошел бесплодно. Вместо этого адмирал... поздоровался.

Она была очень молода и необыкновенно красива, а ее голос — сама сладость и ничего лишнего. Но до всего остального адмиралу попросту не было дела, хотя он мог еще академически оценить совершенство, представшее перед ним во всей нагой красе.

— Прошу прощения, — извинился он за неловкость, внимательно изучив ее взглядом.

Девушка хихикнула, изящно прикрывая рот крошечной ручкой.

— Все в порядке, — проговорила она, многозначительно поглядев на него. — Добро пожаловать в Новый Элевсин! Прошу попить из источника.

Потом она повернулась к старому турку и обратилась к нему на его собственном языке явно

с подобной же вестью. Очевидно, Солово должен был уже следовать дальше.

Он покорно повиновался, давая тем самым возможность фемической девице приветствовать всех посвящаемых. Буквально в нескольких шагах адмирал обнаружил упомянутый источник и погрузил свое лицо в струю, бившую из стены в каменную чашу. Питье горчило, однако было богато солями и бодрило. Он подождал, пока напьются все остальные; наконец, каллипигическая* девица встала во главе вереницы, чтобы повести бывших узников дальше. Это самое «дальше» превратилось в лабиринт, и в его сонных извилах цепочка идущих скоро разделилась. Тут адмирал Солово и умер.

Сперва он полагал, что оказался у входа в тоннель... трепетное воспоминание из будущего о прошлом, впрочем, достаточно привычное для него. Но потом отметил, что тоннель освещен и не имеет предела, что ног больше не требуется, чтобы нести его нематериальное тело, которое поддерживал величественный свет. Подобное переживание не имело ничего общего со спуском к «Новому Элевсину», и посему Солово радикально изменил выводы.

Поглядев вниз, он увидел на пыльном полу бранные и грубые останки, бывшие некогда адмиралом Солово. Тем временем сила, которую по привычке он именовал собой, увлекалась вперед — к тому, что порождало этот ослепительный свет

* Прекраснозадая (греч.). Один из эпитетов Афродиты.

и привлекало к себе все сотворенное. Стремясь познакомиться с этим огнем — или, как ни странно, *вновь встретиться* со своим стариннейшим другом, — Солово не медлил. Торопясь, словно шлюха, которой предложили целое состояние, он едва замечал отступающий назад лабиринт во всей его многозначительной сложности.

Сверхъестественное зеленое видение фемической горы с осиным гнездом комнат, бараков, храмов и тысячами кишащих почитателей более не могло его удивить — как и подтверждение шарообразности мира или преждевременное открытие существования Америки, Австралазии и Антарктиды.

Адмирала Солово интересовали исключительно далекие фигуры, которые он различал в центре призывающего света. Точно он их не видел, но искренне верил, что его зовут к себе мать и отец. Впервые после детства он почувствовал желание увлажнить слезами свое лицо.

Там были и прочие вещи, способные дополнить и усилить столь непривычное высокое чувство. Нечто — это можно было назвать музыкой, волнами сопереживания и откровенной мудрости — аккомпанировало ему невидимым хором. Фигуры из прошлого, люди, которых он посылал перед собой, на миг обретали жизнь и без всякого злопамятства уверяли адмирала, что не испытывают к нему недобрых чувств. Солово начинал уже понимать вещи, которые прежде пушечным ядром вышибли бы из него всю приобретенную сухость. Эти вопросы вдруг показались ему бесконечно важными... если бы только он мог понять, о чем пытается поведать ему Свет...

Подобно трехлетке, едва ознакомленному с началами стоицизма, адмирал Солово не был готов воспринять все, что хлынуло на него; но он рос с каждой секундой и вот-вот должен был все понять. И все простить.

И тут некто влил какую-то жидкость в противящееся горло адмирала и призвал его к жизни. Быстрее, чем суждено было человеку путешествовать до изобретения ракет, Солово метнулся в свое тело и занял оболочку, с которой надеялся расстаться. Каким-то невыразимым образом он понимал, что уже не так подходит для нее, как прежде.

Обнаженная фемическая девица, усевшись на его грудь, ритмично барабанила по ней кулаками, и через несколько секунд адмирал начал ощущать удары. Заодно он почувствовал во рту какую-то мерзость и попытался выплюнуть ее. Девушка улыбнулась и оставила свои старания.

— Добро пожаловать обратно! — сказала она. — Все стараются это сделать: выплюнуть зелье жизни. Это нехорошо, но я уже постаралась, чтобы ты проглотил побольше. — Она изогнулась над ним и прижалась ухом к грудной клетке адмирала. — Вот, — проговорила она, не скрывая удовлетворения. — Я вновь запустила его как надо. Ты вернулся назад — и к лучшему. — Она отодвинулась.

Солово не знал, что чувствовать, — первая мучительная волна потери оказалась вполне сильной для его возродившихся стоических наклонностей, и это было неплохо. Меньше удовлетворения принесло понимание того, что память о его путешествии к свету быстро тает... Подобно песочному замку, тщетно противящемуся приливу,

он ощущал, что с каждой секундой его оставляет все больше и больше драгоценнейших откровений, и, наконец, остался ни с чем.

Адмирал затратил почти час, чтобы выбраться из лабиринта, повороты и спирали которого выдумал ум, еще более изобретательный, чем его собственный. Дважды на пути к выходу он наткнулся на тела посвященных, покорившихся яду источника. Быть может, фемическая девица не смогла отвести от них смерть, или же она просто не сумела их разыскать. С точки зрения Солово, подобное небрежное обращение с подопечными лишь подчеркивало ту важную роль, которую наниматели отвели для него лично.

Выйдя из лабиринта к ослепительному свету его сердцевины, он оказался в округлом зале с высоким потолком, набитом людьми, где среди космополитической толпы кое-где виднелись посвященные, обнаружившие в лабиринте большую приспособляемость, чем адмирал.

Полный мужчина в тюрбане предложил Солово питье.

— Вкушай без сдержанности, брат, — проговорил он на безупречном итальянском. — Сия жидкость не содержит ничего неподходящего.

Адмирал из вежливости попробовал. Вино годилось для принца и бросилось прямо в голову.

Энвер-паша, турок-фемист, любезно предоставил Солово возможность оглядеться и собраться. Он отметил, что внимание адмирала особо привлекал огромный шар над головой, что освещал комнату.

— Некоторым мы ничего не объясняем, вам

можно сказать, что для этого нагревается пар. Малая часть наших познаний, однако же впечатляет.

— Я могу предложить множество употреблений подобной лампе во внешнем мире, — сказал адмирал. — Если вы извините игру слов, то мне хотелось бы знать, зачем вы предпочли держать свой свет под спудом*?

Турок пожал плечами и блеснул вызолоченной улыбкой.

— Быть может, время для его широкого использования еще настанет, — согласился он, — но это будет *наше* время, и в тайне не будет нужды. Ну а пока мы храним, что имеем.

— А... конечно, — произнес Солово, словно бы услышав бог весть какое откровение. Он хотел услышать от фемиста это признание в тщеславии.

— И сегодня это единственный урок, который вы должны усвоить, — продолжил турок. — С этого мгновения вы — это мы, а мы — это все. Верность придет с годами, но тем временем пусть самоограничение, страх и уважение послужат той же цели.

Слуга подал изысканные яства, отчего онемевшие вкусовые сосочки на языке Солово обрели новую жизнь. Он волком проглотил горстку печенья, после чего сумел овладеть собой и промолвил:

— Я узнаю этого человека.

Фемист повернулся и явно впервые обратил свое внимание на удаляющегося слугу.

— Естественно, — проговорил он. — Этот епископ часто бывает в Риме.

* Имеется в виду притча о свече (Евангелие от Луки, 8, 16-18).

— Надеюсь, — заметил Солово; воздержавшись от нескольких вариантов ответа, он опустил глаза к яркому мозаичному полу, — вы не рассчитываете на то, что я буду прислуживать за столом подобно лакею.

Энвер-паша вновь улыбнулся. В его голосе не слышалось доброты.

— Нет. Вы выше его в наших глазах и сулите больше... возможностей. Однако, если мы прикажем, будете подавать яства без всяких возражений.

Оглядевшись, Солово отклонил скрытый вызов. Мир принимал весьма живое обличье, и Энвер-паша, исполнявший роль хозяина при адмирале, не хотел, чтобы его подопечный уклонился от всеобщего духа, и попытался возобновить разговор.

— Ну а как вы перенесли смерть, адмирал? — вежливо поинтересовался он. — Если вы не хотите вспоминать об этом, пожалуйста. Некоторые предпочитают молчать.

— Спасибо, это было весьма интересное переживание, — ответил Солово, пресекая дальнейшие расспросы. — Полагаю, ваших рук дело.

— Конечно же, — согласился фемист. — Всего лишь яд и противоядие — то и другое в лошадиных дозах. Подобный метод, не имея себе равных, позволяет столкнуть личность со всех основ и сделать восприимчивой к новым идеям. Разумеется, случаются и отходы...

— Но тем не менее вы считаете упражнение полезным, — договорил за него Солово, почему-то не желая услышать подобных слов из уст турка.

Энвер-паша попытался отыскать признаки осуждения в высказывании Солово и не нашел таковых.

— Поэтому, — сказал он, — я полагаю, что вы видели Универсальный Свет, как обычно случается у монотеистов*. Я бы не стал придавать этому большое значение, как и фигурам приветствующих вас любимых. Это просто последний гамбит гибнущего мозга, одолевающего ужас воспоминания о рождении и тем самым освобождающего себя от груза памяти. Во всяком случае, мы так считаем.

По тому, как напряглась спина адмирала, Энвер-паша вдруг заметил, что нанес оскорбление. Он понял, что на краю забвения Солово видел нечто, перевернувшее его сердце.

— Но теперь испытание миновало, — проговорил он торопливо, — вы вправе иметь о нем собственное мнение.

— Благодарю вас, — ответил адмирал с каменным выражением лица; на деле он был не столько оскорблен, сколько чувствовал стыд, вспоминая свои слезы в заканчивающемся светом тоннеле. — Значит, все так просто... я согласен. Никаких мрачных тайн? Никаких жутких клятв?

— Нет, — подтвердил Энвер-паша. — Совсем никаких. Некоторые здесь будут давать обеты, но в вашем случае мы считаем их излишними. Вы и без того обладаете необходимым почтением к античному миру и чересчур углублены в себя, чтобы испытать волнение от крови, клятв и угроз. У нас обряд каждого посвящения соответствует личности. Заверяю вас, после всего пережитого ортодоксальные верования внешнего мира покажутся вам еще менее

* Последователи монотеизма — религии, признающей единого бога.

привлекательными, чем прежде. Вас сделали восприимчивым к более широкому диапазону симпатий... этого достаточно для наших нынешних нужд.

— Впрочем, — закинул удочку Солово, — вы ничего не рассказали мне о себе. Безусловно, мне следует знать, чему, собственно, я служу.

Энвер-паша не стал торопиться с ответом.

— В этом пока нет нужды, — решил он наконец. — Вы не из тех, кого мы будем муштровать и бить по лбу, — в вашем случае подобный подход непродуктивен. Более того, считайте себя свободным. Однако сегодня ваш праздник, и я хочу повеселить вас. Пойдемте со мной.

Он пробирался сквозь толпу, и Солово послушно последовал за ним, воспользовавшись возможностью, чтобы прихватить по пути бокал вина и горстку печенья. Фемист то и дело указывал адмиралу на людей, повторяя:

— Видите картину, адмирал? Мы — все и вся... коалиция, семья, союзники, объединившиеся против мира.

Так они приблизились к стене просторной палаты, увешанной гобеленами, изображающими обычные сюжеты из классической мифологии, Бесспорно знакомый со строением подземного храма, фемист отвернул один из ковров, за которым оказалась дверь. Солово подозревал, что подобный скрытый вход или выход был здесь не единственным, да и помещение это могло лишь открывать длинный ряд погребов.

Энвер-паша отпер дверь ржавым ключом и жестом поманил Солово. Дверь захлопнулась по-

зади адмирала с пугающей внезапностью, полностью оставив за собой звуки веселья.

— Вот, — сказал он, показывая на предмет, доминировавший во всей комнате, в которой они очутились. — Что это по-вашему?

— Большой шар, — ответил Солово, — а на его поверхности карта. Узнаю Средиземное море и Италию, но кривизна искажает реальность, а потому...

Энвер-паша с прискорбием качнул головой и жестом руки велел адмиралу молчать.

— Наблюдайте, — проговорил он испытующе, — и учитесь по этому Земному Яблоку. Здесь, — он указал место на карте, — в Китае, мы распространили ультраконсервативную конфуцианскую философию среди бюрократов династии Мин. Лю Дася — один из наших, кстати, военный министр, — приказал уничтожить навигационные карты, позволявшие китайским джонкам ходить в Азию, Африку и Индонезию. Он объяснил императору, что контакт с чужеземными «варварами» лишь растворит и ослабит культуру страны. В результате родина этой культуры впадет в застой и упадок, затеряется в мечтах о самостоятельности и былой славе. Поэтому, когда флоты Запада — эти страны сейчас называются христианскими — в свое время направятся на Восток, доступ в Индийский и Тихий океаны будет для них открыт.

— Теперь смотрите далее. Вот Сонгаи, империя Гао, Тимбукту, центр караванных дорог и торговли золотом. Мы сделали так, чтобы Сонни али Бер*,

* Сонни Али (1464 — 1492) — правитель Сонгаи в период его расцвета.

император, просто пугающий своими способностями, утонул в реке Нигер в прошлом году. Он возвращался из похода, совершив на Юге великие завоевания, однако больше побед у Сонгаи не будет. Португальцам уже... внушаются честолюбивые планы относительно Северной Африки: наследники Сонни али Бера будут править над изолированной, не имеющей выхода к суше страной, которая рано или поздно падет — что могут сделать копья и стрелы против пороха. Мы решили: Африка не должна процветать.

Солово, воевавший против «Всадников Юга» по приказу Кайр Халил-эль-Дина во время своего пребывания в Триполи, был совершенно безразличен ко всей этой геополитике.

— Вы вполне уверены, что я необходим вам? — только и спросил он. — По-моему, все дела и без того идут достаточно гладко.

Энвер-паша празднично крутнул глобус, пытаясь не глядеть на свое отечество, поскольку ему были прекрасно известны перспективы, назначенные Феме его родине.

— Как личность, конечно, нет, — ответил он, — хотя кое-кто из наших старейших усматривает в вас признаки странной судьбы. Однако нам нужны многочисленные одаренные мужчины и женщины — творить наши чудеса.

— И как я узнаю их?

Энвер-паша остановил кружение глобуса.

— Вы их узнаете, только если они сами захотят этого. Могу сказать лишь одно — ищите нас среди высоких и мудрых.

— Эти два качества совмещаются отнюдь не всегда, — сухо заметил Солово.

— Тогда, быть может, — возразил фемист, — именно по такому-то сочетанию вы их и узнаете.

— У меня есть вопрос-другой... разрешите ли?

— Как угодно, адмирал, сомневаюсь, чтобы мы встретились снова.

— Ну что ж... первое — чего вы хотите?

Фемист поглядел на Солово.

— Мы — это Союз амбиций, как я сказал вам. Однако он порождает и консенсус целей: все мы надеемся на возвращение старых — и лучших — времен и обычаев.

— Эльфийских, имперских, языческих? — предложил варианты Солово.

Энвер-паша напряженно улыбнулся, но отказался продолжать тему.

— Тогда уверены ли вы, что цель достойна усилий? — Солово зашел с другой стороны.

Энвер-паша явно никогда прежде не думал об этом.

— Возможно, и нет, адмирал, — проговорил он в конце концов, — однако за все это время проект наш набрал собственную инерцию. К тому же, — добавил он загадочным тоном, — нашу руку направляет Книга...

— Которая не имеет ничего общего со Священным писанием или даже с Кораном... я правильно понимаю?

— Ну, адмирал, это чересчур прозаично. Это наша собственная книга; мы сами писали ее и с радостью видим, как страница за страницей выполняются ее пророчества. Впрочем, не нап्रा-

гайте своего любопытства, я сомневаюсь, чтобы вы могли получить возможность поглядеть даже на ее обложку.

— Настолько хороша, так?

— Выше всякой похвалы, Солово. Это история времен от туманного прошлого до столь же туманного будущего. Тем не менее я не хочу оставить вас полностью неудовлетворенным; иначе вы затеете собственные расследования и тем самым обесцените себя в наших глазах. Она представляет сводку пророчеств древних Дельфийского и Амонского оракулов, Элевсинской и Додонской мистерий, Кумской и Сивилиной книг — это я могу сказать вам. На нашей памяти дополнения вносил благословенный Гемист Плифон, и поскольку вы не удосужились поинтересоваться, так знайте: это его портрет украшал вашу келью. Вы можете познакомиться с некоторыми из его трудов — не столь радикальными и совершенно открытыми — и там узреть хотя бы тень нашего проекта. Считайте это домашним заданием.

Было бы бесцельно скрывать пробуждение интереса к книжной премудрости, и Солово не стал даже пытаться этого сделать.

— Я так и поступлю, — ответил он. — Что еще я обязан делать?

— Все и ничего, адмирал. Вы не принадлежите к числу наших намеченных снарядов. Мы ожидаем выгоды в любой области, которая может вас заинтересовать. Итак, Солово, все просто — идите и живите. Заводите друзей, влияйте на людей.

Продемонстрировав последней фразой, что разговор окончен, фемист вежливо проводил адмирала

в большой зал, где торжество было в самом разгаре. Облаченный в черное слуга держал прежние одежды адмирала — чисто выстиранные и сложенные. Солово не полагалось знать, что они стали на стежок-другой посвободнее — их распорол, а потом аккуратно сшили вновь. Феме не жалели труда, даже самого кропотливого, чтобы посвященные, уезжая домой, чувствовали себя в чем-то неопределенном совершенно иными людьми.

Не сомневаясь в том, что все его прочие потребности — транспорт, еда и оружие — будут удовлетворены еще до отъезда, адмирал позволил увести себя из зала. Пол к выходу поднимался, и портал — такой же, как и выход из лабиринта, — охраняли по обеим сторонам два огромных колосса древних времен, мраморные изваяния Марса и Гор-Адриана. В ночь подобных чудес Солово едва поглядел на них, обремененный думами об истории в процессе ее творения.

Впрочем, он один пребывал в такой беспечности. Даже другие посвященные уже знали достаточно много, чтобы с живым интересом следить за уходящими с праздника мимо живых стражей. Поэтому, когда желтый свет вспыхнул в глазах забытого бога и мертвого императора и каменные титаны застонали в тщетной попытке последовать за адмиралом, подобное незамеченным *не осталось*.

И во всем большом зале, где собрался Священный и Древний Феме, разом утихли все разговоры.

Год 1497

УДАР КИНЖАЛОМ ВО ТЬМЕ:

*я проявляю либеральность при
отправлении правосудия и
помогаю измученной душе.*

— А на мой взгляд, — заметил Хуан Борджа*, второй герцог Гандийский, князь Теано и Трикарико, герцог Беневентский и Террачинский, только что назначенный гонфалоньером Святой Церкви, — царство Венеры более прочих созрело для... завоевания.

— Захвата и разграбления! — согласился его услужливый прихлебатель, остававшийся в маске.

— Именно так. — Герцог облизнул губы. — Границы его открыты, а силы столь слабы, что просто приглашают к насилию. В молодости я нередко совершал набеги на его окрестности; теперь, князем, я захвачу его целиком.

— Свидетельствую, — заверил мужчина в маске. — Герцог Хуан Борджа обслуживает отверстия женского рода в три зубца и ежедневно.

Оба от всей души расхохотались, а потом Хуан фыркнул, погасил веселье, словно свечу, вернувшись к своему обычному злобному недовольству.

— А как думаете вы, адмирал? — бросил он резко. — Как вы относитесь к моей военной метафоре?

* Старший сын римского папы Александра VI.

Небольшая группа, устроившаяся в винограднике, отставила в сторону напитки и деликатесы и обернулась к адмиралу Солово.

— Я не слишком часто посещал ту страну, о которой вы говорите, — ответил тот ровным голосом, нисколько не смущаясь общим вниманием. — Местность нередко обманчива, можете мне поверить, однако продолжительное пребывание, как мне кажется, сулит меньше приятного времяпрепровождения, чем принято считать.

— Адмирал полагает, — заметил Чезаре Борджа, до этого безмолвно прислушивавшийся, — и я, пожалуй, согласился бы с ним, что королева Венера не заслуживает крупной кампании. Она не причиняет нам вреда, ничем не грозит, платит нам дань губами. Я не понимаю такой агрессивности по отношению к ней.

Герцог Хуан, постоянно пребывавший на вершине своей злобы, перевел мрачный взгляд с адмирала на младшего брата.

— Неужели настолько необходимо... — проговорил он ледяным голосом.

Чезаре задумался.

— Да, — произнес он наконец. — Таково мое мнение... насколько я знаю, и нашего отца тоже. Не сомневаюсь, что он предпочтет, чтобы его гонфалоньер сконцентрировал свои усилия на чем-то другом, скажем на кампании, послужившей предлогом для нашей нынешней встречи.

— Вечно я у тебя в долгу за совет, братец. — Улыбка Хуана казалась хуже всякой насмешки. — Ты знаешь, как я стремлюсь — просто жажду —

жить в соответствии с твоими ожиданиями. А вот и мать идет, чтобы успокоить нас.

Тон разговора сразу понизился на одну-две нотки, когда к ним подошла Ваночца Катанеи.

Ее никогда не считали красивой или остроумной. Тем не менее Катанеи рожала сыновей и — редчайшее из качеств в то время и в той стране — была верной и благоразумной. В течение почти тридцати лет эти качества сохранили глубокую привязанность и любовь к ней Родриго Борджа (позже папы Александра VI), невзирая на все его краткосрочные потребности здесь и повсюду. Сия дама обладала еще неким чувством, присущим знатным римским домам: умела понимать, когда разговор принимает опасный оборот, прежде чем это успевали осознать сами участники.

— Сыновья, синьоры, — сказала она негромко, — я ощутила в воздухе известную напряженность, изгоняющую вечерний покой и делающую запах вина не столь приятным. Неужели она могла исходить отсюда?

— Совершенно не так, мама, — ответил герцог Хуан до того убедительно, что вызвал новое уважение в потрясенных Чезаре и Солово. — Мы обсуждали военные хитрости; вопрос весьма уместный, учитывая мое скорое отбытие на войну.

Но родную мать даже самой искусной ложью не обмануть. Мадам Катанеи не была убеждена.

— Какая удача, Хуан... присутствующий среди нас военный может высказать квалифицированное мнение о твоих планах: адмирал Солово, как вы себя чувствуете?

Солово изящно поклонился.

— Прекрасно, моя госпожа. Но мои глаза избавляют меня от необходимости осведомляться о вашем здоровье.

Катанеи одарила его скупой улыбкой.

— А вы все еще бьете турок на морях, адмирал?

— Редко, мадам... я нечасто отлучаюсь до своего родного Капри.

— А я считал вас флорентийцем, — заметил Хуан, мгновенно отреагировав на ошибку в информации. — Или это был Милан?

Выражение на лице адмирала не переменялось.

— С одной стороны, — согласился он, — как будто бы да... однако, чтобы ответить на вопрос госпожи, скажу: теперь я плаваю в менее предсказуемых водах.

— Говорят, — отозвалась Катанеи, — что вы были весьма полезны одному папе, потом другому...

— Они приходят и уходят, папы то есть, — пояснил Жоффри Борджа, самый младший, и покраснел, осознав, что высказался довольно глупо и даже опасно.

Однако, невзирая на дефекты морали, манеры присутствующих можно было считать образцовыми, и подростковый ляп сошел с рук в пристойном молчании.

— Стараешься быть полезным, — проговорил Солово, — и приспособливаться.

Подобное заявление исчерпывающим образом объясняло абсолютно все. Никто из знати в эти времена даже и не подумал бы оспорить такое утверждение.

— Универсальная максима! — произнес Чеза-

ре, изгоняя из голоса все чувства. — И люди подчиняются ее требованиям, разве не так? Возьмем для примера моего брата Хуана: вчера герцог... какого-то местечка в Испании, сегодня гонфалоньер, отправленный перевоспитать Орсини и покарать умбрийских царьков за былые ошибки³. Просто колесо фортуны, и мы должны повиноваться его поворотам.

— Желая герцогу Хуану удачи во всем, как это делаешь ты, — твердо проговорила госпожа Катаней, прямо глядя в пространство.

— Именно так, — невозмутимо согласился Чезаре.

Адмирал Солово был поражен. Достопочтенная госпожа тихо и властно установила покой во взрывоопасном уголке своего виноградника... во всяком случае, почти.

— Что касается твоего компаньона, Хуан, его праздничная маска *весьма* забавна, однако кажется излишне постоянной. Сегодня мы празднуем с семьей и друзьями... и теми, за кого они могут поручиться. Нужды в тайнах нет.

— Увы, в его случае это не так, — непринужденно ответил Хуан. — На моей службе этот испанец поцеловался с клинком и теперь опасается взволновать дам и детей последствиями такого поцелуя. Я приблизил его за верность... и к тому же он развлекает меня.

Последние слова герцог добавил с известной поспешностью, заметив общий шорох неодобрения подобными сантиментами.

Тут ручей беседы укрылся под землей и более уже не мог обнаружиться. Катаней была довольна

победой, герцога Хуана смущало явное поражение. Адмирал Солово давно уже приучился смаковать молчание... в любом случае угадать взволнованную колкость мыслей Чезаре Борджа просто не представлялось возможным. Жоффре, как недоросток, и человек в маске, как слуга, не могли внести вклад ни в развитие разговора, ни в его угасание.

Первым не выдержал герцог Хуан.

— Упоминание о веселье в устах моей матери пробудило мою память, — объявил он, всем своим видом демонстрируя уверенность. — Я вспомнил про некое свидание. Не извините ли вы меня?

— Если простофиля встает, — проговорила Катаней, — я не могу ничего поделать. Этот вечер устроен в твою честь, и поэтому нет причин полагать, что он переживет твое отбытие или же переменит свое настроение.

— Я весьма обязан, — Хуан почтительно склонил голову, увенчанную диадемой. — Идем, цыган, — жизнь ждет нас!

Человек в маске поклонился всем присутствующим и последовал за своим господином.

— Кто это? — резко бросила Катаней.

— Испанец по имени Себастьяно, — ответил Чезаре.

— Ты проверил это? Он заслуживает доверия?

— Да — на оба твоих вопроса, мама.

— Тогда я спокойна. — Госпожа Катаней кивнула адмиралу Солово и скользнула в дверь.

Вечер был в самом разгаре, а в Риме — тем более в римском винограднике — такой час чарует невероятно. Среди виноградных лоз мерк дневной свет, таяло тепло и политически корректные статуи

привлекали и захватывали праздный взгляд. Вечеринка была весьма благопристойной — подобно слабому освежающему напитку, во всем противоречащая социальному урагану за стенами сада. Адмирал Солово подметил нечто стоическое во всей концепции и был этим обрадован.

— Брат Жоффри, — негромко произнес Чезаре, — насколько я вижу, синьор Бонданелла с Палатинского холма снова запустил руку за корсаж твоей жены. Какой позор для нашего семейства, какое оскорбление гостеприимства матери! Тем более что все происходит при полном попустительстве молодой особы. Ступай и уладь дело!

С ругательством Жоффри бросился прочь, повинуясь брату.

Оставшись вдвоем, адмирал Солово и Чезаре Борджа принялись изучать все вокруг, кроме своего собеседника. Тем не менее адмирал заметил искорку в глазах Борджа, когда тот наконец заговорил.

— Мужчина должен чтить своих отца и мать, адмирал.

— *Дабы жить долго и процветать в земле своей*, — осторожно согласился Солово. — Да, эта заповедь* удерживает в целостности общество людей.

Чезаре кивнул.

— И все же насколько легче повиноваться этому благородному призыву, адмирал, когда находишься в полном согласии со взглядами своих родителей.

— В самом деле, — подтвердил Солово.

Чезаре протянул вверх руку в перчатке и, сорвав одну виноградинку из грозди, продолжил:

* Одна из десяти Моисеевых заповедей.

— И потому я позволяю себе испытывать приятное согласие с матерью, когда она утверждает, что отбытие Хуана можно простить.

Впервые — и то всего лишь на секунду — их взглядам было дозволено встретиться, и за короткий миг оба отыскивали всю необходимую информацию.

— Как мне кажется, — неторопливо проговорил адмирал, — я перед вами в долгу.

— Если это так, — ответил Чезаре, — вы найдете во мне более благородного кредитора, чем те евреи, с которыми вы якшаетесь.

— Я говорю это, — заторопился Солово, встревоженный подробным знакомством Чезаре с его делами, — подозревая, что до вашего вмешательства герцог Хуан намеревался... отделаться от меня, скажем иначе — отказаться от моих услуг.

— Подобные желания, — голос Чезаре приобрел необходимую нотку значительности, — не оставляют нас, адмирал.

Действительно это так, подумал Солово, более чем обычно стараясь скрыть от собеседника все свои помыслы.

У него были веские причины для опасений: глядя вслед герцогу Хуану, его слуге и человеку в маске, Солово заметил некоторую *расплывчатость* в очертаниях фигуры гонфалоньера, явно двойившейся в глазах адмирала. Душа его словно бы готовилась к расставанию с телом.

— И потом вы обнаружили тело герцога Хуана? — сказал равви Мегиллах. — Это ведь отчасти и заслуга?

— В известной степени, — подтвердил адмирал. — Но его святейшество платит мне за каждый час, и я не могу сделать ничего иного. При всем моем убеждении в том, что некоторые тайны лучше оставлять нераскрытыми, у меня не было выбора в этом деле.

Равви поднял взгляд от своего кубка с водой, торопливо пряча в глубине глаз зерно подозрения.

— Екклезиаст, 9, 5, — проговорил он, чтобы избежать возможного непонимания. — *«Мертвые ничего не знают»*. Поэтому, что им до нас? — Он мог бы не беспокоиться, поскольку Солово явно не заметил оплошности.

— Но это была лишь часть моего поручения, — отстраненно произнес адмирал. — Баланс более проблематичен.

— Александр требует преступника? — предположил равви Мегиллах.

— Точного соблюдения правосудия! — подтвердил Солово.

— Адмирал, он принадлежит к людям, которые могут требовать подобной экзотики. Вот если бы вы или я...

— Или любой из дюжины некогда бывших людьми, а ныне покоящихся в водах Тибра.

— Именно так. Немногие будут задаваться вопросом... еще меньшее количество людей проявит интерес, и уж никто не потребует у мира объяснения подобных прегрешений. Некоторые обратятся к Всемогущему (да будет благословенно имя Его), не имея особой надежды на ответ. В наше время удары молний нередки.

— Хотя можно и не путешествовать во время

грозы, — заметил адмирал Солово. — Таанит, 25; равви Элиезер сказал: *«Некоторые сами роют себе могилу»*.

— Однако случается — молния может поразить тебя дома — в безопасности и покое.

— Если так будет предопределено, — поправил собеседника Солово, приспособливая религиозную метафору к строго естественному феномену.

Равви Мегиллах принял добродушный укор и намеренно перевел разговор в новое русло.

— Говорят, что раны просто ужасны, — произнес он с поддельным сочувствием.

— Как всегда и бывает, — сказал адмирал, — Безусловно, их наносили со страстью и рвением. Всего девять: одна в шее, остальные в голове. Смертельной могла оказаться любая.

— Какой позор! Для испанца он был симпатичным мужчиной.

— Теперь уже нет. Когда мы его выловили — вблизи сточной канавы, — от его обаяния уже почти ничего не осталось.

— Мы лишь мехи, полные крови, связанные и одушевленные словом Всемогущего (благословенно имя Его), — нараспев проговорил равви Мегиллах, как будто бы адмирал не знал этой простейшей истины.

Прекратив изучать крышку стола, Солово поглядел на равви.

— Я не узнаю цитаты, — заметил он с интересом.

— Моя собственная, адмирал.

— Как жаль: составленная христианином, она бы заслуживала публикации.

Мегиллах пожал плечами с достойным зависти безразличием к подобным соображениям.

— А слуга герцога Хуана может что-либо сказать о несчастье?

— Он умирает, — Солово мягко улыбнулся, — однако не может смириться с этим фактором. Стараясь заслужить свою земную награду, он ничего не говорит и ничего не помнит. Даже ярость его святейшества не смогла разбудить его память.

— Попытка? — предложил равви.

— Она убьет его за какие-то минуты. Увы, его святейшество лишен какого-бы то ни было воображения в этой области, а я чересчур брезглив, чтобы выступать с предложениями, которые могли бы поправить дело.

— А что слышно о человеке в маске, адмирал. Его обнаружили?

— Исчез, равви, словно бы и не существовал. Его не знают в мире людей.

— Так вот вам и преступник! — улыбнулся равви Мегиллах, радуясь, что может оказать помощь.

— Но нам нужен оружейник, который сделал кинжал, — Солово качнул седой головой. — Папа хочет видеть не оружие, а того, кто направил его... не убийцу, а его патрона.

— Он хочет чересчур многого, — заметил равви Мегиллах с удивлением. — Но если папа чего-то хочет, его желание будет исполнено. — Как глава гетто, равви обладал достаточными и скорбными доказательствами этого правила, невзирая на недолгое пребывание на этом посту.

— Или это, или нечто не менее приемлемое. К сожалению, то, чем я сейчас располагаю, совершенно не устраивает его святейшество — как и меня самого.

— Но у вас есть преступник! — воскликнул Мегиллах.

— О да, — адмирал Солово улыбнулся в третий или четвертый раз за вечер (должно быть, рекорд). — Скажем так, — подумал он вслух, — можно переговорить кое с кем.

— Благодарю вас за согласие побеседовать, — сказал Чезаре Борджа, — и за проявленную при этом сдержанность.

Солово поклонился, с изяществом принимая благодарность.

— Не хотите ли подкрепиться, адмирал?

— Едва ли, милорд.

— Вы можете не бояться отравы, адмирал. Не следует преувеличивать моего коварства.

— Как и моего стремления к отравленному питью, мой господин. К тому же мое устранение не даст вам сейчас никаких преимуществ.

Чезаре Борджа, протонотарий, казначей Картагенского кафедрального собора, епископ Памплоны, архиепископ Валенсии и кардинал-дьякон церкви Санта-Мария Нуова, сидел неподвижно, спокойно прокручивая какие-то мысли в сверхнизкотемпературной вычислительной машине, которую сделал из своего ума.

— Ах да, — заметил он к месту, — вспомнил теперь: вы же стоик, разве не так?

Адмирал Солово знаком дал понять свое

безразличие к этому или какому угодно другому определению.

— Если этот ярлык выделяет меня среди других следователей его святейшества, я рад этому, — заметил он. — Однако и вам нетрудно удостоиться подобного определения (если вы простите меня) от всякого, кто захочет обратить внимание на ваше неперемennое черное одеяние.

Чезаре улыбнулся.

— Пожалуй, прощу. Я признаю связь. Самоконтроль, присущий вашей философии, дает известные преимущества, но причины моего выбора одежды куда глубже.

— Как и моя философия, — парировал Солово.

Чезаре резко изменил направление наступления, чем позже сделал себя знаменитым на поле битвы.

— И насколько же глубоко зашло ваше нынешнее расследование, адмирал? — спросил он.

— Реки глубоки, горы высоки, синьор, — ответил Солово. — Однако о подобных вещах я бы не стал говорить в отсутствие его святейшества и самых близких его родственников.

— Не обращайтесь внимания на Микелотто, — проговорил Чезаре, показывая на смуглого мужчину, облаченного в подобный же траур и сидевшего рядом с ним. — Он мой: я верю ему и в жизни, и в смерти.

Адмирал Солово поглядел на Микелотто, и длинноволосый объемистый приспешник вежливо склонил голову. Широкие и невинные глаза делали его непохожим на убийцу, что наверняка давало ему известное преимущество.

— Очень хорошо, — сказал Солово. — Я могу известить вас, что мое расследование завершено, отчет подготовлен, составлены предварительные выводы.

— И будет непоправимой бедой, если вы досрочно представите эти соображения кому-нибудь еще, кроме его святейшества папы?

— Безусловно, да.

— Но тем не менее? — продолжил Чезаре, придавая голосу крохотный оттенок сомнения.

— Тем не менее, — заверил его Солово, — все взвесив...

— Я не стану оскорблять вас предложением золота и покровительства, — быстро произнес Чезаре, не желая вырывать поражение из пасти неожиданной победы.

— Не надо. У предательства не всегда бывают мирские причины, но вы, конечно, знаете это.

Чезаре Барджа скромно отмахнулся от комплимента и экономно воспользовался тем же жестом, чтобы ускорить развитие событий.

— Ваш брат, — проговорил адмирал Солово, откидываясь назад в кресле, — оставил вечеринку у вашей матери, по сути дела утверждая, что еще не поздно предаться иным удовольствиям.

— В самом деле, — согласился Чезаре с некоторым пренебрежением. — Область, расположенная ниже пояса, ведала всей жизнью Хуана. Это известно достаточно хорошо.

— Итак, самое тщательное расследование показало, — сказал Солово, так же осуждая эту слабость, — что его сопровождали в тот день слуга

и испанец в маске, весь последний месяц бывший у него шутом и компаньоном. Он оставил нас, ночь миновала, и челядь доложила, что герцога нет дома. Его святейшество не встревожился, вполне обоснованно полагая, что герцог застрял у какой-то замужней дамы, не желая покидать ее при дневном свете. Когда прошел день, а за ним ночь, его святейшество назначил меня распоряжаться всем делом, и уже после полудня следующего дня я обнаружил тело герцога Хуана.

— Вы, бесспорно, проницательнейший из людей, — заметил Чезаре бесстрастным тоном. — Любой папа или князь, способный воспользоваться вашими услугами, будет воистину счастлив.

— Я бы не назвал этот случай приятным, — продолжал Солово, — однако он оказался весьма поучительным. Чтобы проиллюстрировать это, позвольте мне привести один анекдот из моей практики.

Чезаре скупым движением руки велел говорить.

— Поскольку отсутствие герцога Хуана затянулось, я, естественно, обратился к Тибру — сточной канаве для всех отбросов. Я переговорил с торговцем лесом, который в интересующую нас ночь сторожил свой склад в лодке со стороны реки. Освежив свою память, он начал вспоминать — во все более мелких подробностях, по мере того как мое терпение истощалось, — как группа мужчин в плащах принесла тело на берег и бросила его в воду возле стока. Я спросил, почему он не донес о случившемся; торговец

ответил, что за тот недолгий срок, в течение которого он владеет складом, подобные эпизоды на его глазах происходили более сотни раз и никого это не взволновало: так почему же следует считать другим этот случай? Да, мой господин, в таком мире нам приходится жить. Я счел этот аргумент разумным и оставил торговцу левое ухо.

Чезаре кивнул, одобряя либеральный подход адмирала.

— Мы забросили сети, — продолжил Солово, — и нашли герцога Хуана «в крови и грязи», как поют уличные певцы. Вознаградив таким образом себя за труды, я начал искать преступника и был вынужден обратиться к кандидатам, имеющим личные или политические мотивы. На теле оказалось тридцать дукатов, и поэтому нетрудно было понять, что Хуан не пал жертвой грабителя, — тон адмирала не изменился. — К моему удивлению, я услышал ваше имя. Ну, например, в качестве соперника герцога Хуана в борьбе за благосклонность доньи Санчии, жены вашего младшего брата.

Чезаре расхохотался... словно вдали стрельнула пушка.

— Именно, — проговорил Солово. — Насколько мне известно, сия госпожа излишне охотно и широко наделяет своей благосклонностью всех желающих. Более того, другой слушок намекал, что вы с Хуаном и с вашим отцом, его святейшеством, претендуете на руку... и прочие части тела вашей сестры Лукреции. Я промолчу о нем во всем прочем, кроме того, что происхождением

своим он обязан некоему Джованни Сфорца, прежнему мужу вашей сестры, разведенному с ней по унижительной причине — из-за импотенции.

— Я отмечу это, — Чезаре вновь улыбнулся.

— И учитывая, что вы по крайней мере имеете хотя бы представление о правах наследования, я отверг версию, предполагавшую, что подобным путем вы хотели добиться герцогства вашего брата.

— Оно переходит к его старшему сыну, — согласился Чезаре.

— Точно так, мой господин. Подведем итог: ни одно из этих предположений *не удовлетворило* меня. Мне пришлось обратиться к дедукции и собственным возможностям.

— А именно? — поинтересовался Чезаре, словно каталогизируя.

— Мои догадки возникли при насильственном предотвращении немедленного обмывания и обряжения трупа вашего брата, на чем настаивали некоторые из слуг Борджа. Поэтому я сумел обнаружить крошечное пятнышко крови возле правого уха герцога Хуана и получил основание утверждать, что эта рана оставлена игольчатым стилетом профессионального убийцы. Поскольку следствия подобного удара непоправимы, стало ясно, что прочие раны нанесены после смерти, чтобы запутать расследование.

Не оставляя своих расчетов, Чезаре понимающе кивнул головой.

— И мои выводы подтвердились, когда я

сегодня вновь встретил Микелотто — прежнего Себастьяно на вашей службе. Он самым убедительным образом изменил облик, осанку и манеры держаться. Однако месяц ношения маски под жарким римским солнцем оставляет заметный след на лице. Кстати, я вижу, у него нет никакого шрама.

— Нет, — ответил Чезаре. — Мой брат считал выгодным использовать слугу в маске и тем самым создал прецедент.

— Но слуга — человек дела, — сказал Солово.

— ... и по-деловому относится к альтернативным предложениям, — заверил Чезаре. — Между прочим, будучи человеком чувствительным, он был весьма смущен своей предыдущей встречей с вами. Как мне кажется, он хотел бы принести извинения.

С редкой снисходительностью Чезаре разрешил слуге вступить в разговор.

— Синьор адмирал, — проговорил Микелетто мертвым, тусклым голосом. — Я бы хотел, чтобы вы шире глянули на наше столкновение в винограднике. Я стремлюсь убедить вас, что не всегда бываю таким. Мои грязные слова были продиктованы обществом герцога Жуана. В вопросах плоти он вел себя как самый опустившийся человек, а исполняя определенную роль, приходится... приспособливаться, невзирая на отвращение.

— Я вполне понимаю это, — ответил адмирал Солово. — Мужчин гонит буря обстоятельств; мы неспособны выстоять против нее в одиночку и

едва ли может отвечать за курс своего крохотного корабля.

Микелотто встал и поклонился в явно неподдельном восхищении благородством адмирала.

— Если я правильно понял вас, — произнес Чезаре, — то, очевидно, могу предложить возможное объяснение смерти Хуана.

— В самом деле? — Солово изобразил удивление.

— Разве не могло, адмирал, случиться так, что герцога устранил кто-то из его же собственного семейства, скажем младший брат, стремящийся к мирским благам, ливнем проливавшимся на Хуана? Разве не мог столь беспринципный и изобретательный человек заслать убийцу в дом герцога и замаскировать свое преступление под удар ревнивого мужа?

— Подобное, безусловно, возможно, мой господин, — согласился Солово. — Более того, именно эту версию я и предпочел в своем письме к его святейшеству; несколько экземпляров, написанных собственной рукой, я оставил в различных местах, чтобы они были доставлены его святейшеству лишь в случае моей неожиданной кончины.

— Тогда пусть этот день наступит не скоро, — с беспокойством промолвил Чезаре.

— Но оставим такую возможность, — решительно проговорил адмирал. — Я вижу, что вас, теперь старшего в клане, ожидает весьма блестящее будущее. Ну а поскольку это так, я бы хотел услышать от вас пожелания относительно моего отчета перед его святейством. Выражаясь коротко и ясно, мой господин, ваша судьба в

собственных руках, и не угодно ли вам сделать выбор? В противном случае я бы назвал это стремлением к самоубийству...

Чезаре удовлетворенно вздохнул и опустилсся в кресло.

— Что за редкое счастье, — он улыбнулся, наслаждаясь моментом, — встретить человека, наделенного столь проницательным взглядом.

Адмирал Солово проснулся и подумал, действительно ли это случилось. Вместо того чтобы находиться в точной рубашке в собственной постели, он нашел себя одетым и вне дома. *Где именно*, адмирал не знал, однако подземный лабиринт он мог узнать и по собственному опыту, и по книгам.

Стены тоннеля были высоки и неровны, они исчезали над головой за пределами тусклого и мерцающего желто-красного огонька, чьего происхождения адмирал не мог определить. Оглядевшись, он обнаружил, что находится не в одиночестве.

— Эй, надо поговорить! Одно только слово, — раздался достаточно свирепый голос, и высокая, темная, насквозь промокшая фигура, вынырнув, из теней, приблизилась к адмиралу.

— Добрый вечер, герцог Хуан! — сказал адмирал и вежливо добавил: — Как вы себя чувствуете?

— Мертв и загажен неопиcуемой мерзостью, — ответил герцог, гневным жестом указывая на зияющие раны. — Сами прекрасно видите! А во всем прочем отлично. Пошли.

Он взял Солово за плечо, и они отправились вниз по слегка наклонному тоннелю.

— Можно ли спросить, — начал адмирал, — как случилось, что и я оказался здесь? Или я тоже мертв?

— Увы, нет. Объяснение таково: мой великий гнев способен низвергнуть вас сюда в ночные часы, когда дух человека слабеет.

— Понимаю, — Солово явно заинтересовался. — И об этом вы намеревались переговорить со мной?

— Изобретательное человечество еще не выдумало столь жестоких слов. Посему я вынужден использовать предложения.

— Ох-ох! — в словах адмирала не чувствовалось волнения. — Весьма неприятная перспектива.

— Так есть и так будет. — Хуан блеснул превосходными белыми зубами сквозь слой грязи, оставленный на его лице Тибром. — Я бы предпочел убить вас, но, поскольку не имею на то разрешения, придется свести с ума.

— Каким же образом? — осведомился Солово. — Ваше общество теперь не более отвратительно, чем при жизни, да и место это кажется терпимым. Судя по всему, чистилище. Кстати, куда нам сворачивать на этом перекрестке?

— Какая, к черту, разница, куда вы свернете! — рыкнул герцог Хуан. — Все тоннели одинаковы и тянутся беспредельно. Здесь никого не встретишь, не увидишь ничего нового и интересного. Это чистилище предназначено для вас!

— Как-то хочется исправить свою жизнь, чтобы избежать его, — проговорил адмирал.

— О, этого вам не удастся! — возликовал герцог Хуан. — Я буду кипеть гневом, и каждую ночь вам придется ходить здесь со мной. А на утро будете просыпаться измученный и утомленный... наконец, рассудок начнет оставлять вас. А потом поживете еще малость в земном аду, сумасшедшем доме... в цепях... и благородные дамы будут хохотать над вами. А может быть, броситесь вниз с крыши собственной виллы, потеряв все силы или решив полетать, и разобьетесь всмятку о мостовую. В любом случае я скоро заставлю вас по праву разгуливать по этим коридорам.

Адмирал Солово из вежливости изобразил подобающий трепет.

— Перспектива эта бросает меня в дрожь, — признался он, и герцог Хуан ухмыльнулся, как испорченное дитя. — Однако любопытства ради хотелось бы знать: почему ваш гнев направлен против меня? Не я втыкал иглу в ваше ухо, не я сейчас узурпирую почести, предоставленные вам гордым отцом. Винават ваш брат Чезаре; теперь гонфалоньер, это он покоряет и побеждает вместо вас. Вам не кажется, что подобное внимание ко мне несколько несправедливо?

Герцог Хуан плюнул на стену тоннеля.

— От Чезаре я ничего не жду! Его поступок был вполне предсказуем и соответствовал характеру... я просто не ожидал, что он так скоро приступит к действиям. Но вы, адмирал, вы... Я потрясен! Наследник св. Петра облек вас доверием, поручил отыскать убийцу своего старшего сына... И что же вы делаете? Не думайте, что я не слежу.

Я бы назвал это самоубийством, если хотите. Какой позор — вы позволили Чезаре уйти безнаказанным!

Солово нечего было сказать, и они некоторое время брели в молчании, наугад выбирая путь. В доиндустриальном XV веке адмирал никогда не знал столь глубокого *покоя* и начинал уже наслаждаться им. И вдруг вспомнил, что на утро ему назначена аудиенция у папы, а потому следует отдохнуть.

— Герцог Хуан, — проговорил он извиняющимся тоном. — Я без особой охоты упоминаю об этом, но, мне кажется, вы кое-чего не учили.

— Итак, остаток ночи вы спали спокойно? — спросил равви Мегиллах.

— Как и все ночи с тех пор, — подтвердил адмирал. — Хотя, по совести, я не имею на это никакого права, но сплю по-прежнему сном праведника.

— Судя по вашим словам, — заметил равви, — может показаться, что у его святейшества имелись основания быть благодарным Чезаре. Борджа нужно было, чтобы кто-то избавил их род от глупца.

Адмирал Солово согласился.

— Меня так и подмывает сказать, что в глазах Чезаре это выглядит именно так. Если бы герцог Хуан был получше, с точки зрения Борджа, я вполне могу предположить, что Чезаре просто отступил бы в сторонку.

— Герцог Хуан *был* в высшей степени безрас-

судным молодым человеком, не так ли? — осведомился равви Мегиллах.

— В самом деле, — ответил Солово. — И это было по-своему неплохо. В его безрассудстве скрывалось мое спасение, если вы позволите мне так выразиться. Как я указывал ему, неразумно требовать невыполнимого от нас, остающихся в этом мире... искать справедливости там, где ее не знают, требовать более высокой нравственности, чем практиковал при жизни он сам. Хуже того, это было греховно и могло только продлить его томление в чистилище. Как и столь сильный гнев, обрушившийся на меня, и желание мести — из-за могилы. Он стоял перед бесконечной дилеммой: либо отказаться от своих поисков того, что он называл «честной игрой», либо скитаться целую вечность, так и не очистив себя до конца от греха и не заслужив избавления.

— Судя по вашему ночному блаженству, — заметил равви, — можно предположить, что герцог выбрал путь мудрости.

— Похоже, — кивнул Солово. — Кстати, о путях: я благородно предложил ему идти вверх, а не вниз. «Быть может, спускаться всегда и легче, — заметил я, — но что толку, если попадешь не туда, хотя и легким путем?» Он много скулил и оплакивал путь, который ему придется пройти заново.

Равви Мегиллах присвистнул.

— Такова теперь молодежь, — осудил он. — Делаешь для них все возможное, а они не испытывают и капли благодарности.

— Вы правы, — просто ответил адмирал. — Но справедливости нет, так ведь?

Год 1498

*Я предлагаю гостеприимство тому,
кто хочет сделать из Нотр-Дам мечеть.*

— Они считают, что вы сделали хорошо, — сказал Фра Бартоломео делла Порта*, глядя над краем рисовальной доски. — Мне кажется, они весьма надеются на вас.

Адмирал Солово, раздраженный столь долгим стоянием, не был склонен выслушивать комплименты.

— Я в первую очередь думал о том, чтобы уцелеть, — ответил он, — а не о карьере Чезаре Борджа, что бы там ни предопределили ему Феме.

— Не уверен в его перспективах, — отозвался делла Порта, продолжая яростно делать набросок. — Поговаривают, что он просто временный протезе, от которого потом отделаются. Утверждают, что им больше по нраву этот флорентинец Макиавелли; вдохновленный Чезаре, он собрался написать книгу. Но их никогда не поймешь, так ведь?

— Действительно, — вежливо согласился Солово.

— Проклятье, не вертите головой! Вечно выходит: хочешь ты их порадовать или нет, а дело непременно завершится к их удовольствию. У меня всегда так получается. Просто загоняют тебя в

* Баччо делла Порта (1472—1517) — известный флорентийский художник. В 1500 г. вступил в орден доминиканцев. Основные работы написаны в начале XVI в.

такое положение, когда их и твои интересы совпадают. Вы хотели жить, а Борджа желал избежать обвинения в убийстве, понятно? Левую руку чуточку повыше.

— Я слышал, они наголо обрили вас руками Савонаролы, — сделал выпад адмирал. — Поэтому, наверное, у вас и дергается лицо?

Делла Порта свирепо взглянул на Солово.

— Возможно, — ответил он, с излишней силой налегая на утольную палочку. — У меня не было тика, пока я не побывал в монастыре Сан-Марко, когда возбужденная толпа пыталась выдворить его оттуда. Даже сейчас не знаю, как мне удалось уцелеть.

— Благодарите судьбу, что не окончили жизнь вместе со своим господином... Его ведь повесили и сожгли, не правда ли?

— Да, то, что осталось после пыток, — согласился Фра Бартоломео, энергично дернув лицом. — Я отделался портретами ничтожеств, возглавлявших флорентийское государство. *«Нам нужно ваше знаменитое воплощение идеала в формах»*, — сказали они. — Объясните мне, адмирал, как обнаружить идеал среди кучки политиканов и свиноподобных банкиров?

Адмирал Солово изобразил — насколько это возможно для неподвижного, как столб, человека — полное непонимание.

— Быть может, — заметил он, — тем самым способом, которым вы придаете изящество и достоинство сухому старому сучку, сейчас позирующему перед вами.

— О нет! — рассмеялся Фра Бартоломео. — Вы у меня будете таким как есть. Я намереваюсь

изобразить вас в моем «Страшном суде» среди грешников, осужденных на муки⁴.

— Премного благодарен, — сухо ответил адмирал. — И за какой же грех я буду страдать?

Фра Бартоломео бесенком глянул на адмирала.

— Разве вы не можете догадаться? Это сейчас у вас мальчики и женщины, а раньше...

Адмирал Солово поглядел в окно над бесконечными крышами Рима и, выбрав момент, нанес coup de grâse*.

— И что вам теперь велят делать?

Делла Порта скривился.

— Они хотят, чтобы я стал монахом, *настоящим*, во Флоренции. Наверное, у меня настолько хорошо получается целибат**, что они решили удостоить меня им пожизненно. Похоже, мне придется пройти все до конца, быть искренним и прочее. Не слишком большая награда за все мои хлопоты с этим Савонаролой.

На лице Солово появилась утешительная улыбка.

— Быть может, ваша живопись воистину расцветёт, сделавшись единственным выходом для вашей энергии.

Делла Порта явно не был удовлетворен.

— Может, и так — заключил он неискренним тоном. — С их стороны очень тонкая идея — занять меня рисованием.

— Им вы и заняты. А теперь, прежде чем вы уйдете...

Обреченный быть монахом наконец понял.

* Смертельный удар (*франц.*).

** Обет безбрачия.

— О, так, значит, обеда не будет? А как же римское гостеприимство?

— Я не римлянин, — простодушно ответил адмирал Солово. — К тому же, учитывая монастырские перспективы, я подумал, что вы захотите самым энергичным образом использовать все свое время. Я рекомендую вам направиться к той сетке переулков, которую мы зовем Борделлетто. В случае если кошелек ваш тоще, чем можно судить по костюму, есть еще Понте-Систо возле еврейского гетто.

— Как я понимаю, *сами вы* не рекомендуете обращаться туда, — едко заметил делла Порта, поднимая свой тяжелый груз.

— Понимайте как хотите. Что у вас еще?

Художник остановился у дверей, радуясь, что адмирал предоставил ему подобную возможность.

— Да. Они хотят знать ваше мнение о «Законах», — проговорил он.

Итак, Феме дают ему понять, что знают о приобретенном им экземпляре самой знаменитой работы Плифона. Быть может, они приглядывают за его челядью — со стороны или изнутри. Этого нельзя было предотвратить, а посему оставалось только терпеть. Поэтому Солово игнорировал откровение.

Ему хотелось бы сказать, что предписания греческого философа в отношении утопии пробудили в нем некоторый пыл. Однако подобное не характерно для него, а значит, вызовет излишний интерес.

— Передайте им, что я убежден, — сказал адмирал, и Фра Бартоломео шевельнул губами,

перенося его ответ в кладовые памяти. Следует избегать сомнений.

— Кстати, еще одна вещь, адмирал. Вы слышали о турке... принце, обитающем при Папском дворе?

— Есть такой. Аламшах, сын султана Баязида Второго. Он сейчас здесь заложником, пока его папочка вместе с его святейшеством прокручивает весьма крупное дельце.

— Да, то должен быть он. Словом, Феме утверждают, что вам следует угостить его вином.

— И когда Италия будет выжжена и покорена, мы вторгаемся в Испанию, несколько лет укрепляемся там, обращаем христиан и включаем их в свои ряды. После этого одним ударом мы можем овладеть Францией. Через два года мы захватим портовые города на Ла-Манше и еще через год — Лондон. Мир и Полумесяц воцарятся от Атлантического до Индийского океана.

— Кажется, вы забыли еще несколько государств, принц, — вежливо заметил Солово.

— Да, грязной работы хватит, не сомневайтесь, — заверил его принц Аламшах, качнув щетинистой черной бородой. — Острова там и тут — всякая Мальта и Сардиния, — несколько незначительных форпостов, подобных Ирландии и Испании. Им придется подождать... благословенное правление закона Пророка не сразу придет туда. Но это их сложности.

Адмирал Солово попытался осмыслить очертания армагеддона*, набросанные перед ним, и

* Битва во время Страшного суда (библ.).

подумал, на какой стороне предпочтительнее оказаться. Верой принца можно было и восхищаться, и в равной степени осуждать ее. Против привлекательной простоты восставали некоторые произвольные ограничения.

— Мировая империя, запрещающая употребление вина, долго не протянет, как мне кажется, — проговорил Солово.

Рослый и горячий оттоман ожидал от своего нынешнего собеседника любого возражения, кроме этого.

— Вино? — несколько озадаченным тоном произнес он и смахнул воображаемое пятнышко со своих радужных шелков. — Та жидкость, которую люди здесь поглощают в таких количествах, что валяются с ног и заблевают собственную одежду? Нет, я не вижу, как его отсутствие может погубить мои планы. Мы выкорчует виноградники Европы, а их владельцев заставим заниматься честным трудом.

— Понятно, — ответил адмирал Солово, неосознанно отпивая глоток из своей чаши и гадая, суждено ли следующим поколениям столь вольно вкушать этот напиток. Стоило подумать и о другом — стоимость вина неизбежно вырастет до небес, и контрабанда сможет сделать некоторых людей богатыми...

— Я хочу только одного, — продолжал Аламшах, — чтобы мой отец сделал с этим вашим так называемым папой то, что он задумал. Мне же нужно домой, чтобы подготовиться к борьбе.

— Если можно так выразиться, вы очень целеустремленный молодой человек, — прокомментировал адмирал.

Принц принял эти слова за комплимент.

— Ислам сравнивают с мечом, — сказал он. — За простоту, блеск и пользу. Я отдаю себя на службу исламу с той же прямоотой. Вы зовете это прямолинейностью, мы — верой... Поэтому мы и победим.

— Уверю вас, — заметил Солово, — прилив подгоняет ваши корабли. Вы захватили Константинополь вскоре после моего рождения, осадили Отранто, когда я был молодым человеком, а теперь подбираетесь к Вене. Христианский мир раздирают династические распри и ереси, вы же в радостном единстве напирате на него.

— Не умолкайте, — проговорил принц, закрывая глаза и предаваясь неге в потоке добрых вестей, произносимых врагом.

— По-моему, этого достаточно. — Солово испортил благодушное настроение собеседника.

— Да, адмирал, если мне даже суждено появиться у ворот Рима во главе армии, с жизнью вас я разлучу не без скорби... в особенности потому, что рай вам не гарантирован. Почему бы вам не обратиться в ислам, тем самым избавив меня от хлопот?

Адмирал Солово умудрился выразить на лице приличествующую признательность.

— Благодарю, это весьма любезно с вашей стороны, однако мне неплохо и так.

— Ну что ж, тогда не обижайтесь, — ответил принц на манер «два плюс два равно четырем». — Вы не слепы, но предпочитаете не видеть. Говорю вам еще раз, адмирал: пришло время вымести мир новой метлой. А поскольку я ныне пользуюсь папским *гостеприимством* и лучшего занятия мне

не остается... почему бы не помечтать вслух. Не вижу в этом беды.

Адмирал улыбнулся.

— Так вы любите мечтать? — спросил он невинно.

— Люблю, — согласился принц. — Все мои лучшие пожелания порождены длительными размышлениями.

— И они-то связаны с завоеваниями и обращением неверных?

— Уж и не помню времени, когда эти видения не вставали бы предо мной, — произнес Аламшах, явно радуясь приятным воспоминаниям. — Однако благодаря сегодняшней беседе я сумел самым подробным образом уточнить свои планы. Прежде чем вы умрете, адмирал, — быть может, вам и удастся дожить до отпущенного природой срока, — вы услышите с башен своих церквей и соборов, ваших сорбонн и оксфордов более приятные звуки, чем мертвый лязг колоколов: *Хай-йа алас салах* — «Собирайтесь на молитву». *Ассалату кхаирум минан наум* — «Молитва слаще, чем сон». Я думаю, мне удастся это.

— Вы меня почти убедили, — поощрил собеседника Солово и знаком велел оказавшейся рядом прислуге подойти к нему. Похожая на мальчишку девица в красном коротком камзолчике и туго натянутых чулках приблизилась и выслушала шепотом произнесенные инструкции. Поспешно отправившись прочь, она вернулась через несколько минут, одолевая тяжесть двух пузатых запечатанных амфор.

— Прошу вас, настаиваю, чтобы вы приняли

от меня этот подарок. И вспомните по-доброму обо мне, когда настанет ваш день.

Аламшах нахмурился.

— Если эти кувшины наполнены тем, о чем я подозреваю, — отрывисто бросил он, — я бы предпочел эту девицу.

— Среди христиан, принц, хозяин не распоряжается добродетелью слуг, — торопливо ответил Солово, едва не убедив в этом себя самого. — Но я *предлагаю* вам самое лучшее из того, что произвели мои виноградники на Капри. Вам никогда не доведется попробовать такого отличного вина.

— Я не стану пробовать вина вообще! — запротестовал Аламшах — И прикажите девице уйти.

Движением пальцев адмирал Солово отослал служанку, однако кувшины она оставила.

— Адмирал, — усталым голосом перебил его Аламшах, — вы прекрасно знаете, что Коран запрещает его, к тому же...

— Знаете, принц, поскольку вы собираетесь возвысить ислам, можно не до последней точки соблюдать все его ограничения... ведь вы хотите обратить вино себе на пользу, усилить им свои умственные способности. Я, например, вполне допускаю подобную возможность... — Аламшах отвечал вялой улыбкой, словно давая понять, что ценит теплую заботу адмирала. — К тому же, — продолжил Солово, — не все из ваших братьев блюли это правило. Аль-Мотамид, поэт и последний мавританский король в Севилье, зашел настолько далеко, что открыто высмеивал в своих стихах тех, кто предпочитает воду вину. Далее я вспоминаю великого поэта Принсипе Марвана,

тоже мавра, находившего солнечный свет в рожденном лозой напитке.

— Я читал «Диван Принсипе», — признался принц Аламшах уже менее убежденным и непреклонным тоном, чем прежде. — то был еретик, адмирал.

— Выходит, — с грустью продолжил Солово, — что ваша священная книга призывает воздержаться от плодов лозы. Учитывая это, я распорядился, чтобы во втором из кувшинов находилось наилучшее римское пиво. Вы согласитесь, конечно, что оно-то по крайней мере не имеет ничего общего с запрещенным вином.

— Чистая софистика, адмирал. Наша религия запрещает людям опьянение, лишаящее их рассудка. Подобные удовольствия оставлены только для рая.

— Возможно, вы правы, принц, — проговорил Солово. — Но я предлагаю свой дар в ваших же интересах. Мне просто подумалось, что вы лишь мечтали вступить завоевателем в Париж. Но употребив всего лишь долю содержимого этих кувшинов, вы сочтете себя действительно *там*!

Неделю спустя адмиралу Солово дома подали уклончивое письмо. Исключительно ради обоснования окончательной победы ислама принц Аламшах осведомлялся, не найдется ли у адмирала еще несколько кувшинов харама.

— Как рыба! — сказал ученый из Морейского платоновского института. — Отец, султан Баязид, назначил Аламшаха губернатором Манисы, которая, как вам известно, представляет собой весьма важную

область западной Турции. Однако ответственность не изменила его взглядов. Мать принца — а она опасней медведицы, у которой болит голова, — не отводит от него глаз и казнит людей из его окружения, но Аламшах тем не менее умудряется находить выпивку. Он умрет через пару лет⁵.

— Для чего Феме, должно быть, и доставляют ему вино.

— Истинно, — согласился вертлявый грек. — Он должен пасть (быть может, от собственной трясущейся руки), чтобы не исполнились эти стихи.

Адмирал принял переданную ему записку.

— О, конечно, — ответил ученый на вопросительный взгляд Солово. — Это из Книги, в переводе, разумеется. Ваша звезда стоит высоко, вам оказывают почести.

Станным образом не волнуясь, адмирал принялся изучать два коряво написанных от руки катрена:

Беды Израиля
Придут к По, Тахо,
Тибру, Темзе
И Тускании.

Жестокая секта мусульман явится,
Скрывая оружие под одеждой.
Их предводитель возьмет Флоренцию
И дважды сожжет ее,
Посылая перед собой умных людей,
Не знающих законов.

— И это должен быть он? — спросил Солово, передавая назад стихи.

— Так мы считаем. При его энергии и пламенной вере он мог бы объединить мир под властью единого вероисповедания.

— И что же в этом плохого?

— Это будет не *наша* вера, адмирал. Мы позволили вам отыскать ахиллесову пяту принца и сразить его. Мир не увидит архисултана Аламшаха: вы вновь сработали хорошо. Более того, мы полагаем, что вы созрели для более масштабных деяний. Кстати, так считает и папа.

— Конец детства, — проговорил уэльский фемист. Он стоял на краю беседки, не отводя глаз от игравших внизу детей Солово, которые и спровоцировали эти слова. — Когда тебе показывают часть Книги, пути назад уже не остается. Этим был отмечен новый этап в вашей карьере. Вы стали «нашим» в новом и более глубоком смысле.

— Докуда мог я проследить свои собственные шаги? — спросил адмирал. — Мне открывался единственный путь вперед.

Фемист кивнул, одобряя подобную проницательность.

— Как обычно, конкурировали два суждения, — сказал он, повернувшись спиной к Солово. — Когда кончается наша вера в одного из иллюминатов, все устраивается достаточно цинично и жестоко.

— Могу себе представить, — ответил адмирал Солово. — Приходится убирать не только его или ее, но и тех, с кем они могли откровенничать, а потом еще и всех тех, с кем судачили эти.

— Да, — согласился фемист, — да. Мы терпеть не можем столь крупномасштабных и заметных мероприятий. К счастью, это бывает необходимо лишь изредка. В последний раз мы истребили целый город. Пришлось во всем обвинить мор.

— И конечно же, евреев или прокаженных, которые «вызвали» его.

Уэльсец хихикнул.

— Да. Подобные соображения всегда находят внимательных слушателей, особенно в Германии. Стоит слепить какую-нибудь чужь из гноя и паутины, приклеить к церковной скамье младенческим жиром — и буря готова. Суеверие — великий союзник.

Адмирал не мог возразить, но и одобрения от него не ждали.

— Лишь отважный или безрассудный человек, — сказал он резким голосом, — покушается на верования людей.

Фемист круто повернулся, чтобы обратиться к Солово; его бледное лицо украсила самодовольная улыбка.

— Совершенно верно! Вот потому-то мы выбрали вас, чтобы воплотить нашу волю в миф.

Год 1499

ВЕЛИКИЕ ОЖИДАНИЯ:

*я спасаю династию, вмешиваюсь
в национальную политику
и позирую для портрета.*

...За последние две недели король настолько постарел, что кажется на двадцать лет старше.

Из донесения епископа де Авала,
испанского посла в Шотландии, о ситуации в Англии, 1499 год

— Эй, каменная рожа! Ты чего тут расселся?
Адмирал Солово обратил ледяной взгляд к пышноволосому грузчику.

— Держись, приятель, может, еще ничего и не случится, — сказал другой.

Для Солово «ничего» уже произошло. Его отправили на дикий Север, лишив солнца, книг и удобств, в компанию варваров, кроме скверных зубов наделенных не менее отвратительными манерами. Это самое «ничего» воплощалось в двуногом чурбане, решившем потешиться над ним... личности, готовой вот-вот пустить в ход стилет.

— Эй, Солово! — завопил чуть более культурный голос, разрывая молчание.

Адмирал обернулся и заметил, что его окликают с дальнего конца причала из небольшой группы всадников. Истинно он ненавидел только одно — когда его во всеуслышание называют по имени... прискорбное нарушение секретности, способное

просто воспламенить кончики нервных волокон. Неудачное путешествие и заканчивалось скверно.

Предводитель всадников, краснолицый вояка, подъехал на расстояние, подобающее вежливой беседе, и только теперь потрудился смахнуть странного вида беловатую пену с лопатой разросшейся бороды.

— Солово? — рывкнул он снова. — из Рима? Это вы? — Латынь его была не изысканнее манер.

— Перед вами, — спокойно ответил адмирал.

— Простите, мы опоздали. Долго ли пришлось ждать?

— Несколько часов, не больше трех-четырех. Получил возможность изучить замок Певенси и окружающие лачуги. И дождь, можно сказать, освежает.

Вояка кивал рассеянно.

— Значит, пришлось сидеть на вещах, так? — он указал на матросский сундучок Солово. — И любоваться старой Англией... Понимаете, вышла на дороге задержка.

— Во всем виновато английское пиво... добрый напиток, не устоишь, — проговорил второй, с виду знатный всадник, столь же чуждый этим краям, сколь явно остальные были чистыми англичанами. — Пришлось остановиться и попробовать всласть.

Старый солдат одарил своего тучного спутника мрачным взглядом.

— Ну что ж... ладно, — сказал он. — Это де Пуэбла, он у нас испанский посол; что до меня, то я — Добени... Джайлс... барон. Остальные — свита. В каком вы состоянии?

— В приличном, — ответил Солово. — Почему вы спрашиваете?

— Готовы ли вы в дорогу? Насколько я знаю, мы платим вам за каждый час?

— Немногое доставит мне большее удовольствие, чем немедленный отъезд отсюда, милорд.

— Мы привели коня, садитесь в седло и прощайтесь с гаванью Певенси.

Адмирал Солово вскочил в седло, заработав первые очки в глазах англичанина легкостью движений. Бросив прощальный взгляд на промоченные дождем маленькие дома и превращающийся в руины замок, адмирал, пожившись, пробормотал:

— Боже, только б не увидеть этого места снова по сию сторону могилы!

Однако сверху, со спины боевого коня, Солово заново увидел окрестности, болотистые скорбные равнины, и вдруг английская гражданская архитектура приобрела для него новую притягательность.

— А как насчет моего сундучка? — отрывисто выговорил он, опасаясь, что перемена в мнении будет заметна.

— О, его пошлют следом, я думаю, — беззаботно ответил Добени. — Портовые ремесленники позаботятся о нем.

Солово с сомнением поглядел на сборище грузчиков и с ценным для стойка духовным усилием приказал себе распротиться со своими пожитками.

— Лучше скачи вперед, римлянин, — Добени наклонился поближе. — Времени у нас в обрез.

— В самом деле, — согласился испанский

посол, скорбно качнув головой. — Король Генрих не может позволить себе потерять еще одно войско.

*Малышкой дьвище, что пляшет... фунтовъ
12/0 шиллинговъ/0 пенсовъ.*

Из личных расходных книг
Генриха VII, короля Англии

— Целая проклятая армия, парень, — сказал король, обращаясь к Солово, — исчезла с лица земли, вот так! Клянусь моей ногой св. Георгия, подобное не может продолжаться!

Адмирал слышал об этом предмете, самом ценном среди всей собственности короля, а потому отнесся к клятве с подобающей серьезностью.

— Гм! — кашлянул де Пуэбла. — Ваше величество...

Король Генрих VII и адмирал Солово вновь обратили свое внимание на плясавшую перед ними малышку. Зброшенная после начала серьезного разговора, она остановилась и была готова пустить слезу. Легкий на подъем Генрих тут же доказал, что умеет при желании отвлекаться от дел, и, пройдя вдоль стола, наградил плясунью кроной, как подобает благородному человеку.

— Ну-ну, — прошипел он, нагибаясь к девочке. — Не обращай внимания на глупых взрослых и их дела. Отменная была пляска, так, ребята?

В неровном хоре придворных и аристократов слилось «о да» и «абсолютно».

— Ну а теперь ступай к мамусе, — распорядился король Англии, — раз уж мы такие занятые

и глупые. Видишь, какой блестящий фартинг я тебе даю.

Трехлетка, воспрянув духом после треволнений, приняла подарок с улыбкой и направилась к выходу, как ее учили, не поворачиваясь лицом к королю.

— Забавно, — сказал Генрих адмиралу Солово, вернувшись на свое место другим путем, более длинным, однако менее угрожающим королевскому достоинству. — Лишняя казнь меня не волнует, но если в этом нет особой необходимости, я не люблю причинять боль людям.

— Действительно, — вежливо согласился Солово, полагая, что королям позволены некоторые причуды.

— А вот карман — место болезненное, парень! — продолжил Генрих с неподдельным чувством. — Налоги, сборы, пошлины, особенно когда они исчезают вместе со сборщиками.

— А теперь еще целая армия, — добавил адмирал.

— О да. *Губительная* потеря: вперед оплаченные наемники, германские ландскнехты, венецианские стратиоты, английские лучники, и все с моим — ладно, с их — авансом в мерзких маленьких кошельках. Кони, пушки, шелковые знамена... И все исчезло! Это не честно, говорю я тебе.

Адмирал Солово тайком приглядывался к камзолу Генриха, расшитому драгоценностями, и решил наконец, что времена, должно быть, не так уж плохи. Большее впечатление на него произвела бдительность короля, не пропустившего и взгляда.

— О да, — проговорил он, погладив броши и эмблемы на груди. — Здесь хватит на случай необходимости. Однако я рисковал своей головой за эту страну, и если мне хочется, чтобы персона моя искрилась самоцветами, почему же нельзя поразвлечься? Я заслужил это!

В части царственных нарядов Солово скорее склонялся к простоте черных одеяний драчливых Борджа, однако он давно познал бесконечное разнообразие человеческой природы, а потому улыбнулся и согласно кивнул.

Тем временем, выстрелив в цель, Генрих вновь завел прежнюю песню.

— Я — добрый король, — он откинулся назад, прищуренными глазами разглядывая виднеющийся в окне Тауэр, — такой сейчас и нужен этой стране. Гражданская война слишком затянулась. Конечно, неплохо пустить дурацкую кровь, но когда войны слишком много, она порождает бедность и прочие пакости. Англичане нуждаются в мире и процветании, и я — тот, кто успокоит их. Верно, что я кельт, только я *сушеный* кельт, а это большая разница. Жизнь выжала из меня всякую ерунду. Значит, я могу сойти за англичанина — издали — и буду вполне терпим в их глазах: эти сукины дети — чистые сухари, адмирал, только не разглашайте мои слова.

Солово не назвал бы сухим народ, с которым столкнулся по дороге из гавани Певенси до стен лондонского Тауэра, — веселый, жестокий, готовый пустить в ход дубинку. На его привередливый вкус вся здешняя культура нуждалась по крайней

мере в пятистах годах развития и страданий, прежде чем можно будет судить о ней здраво и корректно.

— Учти, — настаивал Генрих, — от лучников и прагматиков-купцов ничего лучшего ждать не приходится, однако малую толику драгоценного дохода можно выжать из королевства поэтов. Нет, кроме Англии я ничего не хотел и ее-то получил.

— Древние пророчества, ваше величество, — заметил находившийся рядом де Пуэбла. — Все было predetermined Господом.

Генрих отвечал безапелляционно:

— Мне, парень, так не казалось, когда палка с тряпкой клонилась вниз при Босворте, — мрачно буркнул он, — и этот длинный сукин сын, Ричард, прорубался все ближе и ближе. «The Armes Prydain»* звучал жидковато. Скажу тебе, нас тогда было немного!

— В стихотворной кельтской версии, адмирал, — для пользы дела напомнил де Пуэбла, — предсказывается, что союз рассеянных кельтских племен поразит врага-саксонца.

— *«Воины прогонят иноземцев до Дарема... — процитировал Генрих. — Англичанам не будет возврата... Встанет Уэльс в могучем единстве... Народ английский перестанет зваться воинственным...»* и так далее и так далее. Просто-напросто бардские штуковины, если спросите мое мнение. Короче, как насчет короля Артура?..

* Воинский клич (Prydain ≡ Британия); также имя мифического предка бриттов Придейна.

— Ах да, — вмешался капитан Солово, ограничившийся беглым (на один день) знакомством с современной литературой. — Ваш потерянный король и его священная гребля*...

— Вы это про Грааль? — спросил Генрих, лишь на мгновение смутившись. — Конечно, я *использую* все это, как вы понимаете. Своего первенца я назвал Артуром, чтобы заручиться поддержкой кимбров. Но не думайте, что я в это верю — в эти рассказы или в «*Prudain*». Это все для пехоты — насчет национального самосознания.

Адмирал выразил одобрение. В словах короля слышался приятный цинизм.

— То есть вы будете слышать это по пять раз на дню, — продолжал Генрих, — от кимбров и корнуоллской знати, сумевшей пробиться ко двору на гребне моих побед. И все потому, что кузен их мамочки изволил поднять за меня клинок — или изволил бы, не будь в тот день так дождливо. Ах! У меня не хватает на них времени, адмирал, а они всегда гладят против шерсти. К тому же я знаю англичан — они либо честолюбивы, либо медлительны, но если этим идиотам удастся их раздражить, они проснутся! Их в шесть раз больше, чем нас, даже если считать вместе всех мужчин кельтской породы... и кто же слышал об этом? Однажды всем нам непременно перережут глотки. Но я-то скоро их всех разочарую, как и уэльских хвастунов... подождите и увидите.

Адмирал Солово понимающе улыбнулся.

* Адмирал хотел сказать «Грааль».

Король Генрих на одобрение ответил оценивающим взглядом.

— Пойдемте, — сказал он наконец, словно бы разрешив какое-то внутреннее противоречие. — Я объясню вам, в чем, *собственно*, состоит все дело.

Адмирал позволил, чтобы его отвели к ближайшему окну.

— Вот! — торжествующе проговорил Генрих, показывая на суету во дворе. — Лондонский Тауэр! Звучит, не правда ли? Эти слова приличествуют советам могучих и знатных. Чего не скажешь, например, о Тауэре Лландаффа или Тауэре Бангора.

— Не скажешь, — не думая, согласился Солово, занятый мыслями о жене и о том, куда она могла упорхнуть.

— Это прямо как в яблочко, адмирал, — пояснил Генрих. — В самый центр мишени, куда хочет попасть любой мужчина... Отсюда все начинается — сила и власть. И при нормальном ходе событий можно разбираться с тем, что происходит во внешних кругах мишени, как и когда угодно. Но что же я обнаруживаю? Я вижу, что кто-то или что-то растягивает эти зоны, растаскивая по частям мое суверенное королевство, загоняя меня назад, в самый центр его. Вот почему я запросил вас у вашего хозяина и — могу добавить — заплатил его святейшеству полновесным пенни за это право.

— Ну я-то не получу ни гроша из этой суммы, уверяю вас, ваше величество, — проговорил Солово, опасаясь встретиться здесь с той же скаредностью, что и при дворе папы Борджа.

— Без сомнения, чтобы еще больше унижить

вас, — ответил Генрих, внимательно приглядывая за погрузкой сена в телегу на предмет расточительности. — И все же вы надеетесь, что я дисконтирую счет, будучи лояльным сыном церкви и так далее.

— Не знаю, ваше высочество, — отозвался адмирал Солово. — Я не знаком с миром коммерции.

Генрих поглядел на адмирала как на больного.

— О, мне действительно весьма жаль слышать подобное, — произнес он и, тот час забыв про сочувствие, перешел прямо к делу: — Разберитесь, прошу вас, адмирал. Поезжайте утром и расставьте все по местам. Что я получил, то храню — такая вот игра, а что храню, надеюсь в целостности передать обоим своим сыновьям.

Солово кивнул.

— Симпатичные молодые люди.

— Что вы имеете в виду? — словно ножом отрезал Генрих, вдруг сделавшийся подозрительным. — Откуда вам знать? Артур, принц Уэльский, находится в своем дворе в Марче, юный Генри тоже с ним.

— Тогда кто эти два золотоволосых юнца внизу, которые все улыбаются нам. Они, безусловно, знают вас, а подобную фамильярность я бы ожидал только от принцев...

На самом деле на лицах молодых людей Солово усматривал скорее победную насмешку, чтошний раз доказывало их тесное родство с королем.

Генрих повернулся было, чтобы посмотреть в указанную сторону, но вовремя сдержал себя. Его рука в кольцах прикрыла пораженные ужасом глаза.

— Отойдите от окна, адмирал, — сказал он с болью в голосе. — И отправляйтесь нынче же ночью, не ждите утра, понятно? Ночью! И приведите все в божеский вид... приведите, будьте хорошим мальчиком... Пожалуйста.

— Вам и не следовало знать, — ответил Добени. — Его величество не поощряет обсуждения... этого предмета.

— Хотя, конечно, — деликатно заметил де Пуэбла, — ему нечего и сказать по... этому поводу.

«Два принца», усмотренные Солово там, где не должно было оказаться ни одного, вызвали неподобающую шумиху. Как он понял, причиной ее были прежние юные претенденты на трон, встретившие преждевременную кончину — будничное и заурядное событие в дворцовой жизни его родных краев. Здесь же сия тонкая материя предоставляла плац-парад для марша разных там угрызений совести. Вину успешно приписали покойному королю, и вновь поднимать вопрос считалось дурным тоном. Солово немедленно понял намек и принялся жаловаться на скверное зрение, заходящее солнце и так далее. Никто ему, естественно, не поверил, однако жест был принят с королевским достоинством.

— Вот на этом мы их и переломили, — сказал Добени. — Что еще вам угодно знать?

— Не представляю, — с жестокой откровенностью проговорил адмирал. — Я жду вдохновения.

— Придется тогда подождать, мон-свиньер, — неразборчиво буркнул барон, потянувшись в рас-

сеянности к седельному выюку за верной фляжкой огненной воды.

Встав в полный рост на стремянах, Солово обозревал поле битвы. Поскольку большей частью кельты волей-неволей просачивались сквозь пальцы короля Генриха, ему показалось разумным посетить сцену недавнего поединка. Всего два года назад Генрих невозмутимо перебил здесь армию восставших корнуоллцев. Сегодня же поле Блэкхита в Кенте, пожалуй, не могло преподать любопытному ничего, кроме древней истины — всякий мятеж безумен.

— Вот тут на мосту было жарковато, — указал Добени трясущейся перчаткой. — Кое-кто из моих ребят прямо на месте превратился в подушечку для иглоков. Учти, в конце концов, насколько я помню, горячее было дело.

— У них не было панцирей, пушек, кавалерии, — вставил де Пуэбла с видом знатока. — Мне говорили, что жать пшеницу было бы потруднее.

Это замечание, с точки зрения адмирала, было жутко неуместным. В Италии его юных дней, до мрачного вторжения французов, десятки тысяч хорошо оплачиваемых наемников могли сражаться весь долгий день, отделавшись горсткой убитых с обеих сторон. Разногласия тем не менее улаживались, но с гораздо меньшими потерями.

— Это и есть тот «Корншир», который столь часто отпадает от державы короля Генриха? — спросил он.

Де Пуэбла кивнул.

— Вместе с Поуисом, Элметом и Камбрией и прочими давно опочившими областями.

— Такими, о которых мы и не слыхали, — расхохотался Добени. — Армию мы потеряли в Норфолке... возле какого-то Вурдалачья, как нам стало известно. Оттуда еще не вернулось ни одного мужика, и никто не придет; я не удивлюсь, если уже всех сожрали!

— Я никогда не слышал, чтобы у кельтов была склонность к каннибализму, — сказал де Пуэбла, явно перевероротив в голове внушительный объем информации. — Некогда у них был культ отрубленной головы, это так, но...

— Да заткнись ты, сутенер иберийский! — рявкнул Добени, и де Пуэбла послушно умолк.

— Похоже, что клочки этого места, — обратился барон к Солово, до предела напрягая свое терпение, — то и дело исчезают и выныривают из глубин нашей кровавой истории. Посылая разъездного судью или сборщика налогов, никогда не знаешь заранее, не нарвется ли он на «Свободный Кернов» или «Восставший Элмет». Тогда наши люди либо исчезают, чтобы никогда не обнаружиться, — у местных гораздо больше уверенности, чем им положено, — либо получают в спину стрелу в ярд длиной с шипастым наконечником. — Он умолк, чтобы сделать еще один бодрящий глоток. — *А потом*, сразу же, иногда буквально через несколько часов, все уже тихо и спокойно; мирные обитатели не понимают, какую дьявольщину ты у них выпытываешь, пользуясь раскаленным железом или нет. И ты не имеешь право немедленно наказывать невинных (то есть можно, конечно, но

его величество запрещает), иначе готово восстание и без веской причины.

— Как интересно, — рассудил Солово, думая о том, что примерным равенством обоих позиций все поля битв напоминают друг друга.

— В самом деле, — согласился де Пуэбла, подпрыгивая в седле своей выючной лошади с явным интеллектуальным волнением. — Если бы не срочность нашей проблемы и не требования максимальной секретности, как хотелось бы мне взглянуть на иные миры!

Тут в первый и последний раз адмирал Солово и Добени переглянулись, и их ледяные взгляды приморозили язык де Пуэбла к небу. Солово мог простить испанцу его энтузиазм и буржуазное происхождение: докторские степени по гражданскому и общему праву требовали уважения (и осторожности). Даже запаздывание жалованья из Испании и, как следствие, обнищание могли вызвать симпатию. Все знали, что в Лондоне де Пуэбла вынужден обходиться постоянным двором, а время его визитов ко двору определялось простым желанием поест.

Всего этого было достаточно, чтобы король Генрих, будучи сухим человеком, привязался к невысокому испанцу — на деле их связывала неподдельная дружба... по королевским меркам. Но это не относилось к адмиралу Солово или Добени. Для барона де Пуэбла оставался иноземцем... хватит и этого. Адмирал же при всех своих стоических принципах не принимал обращения испанца в христианство. Если уж тебе дарована привилегия родиться среди иудеев, знай: жизнь

будет трудной, терпи и не отходи от орудий. Гуманистические идеи — последний крик моды в определенных кругах в те времена (и потом) — не играли значительной роли в жизни адмирала.

— Ну как? — осведомился Добени со скукой в голосе. — Не на что смотреть, так ведь? Всех мертвяков и отрубленные куски давно собрали, а местные работяги стащили все что могли. Что-нибудь выяснили?

— Нет, — ответил Солово без интонации.

— Вот если бы вы видели битву, — насмешничал барон.

— К несчастью, я был занят другими делами, — проговорил адмирал, отдаваясь свободной беседе. — В тот день был убит Хуан Борджа, герцог Гандийский.

— Не брат ли Чезаре? — прошептал де Пуэбла, словно бы «чудовище Романьи» мог их подслушать.

— Он самый. Отец их обоих, его святейшество папа Александр, потребовал, чтобы я расследовал обстоятельства убийства, и посему...

— Да-да-да, — перебил его Добени, одновременно долгим глотком приложившийся к фляжке. — Я прекрасно понимаю, почему вы не могли почтить мою битву своим присутствием. И я бы хотел, чтобы вы свели свое многословие к минимуму... в особенности в отношении принцев.

— Прошу прощения, — ответил Солово самым неискренним образом.

— Поймите, нам нечего прятать, — добавил Добени, оказавшийся в состоянии более чем легкого головокружения. — Просто мы не хотим,

чтобы дурной глаз мог упасть на два главных самоцвета в нашей короне.

— Ах да, это вы про Артура и Генри, — улыбнулся де Пуэбла, благородно помогая барону выбраться из сыпучего песка, в который он угодил по своей оплошности. Понимая это сам, Добени притих. — Две превосходные перспективы для всей английской нации: есть на кого поглядеть и пожелать долгой жизни. Больно даже думать, что им может быть причинен какой-то ущерб.

— Бесспорно, — сказал Солово со всей серьезностью.

— Они-то шумят возле одного, — загорланил Добени, — возле принца Уэльского, лорда Марча*. Завел себе свой маленький двор и еще имя дали, чтобы все бритты притихли в ожидании. А вот спросите *меня*... так я скажу; в его руке скорее сыщешь книгу, чем меч. Или что-нибудь округлое и более интересное.

— Это вы про конский круп, без сомнения, — прокомментировал де Пуэбла.

— Именно! — расхохотался барон. — Высокий и серьезный, вон он какой. Рыцарство ему нравится... ха! А мне по вкусу принц Генри. Настоящий маленький англичанин: щеки розовые, крепкий парнишка, и никаких тебе в голове кельтов. Он их ненавидит.

Добени с грустью установил, что фляжка его опустела, и, как велось среди грубой, как угленосы, знати этой земли, Солово уже успел отметить эту

* Область, пограничная между Англией и Уэльсом.

природную способность — трезвость возвратилась к барону с первым же словом.

— Конечно, все в руках Господних. А мы увидим то, что должны увидеть.

И увидев, как только они повернули, Лондон в каком-то необычайно преобразившемся облике, они застыли на месте.

— Ни хрена себе, — вполне спокойно проговорил Добени, — я туда не поеду. Где наш Лондон?

Де Пуэбла не отвечал, целиком отдавшись фиксации зрелища в памяти, чтобы утешаться им в печальной старости, до которой он рассчитывал дожить.

— Лондон по-прежнему там, — промолвил Солово, махнув черной перчаткой в сторону преображенной метрополии, — но существующий уже не под этим именем, как я подозреваю. Как ваше мнение, посол?

Де Пуэбла закачал головой из стороны в сторону — очаровательная смесь иберийского и еврейского жестов.

— Я не говорю на британских языках, адмирал. Должно быть, это Лондрес? Или, может, Лондиний?

Солово отметил, что сэр Джайлс Добени потерял дар речи (однако бедняга только что потерял свой стольный град), и повернулся к нему с улыбкой на устах. — Действительно, какое-то иностранное словцо, — согласился он с де Пуэбла.

— Такое не могло долго продолжаться, — проговорил де Пуэбла, когда они бежали мелкой рысью. — Но я в высшей степени рад, что видел это.

— Говори за себя самого, гишпанец! — буркнул Добени. — Я люблю, когда отрубленные мной головы находятся на должном месте — на земле после битвы или украшают пики по приказу короля... но чтоб болтаться на цепях вдоль всей городской стены, прикрытые колоколами! Ничего себе радушный видок, а?

— Я бы сказал, поучительный, — предложил адмирал Солово, с кротостью принимая предложенную интонацию.

— Это уж точно, — ответил Добени с горьким смешком. — Подобно всем идолам и символам — изгибы да завитушки, — ни одной тебе прямой линии и простого рисунка... меня едва не стошнило. Короче, сказано предельно ясно: *Саксонцам вход воспрещен!* Хвала Господу, что этот видок рассеялся!

— Именно так, — согласился Солово (хотя его безразличие не имело границ). — И никто из тех, кого мы расспрашивали по пути, не заметил собственного быстрого превращения. Следует лишь удивляться, какая причуда судьбы позволила нам увидеть то, что могло быть...

— Гм, гм! — отрезал барон.

— Или только еще *может случиться*, — невозмутимо продолжил адмирал.

— Довольно! — Добени рубанул воздух металлической рукавицей. — Этого не будет... даже не думайте. Вы слышали слова его величества: *Разберитесь там*. Ну вот и разбирайтесь. За этим мы здесь и оказались, так ведь? Иначе разве я позволил бы таскать меня по этим Богом забытым задворкам?

— Действительно, зачем? — вежливо ответил Солово. — Не спорю, Корншир — место непозволительно мрачное и пустынное... Зачем, интересно, люди стремятся жить среди подобных крайностей, допущенных природой?

— Привычка, должно быть? — предложил де Пуэбла, старавшийся держаться любезно.

— Есть такая сила, — согласился адмирал. — И я приношу вам обоим свои извинения за то, что увлек вас к самым пределам мира. Просто я каким-то образом ощущаю, что мы преследуем шаловливый мираж уже у его логова!

— Хорошо! — вздохнул Добени. — Убивайте его — и готово!

— Если бы это было так просто, — пробормотал Солово, воспитанный в традициях более древней культуры, полагавшей убийство только началом политики.

Маленький отряд, высланный с самым курьезным из поручений, должен был торопиться. Каждый день приносил новую депешу от короля Генриха, подгонявшего их известиями о новых бесчинствах. Север терзали налетчики; в Свободном Суррее (*Libertas Suth-rege*, если угодно!), где у его величества были поместья, обнаружилась наглая прокламация. Кельтская фантазия и изобретательность Генриха быстро истощались теми объяснениями, которые ему приходилось стряпать. В письмах попадались грязные намеки относительно стоимости услуг Солово и полновестности королевских сундуков.

Но адмирал не торопился.

— У нас нет времени на спешку, — не без важности объяснял он в ответном письме королю,

тем самым испортив пир и послужив причиной королевской головной боли. К существенному, хотя и не высказанному недовольству Генриха, Солово методически выписывал зигзаги, следуя за своей мыслью по переменной карте варварской Англии: предавался раздумьям в Сент-Олбансе, рассматривая пустырь там, где должен был находиться Уинчестер, видел возрождение обоих думнонитов* перед воротами Сайренсестера. Каждый раз он со своим отрядом, включая эскорт солдат, появлялся на миг позже, чтобы самим испытать этот «сдвиг». Однако от столь тонкого ума, каким был одарен адмирал, трудно было скрыть, что каждая новая встреча происходит все ближе и ближе и что шаг за шагом они неотвратно устремляются на запад. Способный понимать даже пауков, он узнавал паутину с первого взгляда.

Кельтский край, Корнуолл, казался неплохим местом, в достаточной мере удаленным от центра, с которого нужно было сорвать паутину и поглядеть, что из-под нее тянулось к добыче. По чисто эстетическим соображениям адмиралу приходилось соглашаться со своими спутниками, но у него были некоторые идеи.

— Ну, возьмем, например, этот остров, — проговорил Добени, указывая на гору Святого Майкла за проливом. — На что он годен? На этой земле ничего хорошего не растет, а укрепления устарели лет на пятьдесят — даже для Шотландии! (Последнее слово вышло с особенным ядом.) И

* Обитателей преисподней (валлийск.); *думно* («нижний мир») аналогично русскому *дно*.

как в... как звалось местечко, через которое мы проехали?

— Лудгван, — заторопился де Пуэбла, опасаясь порожденных бренди вспышек раздражительности барона.

— И как в... этой деревне, если ее можно удостоить подобного титула, — пробулькал Добени. — Короче говоря, мне приходилось рушить куда лучшие дома, чем у них. Нечего удивляться, что в девяносто седьмом бедолаги полезли в Англию... чтобы хоть посмотреть, как люди живут. И еще...

Дуновение бриза с залива теребило модную стрижку — под горшок — адмирала, он же тем временем выключил голосовые частоты, чтобы расслышать более тонкий шепот — как внутри себя, так и снаружи.

На ныне затонувшей дороге к горе отчетливо виднелись два молодых принца — более вещественные, хотя и не по-земному спокойные... как никогда прежде. На таком расстоянии могли ошибиться даже обученные морем глаза Солово, но он не сомневался: они улыбались ему, как и раньше. Вода омывала их ноги не так, как ей это положено, ветер не шевелил золотых кудрей. Простое дополнение к пейзажу ради удобства адмирала — они глядели на его словно из спичек составленную фигурку, и он отвечал им таким же взглядом.

— Вы что-то увидели, адмирал? — осведомился де Пуэбла, внимательный, как кот, под покровом нарочитой неуклюжести.

— Ничего, кроме того, что постоянно сопровождало меня в этом путешествии, посол. — Ответ оказался не очень полезным. Однако внезапное

озарение — как будто тучи разошлись в грозовой день — посетило Солово; откровение заставило его улыбнуться.

Когда адмирал вновь взглянул на гору, крепость на ней уже не казалась ветхой и устарелой. Набитые пушками этажи поднимались к небу над откосами самых новейших бастионов в нидерландско-итальянском стиле.

Даже Добени мог видеть, что место это — не предмет для насмешки, как и черно-белый флаг Святого Пирана. Лишь ухмылки на лицах принцев, остававшихся на затонувшей дороге, не изменились... впрочем, опытный взгляд Солово находил, что они сделались чуточку шире.

По решению адмирала они обратились в церковь Лудгвана, и их приветствовали в «Свободном Кернове» на сомнительном английском. Когда священник по имени Борласе конфиденциально осведомился о делах, которые привели к нему иностранцев, Солово без малейшего смущения заколол его стилетом в дверях алтаря.

— Но я должен был проверить справедливость своей теории, — протестовал адмирал, выслушивая шокированных спутников.

— Сами же попросили меня произвести расследование, — проговорил адмирал, — и *разобраться*, а потом осуждают мои методы!

— Согласен, — выразил сочувствие его соотечественник. — Этих англичан никогда не поймешь. Сами-то грубые, как похотливый турок, и вдруг еще начинают ни с того ни с сего возмущаться тобой.

— Именно, — ответил Солово, испытывая пробуждение теплого чувства к молодому человеку и радуясь подобной встрече, — а их юмор...

— Не выше сортира, — кивнул молодой человек. — Да, я вляпался в это дело — и они веселятся, — *вляпался*, понимаете?

Адмирал Солово посетил Вестминстерское аббатство, чтобы послушать мессу и вознести молитву о скорейшем возвращении домой. Между тем возле двери взгляд его остановила легкая фигура с альбомом и угольной палочкой. Явное изящество и вкус в одежде свидетельствовали, что перед адмиралом не туземец, а, как оказалось, флорентиец; но адмирал готов был простить новому знакомому его происхождение ради цивилизованного разговора... и возможной выгоды.

— Ваши наброски выдают немалый талант, — начал Солово. — Мастер?..

— Торриджано... Пьетро Торриджано*. После столь долгой учебы иначе быть не могло.

Адмирал оглядел художника с ног до головы, однако не получил удовлетворительного ответа на возникшие вопросы.

— Ваш стиль свидетельствует о школе, — согласился он, — но остаточные признаки незнатного происхождения говорят о недостатке средств на подобную роскошь.

Торриджано сухо улыбнулся.

* Первый итальянский скульптор (1470—1548), работавший в Англии. В результате ссоры сломал переносицу Микеланджело. Гробницы короля Генриха VI и его семьи в Вестминстерском аббатстве считаются его высшим достижением.

— Всем, чем я обязан не Богу, я в долгу перед Медичи, — произнес он и, завершив вторую часть признания, сплюнул на каменный пол. Прохожий певчий одарил их свирепым взглядом, однако предпочел воздержаться от упреков. Проклятые чужеземцы и без того сами себя погубят.

— Герцог Лоренцо, прозванный Великолепным, — продолжал Торриджано, не переставая торопливо набрасывать рисунок, — избавил меня от участи крестьянина и отдал учиться ваянию. Нас обучил Бертольдо — вы его знаете, — ученик самого Донателло!*

— Впечатляет, — отозвался Солово, на деле воспитавший в себе безразличие ко всем связанным с искусством материям.

— И Лоренцо же изгнал меня из школы и Флоренции в эту скорбную ссылку. Я внес «собственные изменения» в лицо другого ученика, вместе мы не могли оставаться, поэтому Лоренцо принял решение в пользу обладавшего большим дарованием и...⁶

— Таковы обычаи князей, — промолвил Солово, пытаясь и не умея утешить. — Им всегда приходится решать трудные вопросы.

— Скорее с ними трудно жить, — ответил Торриджано с чуть меньшим тактом и уважением, чем ему следовало бы проявить к старшему и лучшему. Подобная задиристость через много лет приведет его к смерти в тюрьме испанской

* Знаменитый итальянский скульптор (1386 — 1466), представитель флорентинской школы Раннего Возрождения.

инквизиции. — Учтите, я кое-как устроился жить в этой стране. Получаю самые странные заказы.

— Ну уж не страннее этого, — заметил адмирал. — А теперь нарисуйте меня на фоне аббатства... как там его сейчас называют. Воспользуйтесь всей скоростью, пока длится эффект.

Солово уже начинал терять интерес к своей находке и, оглядываясь вокруг, думая о королях и коронах, обнаружил, что, пока они беседовали, мир преобразился.

Торриджано от изумления открыл рот, рука его тем временем яростно терзала новый лист.

— Скорбящая Матерь! — охнул он. — Где мы?

— В Лондоне, — ответил адмирал Солово, преднамеренно оставаясь предельно спокойным. — Или в каком-то его эквиваленте. Торопитесь, мастер, мы недолго пробуем здесь.

Торриджано скорбно качнул головой.

— Здесь хватит на целую жизнь, а не на короткий глоток. Это все еще церковь?

Не имея возможности обернуться, чтобы ответить должным образом, Солово пожал плечами. — Возможно, хотя о подобном исповедании христианской веры я еще не слышал.

— Горгульи, купола, — восхищался Торриджано. — Какой поток красок! Я мог бы молиться здесь.

— Но кому? — улыбнулся Солово с холодком во взгляде. — А теперь постарайтесь изобразить мой лучший...

— Отвратительно, — заявил король Генрих. — Уберите эту вещь!

От столь дикарской реакции на результат его стараний лицо Торриджано вытянулось.

— Его величество не имеет в виду правдоподобие изображения, — подбодрил художника адмирал Солово. — Я могу поручиться за это. Его расстраивает общий эффект.

— Весь этот поганый плющ и резьба, — подтвердил Генрих, — приводят меня в негодование. Кому только пришло в голову перестраивать Вестминстерское аббатство* в таком стиле!

— Несомненно, личности, не обладавшей вашим вкусом и не знавшей его, — произнес де Пуэбла в манере, явно предназначенной для утешения. За свою лесть он был вознагражден свирепым взглядом королевских очей.

— Понимаю, — согласился король. — Однако это не место, чтобы короновать в нем королей Англии.

— Сгодится, наверное, для каких-нибудь других королей, — проговорил Добени, с интересом разглядывавший картину, которую держал Торриджано⁷. Королевский взор окатил его волной недоброжелательства... даже повыше той, которой был удостоен де Пуэбла.

— Кусок щеки, не так ли? — бухнул барон, не подозревая о своей нынешней немилости. — Похоже, хотят похитить самый центр королевства... следующим будет Тауэр!

Поскольку глаза короля Генриха расширились

* Основано до VIII в. н.э. Существующее здание построено в готическом стиле при Генрихе III под значительным влиянием французской храмовой архитектуры.

и он вознамерился произнести нечто, в будущем достойное сожаления, адмирал Солово закрыл брешь своим телом.

— Именно в этом все дело, — сказал он с той бесцеремонностью, которую позволял этикет. — Процесс становится все более частым и расширяется. И чтобы доказать это, я произвел свой корнширский эксперимент, вызвавший столько неприятного шума...

— Парень, это был *священник*, — мрачно буркнул Генрих. — У нас подобные штуки не приняты. Солово отмахнулся от возражений.

— Личность этого Борласе умерла не только в его «Свободном Кернове», — продолжил адмирал неторопливо, словно бы имея перед собой лишь отмель перед истинными глубинами, — но по нашем «возвращении» он был обнаружен мертвым, получив такую же рану... таинственным образом пораженный в этом, его собственном, *реальном* мире.

— Итак? — отрезал Генрих, прикидывая, сколько золота придется швырнуть духовным владыкам, чтобы добиться от них шаткого пира.

— *Итак*, — ответил Солово, — мы имеем дело с прогрессией. «Реальный» и «спроектированный» миры начинают взаимодействовать, можно даже заподозрить, что они сливаются. До сих пор, ваше величество, вы потеряли разве что несколько сборщиков налогов...

— И армию, — добавил Добени.

— Но, — продолжал адмирал, — они затерялись среди мимолетных видений, не оставив за собой длительного эффекта. Мой же, весьма осуждаемый эксперимент доказал, что оба мира

сближаются и соединяются. Альтернативы стремятся превратиться в реальность. Короче, одна из версий вскоре одолеет.

— А если люди сохранят воспоминания о временах, предшествовавших переходу, — проговорил де Пуэбла, захваченный перспективой и рвавшийся вперед, — тогда дух независимости и бунтов расцветет столь пышным цветом, который мы еще не видели.

— И война Роз* покажется тогда поцелуем слюнявой девки, — широко расплзся в улыбке Добени.

— Да-да-да! — взревел Генрих. — Все это я понимаю... Проклятье! В особенности сейчас, когда вы намереваетесь сообщить мне, что можно еще *сделать*!

Гнев его вдруг испарился, и король поглядел на Солово скорбными глазами.

— Я-то хочу, чтобы победила *моя* версия истории, — добавил он с грустью.

— Это возможно и ныне, — уверенно ответил адмирал, делая знак Торриджано, чтобы тот разместил свою картину в стратегически важном месте перед глазами короля, — но, уверяю вас, потребуются жесткие меры.

Взор Генриха заметно прояснел.

— Ну хорошо, — сказал он, — *им* я не чужой. Надо, значит, надо. Рассказывай дальше.

Адмирал Солово поглядел на двух принцев,

* Война Алой и Белой роз (1455—1485) — феодальная борьба за английский престол между двумя линиями королевской династии Плантагенетов — Ланкастерской (в гербе — алая роза) и Йоркской (в гербе — белая роза).

невидимо для всех, кроме него, застывших позади трона короля Генриха. Они отвечали ему ангельскими улыбками.

— Тогда, проговорил он, желая свести к минимуму свое участие в грядущем решении, — позвольте мне почтительно обратить ваше внимание на два отрывка из Священного писания, а именно: Бытие, 22 и Лука, 10, 37.

Генрих казался озадаченным, но, получив новый заряд оптимизма, стремился продолжать игру.

— Действуйте, Вулси,* — обратился он к сидевшему без дела клирику, — у вас есть повод отличиться.

Напрягшись лицом, священник умственно обратился ко времени, когда он осваивал профессию.

— Первый отрывок, — сказал он непринужденно, — это повесть об Аврааме и вынужденном жертвоприношении его сына Исаака. А второй — слова нашего Господа: *«Иди, и ты поступай так же»*.

— Чтооо! — возопил Генрих, вскакивая на ноги.

— Согласен, средство весьма кардинальное, — оборонительным тоном продолжил Солово, обдумывая подходящую форму для брани с королем. — И вы не обязаны принимать мой совет.

— Я надеюсь, что это так, ад-ми-рал, — выговорил Генрих со смертельным спокойствием.

— О Боже... — охнул де Пуэбла. Полное понимание окутало его покрывалом. — О Боже...

— Опасаюсь, однако, — продолжал Солово, не

* Томас Вулси (ок. 1473—1530) — кардинал и государственный деятель, оказавший значительное влияние на Генриха VIII.

забывавший о взятом на себя поручении, — что обстоятельства... против вас. Если ничего не будет сделано, какой-нибудь гость здешних берегов обнаружит самую радикальную и постоянную перемену. Тогда, конечно, решат, что здесь произошло восстание или нечто в этом роде и не осталось никого, кто мог бы о нем рассказать. Ну а где будете в тот день находиться вы, ваше величество, и все ваши, я не могу судить.

— Быть может, нигде, — предположил все еще потрясенный де Пуэбла.

— Быть может, — кивнул адмирал. — Не реализовавшаяся версия событий... не состоявшийся вариант истории.

Генрих побледнел и нахмурился.

— И что же вызвало подобное явление? — осведомился он, проявляя вполне уместное любопытство в такой ситуации. — И какое отношение ко всему этому имеет мой мальчик?

— Такого рода события подчиняются собственным законам, — обезоруживающим голосом ответил адмирал Солово. — Но если вы заставляете меня объяснить ситуацию...

— При необходимости заставим, — буркнул Генрих самым невежливым образом.

— ... тогда я вижу здесь уродливое сочетание двух тенденций — безвредные в отдельности, они, усиливая друг друга, способны одолеть прибрежные дамы рассудка.

— Эй, говори по-латыни! — рявкнул король, его уэльский акцент вырвался на свободу.

— Во-первых, я имею в виду, — проговорил Солово, стоически проглатывая оскорбление, —

тысячелетие ожидания и упования эмоционально неуравновешенных людей, полагающихся на пророчества, сплоченных бесконечными поражениями... Ваша победа при Бос-ворте чудесным образом оживила их. Теперь же, получив подкрепление и воспламенившись выбором имени и нескончаемым продвижением вашего первенца, вековые мечты стремятся к воплощению

— Итак, во всем виноват я сам? — спросил Генрих, лицо его оставалось пугающе неподвижным.

— Да, вы явились собственной Немезидой, быть может, и не зная того, — подтвердил Солово. — Вы извлекали выгоду, поддерживая и укрепляя ту самую альтернативу, что ныне противостоит вам. Однако ничто из этого не могло бы реализоваться, если бы не второй фактор — жизненно важная дополнительная сила, которая и вызывает это жуткое нарушение нормального хода событий.

— И что это может быть? — спросил Добени, решив, что настало время оказаться полезным, и положил руку на меч.

— Как я представляю, подобное не может явиться предметом общего разговора, — произнес адмирал настолько отчетливо, насколько ему позволяла дикция. — Ограничимся тем, что я предлагаю вам поступить, как Авраам, и не надеяться на вмешательство Иеговы, тем самым устанавливая равновесие с аналогичным поступком, столь ужасным, что он разорвал ткань всей Вселенной. Через эту рану и нашла себе вход та гангрена, что сдает ваше королевство.

Молчание воцарилось в тронном зале Тауэра. Тем временем одни старались лихорадочно думать,

другие же неистово стремились этого избежать. Призрачные принцы незримо глядели на короля Генриха, столь же мрачные и уверенные в себе, как наползающий глетчер.

— Итак... если Артур уйдет... — прохрипел Генрих.

— Тогда другое деяние получит свое возмещение, — согласился Солово, — и весы правосудия изменят свое положение. Достаточно изъявить желание, но не следует торопиться. И когда все свершится, лопнет мыльный пузырь, аборигенам нечего будет надеяться на Артура Второго. А потом я бы предложил провести среди них праведное притеснение.

— Аннексию? А потом еще поприжать местных дурней? — высказал свое мнение Добени игривым тоном.

— Нечто подобное, — продолжил Солово, не проявляя каких-либо эмоций. — И тогда можно рассчитывать, что в ближайшие несколько столетий никаких неприятностей у нас не будет.

— Ну, к этому времени мы уже благополучно будем в могиле, — пояснил Добени королю, словно бы стремясь поведать об особой удаче.

И снова воцарилось тягостное молчание. Как считал адмирал, Генрих пытается решить, что именно необходимо ему больше: сын или королевство. Никто более не смел говорить. И тут Солово с восхитительным трепетом осознал, что Генрих, должно быть, видел больше убитых принцев, чем это предполагалось.

— Я-то буду в своей могиле, — наконец проговорил Генрих, отливая слова из чистого свин-

ца. — Но, увы, едва ли окончив жизнь с миром. А склепы вы строите, мистер скульптор? — спросил он у придремавшего, словно бы задумавшегося Торриджано.

— Мои инструменты способны на все, сир, — донесся невнятный ответ на павшем жертвой насилия английском. — Я учился у...

— Значит, сделаешь, — перебил его король, буравя глазами иноземца. — Я сделаю тебя богатым и знаменитым, ведь лишь этого ждут от жизни мужчины. Пусть и то и другое принесет тебе больше счастья, чем мне.

Захваченный перспективой Торриджано склонился в блаженном неведении.

Генрих едва не потерял самообладание, но оправился и продолжил.

— Я хочу чтобы гробница находилась в Вестминстерском аббатстве, которое злая судьба хочет забрать у меня, — выдавил он. — Деньги — тьфу! В них ограничений не будет. Пригляди, чтобы хватило и черного мрамора, и гранита... пусть все будет красиво — и чтоб звуки не доносились.

— Зачем же это? — спросил адмирал Солово, профессиональное любопытство которого пересилило сдержанность.

— Потому что, — ответил Генрих, — я буду жить целую вечность.

Принцы исчезли⁸.

Год 1500

Некоторые жестокосердные персоны признают мою значимость.

— При отсутствии указаний я сделал то, о чем меня и просили. В конце концов его святейшество платит мне и предоставляет крышу над головой. Это больше, чем делали для меня Феме. — Акустика подземного зала превратила голос адмирала в зловещий шепот. Публики в этот раз собралось много меньше, чем во время его посвящения. Света тоже поубавилось.

Услышав подобную неблагодарность, трибунал пришел в негодование.

— Брат Солово, — сказала председательствующая строжайшим тоном, — Священный Феме подарил тебе жизнь!

— Она была у меня и до вас, — ответил Солово. — Я полагал, что в вашей власти лишь отобрать ее.

Адмирал не желал проявлять почтительность. Он был совершенно недоволен тем, что путешествие к границам Германии пришлось предпринять едва ли не сразу после многотрудного возвращения из Англии и ледяного прощания с ее королем. Солово рассчитывал на долгое духовное отдохновение среди своих книг и стилетов... коллекции хранились и в римской, и в каприйской виллах. Более того, некая генуэзка перебралась поближе к первой из вилл, давая ему понять, что будет готова выполнить все его сексуальные фантазии в манере, из-за которой местные дамы пользовались дурной славой. Теперь

же вместо столь богатых перспектив он вновь оказался в той части света, в которой цивилизация считалась излишней прихотью. Действительно, есть о чем пожалеть.

Ну что в конце концов могут сделать ему Феме? — размышлял он. Повесить на дереве возле уединенного перекрестка? Пронзить его сердце мечом? Что ж, пусть себе тешатся, если хотят. Ему все равно не остановить их.

Тройка судей недолго пошепталась.

— Мы полагаем, что вашему явному нежеланию разговаривать с нами вежливее есть некоторое оправдание, — наконец произнесла председательница. — К сожалению, наши вестники из всех способов исполнения поручения используют лишь один.

— Свиток был приколот к моей подушке кинжалом, и паук на лице... Согласитесь, просыпаться так неприятно.

— Вам следует избавиться от ненужной чувствительности, адмирал, — вставил другой судья, бледнолицый северянин, насколько можно было видеть в тусклом свете под капюшоном. — Тогда жизнь сделается много проще.

— Начнем с того, — возразил адмирал Солово, — что при всех неудобствах пиратской работы я всегда старался культивировать в себе некоторую чувствительность.

— Ну, как хотите, — последовал ответный выпад. — Дело ваше. Я просто хотел дать совет.

— Что, к счастью, близко к истинным целям вашего пребывания здесь, адмирал, — добавил третий судья, кондотьер с холодными глазами (более типичного Солово не видел). — Мы хотим поделиться с вами своими думами.

Солово хотел было сказать, что можно просто отправить письмо, но решил, что и без того перегнул палку в своем негодовании.

— Тогда я в вашем распоряжении, — на всякий случай он глянул на закрытые двери огромного зала и охраняющие их статуи. — Разве не так?

— Именно так, — согласилась председательница трибунала, показывая, что не опасается грубых истин. — Объявляю закрытое заседание, на котором не будут присутствовать другие сестры и братья, однако можете не сомневаться — не из-за нехватки средств и возможностей. Ни одно собрание Феме не происходит, если не обеспечена его безопасность в ближайшей округе. Но откуда этот бунтарский дух? Когда наконец покоритесь вы нашему великому предприятию?

— Быть может, когда вы поведаете, в чем оно состоит?

Трое судей одновременно издали короткие звуки, свидетельствующие о возмущении.

— Мы сообщаем то, что вам следует знать, — сказал кондотьер. — где же ваша *вера*?

На это у адмирала не было готового и безопасного ответа, посему он промолчал.

— Мы слышали, — отозвалась председательница, — что аргументация благословенного Гемиста убедила вас. Разве этого недостаточно?

— Откровенно говоря, нет, — ответил Солово. — Довольно жидкий фундамент, чтобы строить на нем жизнь альтруиста. Зачем мне общаться с английскими варварами или рисковать жизнью в обществе Борджа ради книги, с которой согласен мой

интеллект? Подобных томов в моей библиотеке отыщется немало.

— Назовите их, — приказал кондотьер. — Естественно, «Размышления» упоминать незачем.

— Не сомневаюсь, что ваши шпионы уже переписали все мое имущество, но если вы настаиваете.

— Настаиваем, — подтвердил кондотьер.

— Хорошо, я назову грека Гераклита, который утверждает, что огонь — основа Вселенной и что все происходит в вечном потоке между светом и тьмой, голодом и насыщением, войной и миром. Истина в гармонии этих противоположностей. Потом есть еще Сократ, который учит, что жизнь следует переживать непосредственно, не пропуская сквозь фильтр рассудка и учености. Платон предлагает правление философов, а наставления Трибад Филениса Левкадийского своей изобретательностью возбуждают во мне плотские желания. Довольно этого?

Трибунал решил, что довольно.

— Этого достаточно, — проговорила дама, руководившая судилищем, — чтобы подтвердить справедливость наших первых предположений. Ваше путешествие сюда не было напрасным. Снова мы пренебрегли вами, адмирал; признаем свою вину. Не имея доказательств нашей благосклонности и доверия, ваш энтузиазм — если стойку позволительно обладать таковым — ослабел. Там, где мы ждали от вас целеустремленности, вы безумно разбрасывались, адмирал. Подобная рассеянность не красит вас, но и мы со своей стороны не будем более проявлять к вам пренебрежения и безразличия. Вы будете участником наших советов.

Подчинив разуму желание жить, Солово решился, поскольку мог рискнуть предположением.

— Почему? — спросил он. — Чего вы боитесь?

И сразу же понял, что попал в цель. На какую-то долю секунды лица фемистов перестали быть их абсолютными рабами — как бывает со всеми, кто замахивается на великое. Мгновенная оплошность сказала Солово больше, чем все, что он слышал той ночью. Неспособность же трибунала ответить на его вопрос даже после очередных перешептываний тоже свидетельствовала о многом.

Дама-фемистка отвечала, вновь овладев интонациями ученой римской речи.

— Например, если вы хотите открыто поговорить с нами о вашем недавнем поручении, мы готовы к этому. Теперь мы хотим, чтобы вы служили нашим интересам разумным оружием.

Солово заглянул внутрь себя и обнаружил, что среди воспоминаний об английском приключении кое-что оставалось еще неулаженным.

— Очень хорошо. Позвольте мне испытать наши новые взаимоотношения. Должен ли я, исходя из отсутствия альтернативных указаний, считать, что вы разделяете стремление папы Александра сохранить в Англии династию Тюдоров?

— Можете, — ответил кондотьер. — Однако мы полагаем, что папство однажды пожалеет об этой политике. Мы хотим, чтобы Британские острова подчинялись самой твердой и централизованной власти. У нас есть виды именно на эту конкретную расу, и мы хотим, чтобы она сплывилась в современное национальное государство.

Шея Солово уже начинала ныть, поскольку ему

все время приходилось задира́ть голову к трибуналу, восседавшему перед ним на помосте. Однако он заставил молчать протестующее тело.

— Странно выходит. При посвящении мне говорили, что вы стоите за возобновление старинных и лучших порядков. Восстание кельтов, безусловно, сулило возвращение античности.

— От нас не следует ждать обязательного постоянства, — промолвила дама-фемистка со лживой улыбкой. — Постоянство — служанка рационализма и ведет к предсказуемости. Не все старинное лучше и не все хорошее уже рождено. Мы выбираем и оставляем. Иногда, чтобы вернуться назад, приходится идти вперед.

— Что предусмотрено для меня в ваших планах? — спросил адмирал.

— Они... текучи, брат Солово, — произнес кондотьер. — Пока продолжайте в том же духе.

Солово поглядел на фемистов, они ответили ему тем же. Поединок как будто неравный: трое против одного, амбициозная тайная организация неведомого размера против простого смертного... однако каким-то образом дело обстояло не так. Солово ощущал, что трибунал не вправе применить к нему ряд крайних мер, и в известном смысле воспринимал себя в этом судилище господином, выносящим собственное решение.

Обдумывая сей парадокс, он позволил неловкому молчанию затянуться, а потом, сделав очередной интуитивный скачок, приземлился в весьма интересных краях.

— Выходит, я значусь в вашей Книге, не так ли?

— В Книге?

Трибунал принял скорбный вид.

— Мы предполагаем это, — подтвердила председательница после короткой паузы. — В ней есть аллюзии, которые могут относиться к вам.

— А можно взглянуть?

— Нет, это может исказить подробности прочеств.

— Вы всегда так считали? И завербовали меня именно поэтому?

— Снова нет. Это лишь недавно ученые-аналитики в наших тайных университетах установили соответствие между писаниями и вашей карьерой. Во время вашего посвящения каменные боги, в которых мы влили немного божественной эссенции, признали вас. Мы всегда приглядываем за ними, однако подобные события случаются не каждое столетие. Тогда-то мы впервые всполошились.

— Я помню античных колоссов, — сказал Солово, оглядываясь на статуи, — но...

— Они в основном молчат, адмирал, — сказал кондотьер. — С помощью чародейства мы можем сохранить какую-то долю тех богов, что могут еще протянуть, и мы храним их божественность в камне, чтобы переждать эру исламо-христианского монотеизма. Они, естественно, благодарны и помогают нам изо всех сил.

— Боги без почитателей, — прокомментировал Солово. — Как скорбно звучит!

— Мы намерены это изменить, — со спокойной уверенностью проговорил кондотьер. — Мы можем выступать в союзе с атеистами и эльфами, радикальными гуманистами и теми, кто страдает от ностальгии по Римской империи... да со всеми, кто не удовлетворен

нынешним положением дел. Однако мы ни на миг не теряем из виду наши древние цели. Ну вот, адмирал, теперь вы знаете наш «великий секрет»! Мы хотим, чтобы старинные боги разорвали свои каменные пределы, вдохновленные молитвами миллионов!

Открывшиеся глубины заставили Солово изобразить на лице потрясение вкупе с удовлетворением, но он не поверил ни слову.

— И в достижении этой цели я должен сыграть свою роль — в соответствии с книгой ваших предсказаний?

— Похоже, что так, — согласилась дама-фемистка. — И, возможно, критическую. Однако любые подробности могут лишь исказить линии судьбы, предначертанные благословенным Гемистом. Уверьтесь, великие события... предметы, которых даже мы не в силах предвидеть, вращаются вокруг вас.

— И поэтому вы позаботитесь обо мне? — сказал адмирал, не устояв перед соблазном поддразнить.

— На какой-то момент да, — призналась фемистка с достойной одобрения откровенностью. — Если, как предполагает наша Священная книга, от вас зависит спасение мира, мы не можем поступить иначе.

Позади адмирала вдруг послышался грохот. Как раз вовремя оглянувшись, он увидел, как падают вперед и ударяются о землю — чудесным образом невредимые — оба упомянутых изваяния. Когда улеглась пыль, он заметил, что головы и руки лежащих, словно в мольбе, простерты к нему.

— Похоже, — с достойной восхищения прохладцей проговорил кондотьер, остававшийся в своем кресле, — так считаем все мы.

Год 1506

*НЕ СОМНЕВАЙТЕСЬ, ЕГО ЗДЕСЬ НЕТ:
я заказываю шедевр западного искусства
и узнаю ключевую тайну Матери-Церкви.
Друг рад услышать, что он не напрасно
прожил свою жизнь.*

В разгар лета улицы Рима могут возмущать тысячью разных мелочей. Стоически одолев все причины для раздражения, адмирал Солово перегнулся через дверцу своей коляски и позавидовал бедняку, евшему прохладный зеленый салат. В невежестве своем он позавидовал и несомненной невинности этого человека — выражению его лица: «завтра я встану и пойду куда угодно», — но более всего адмирал завидовал его одиночеству.

— Адмирал, такая неприятная влажность, — сказала мадам Терезина Бонтемпи. — Все разветвления моего тела причиняют мне большие неудобства.

— Это действительно неприятно, моя госпожа, — ответил Солово с застывшей — словно из камня — улыбкой на лице.

Экипаж госпожи Бонтемпи, подумалось ему, был пышен и велик, как у правящего султана. Его владелица гармонировала с транспортом... полненькая, бело-розовая... и пользовалась им — как и любовником, папой Юлием II, — часто, но для езды на короткое расстояние. Правда, Солово допускал и другую возможность: все должны были видеть сам факт езды независимо от ее целей.

Однако, невзирая на ночные посещения игрищ Венеры, во время прогулок в экипаже Терезина Бонтемпи требовала и благородной компании, и светского разговора. Это предотвратило бы улюлюканье лиц, слишком распущенных и свободных от социальных ограничений, чтобы держать свое мнение при себе.

Солово обнаружил в сей даме внутреннюю свободу, увы, никак не волновавшую его. Изъявление чувств населения он мог бы остановить просто каменным взглядом своих знаменитых серых глаз, однако его собственный внутренний вердикт не подчинялся контролю. И за короткое время мадам Терезина Бонтемпи иссушила кладезь его дипломатического обхождения — источник, прежде абсолютно неистощимый.

— ... а возле Сан-Джованни Латерано, адмирал, как раз рядом со статуей задумчивого человека на коне...

— Римского императора Марка Аврелия, мадам, — вставил Солово, сузив глаза от внезапной усталости.

... группа каких-то вероотступников, не иначе как беглых галерников, принялась плясать вокруг моей коляски, называя меня «шлюхой». Представляете, это я-то шлюха!

Адмирал Солово глубокомысленно кивал, подправив свою улыбку скорбным сознанием человеческой низости.

— Я вполне верю вам, госпожа, — медленно проговорил он. — Я вам сочувствую... и хорошо понимаю вас, поскольку нахожусь в той же ситуации.

— Неужели? — осведомилась Бонтемпи, ошеломленная, насколько она помнила, впервые в жизни.

— Безусловно, мадам. — Солово одарил ее белозубой улыбкой. — Прошло уже пять лет с тех пор, как я командовал военным кораблем, а меня все еще зовут адмиралом.

Благословеннейший Отец, сегодня я был изгнан из Дворца по вашему приказу, а посему извещаю вас, что впредь с этого времени, если я вам понадобится, ищите меня где угодно, только не в Риме.

Микеланджело Буонарроти (из датированного 1506 годом письма Джулиано делла Ровере, папе Юлию II)

— Вы навлекли на себя наш гнев, — сказал папа. — И мы уже думали отправить вас...

— На Капри? — осведомился адмирал Солово.

— Выбросите из головы остров Капри, адмирал. Откровенно говоря, я имел в виду то место, куда отправляют обнаженным клинком. Вы понимаете мой... намек?

— Полностью, ваше святейшество.

Подперев перегруженную голову слабой рукой, папа устало поглядел на Солово. В приемной воцарилась редкая тишина, мгновенно утомившая едва ли не весь Ватикан.

— Адмирал, — промолвил Юлий после долгого молчания, — а вы еще помните, когда впервые натянули на свое лицо эту невидимую маску?

— Не особенно точно, ваше святейшество: я рано начал изучать стойков.

— Вполне могу понять вас. Но попомните мои слова, адмирал, однажды я заставлю вас проявить хотя бы волнение.

— Я в полном распоряжении его святейшества.

— Правильно, так оно и есть. Кстати, хотя в этих древних стойках и мертвых язычниках действительно есть кое-что, хочу напомнить вам: в них нет *полноты*. И если в тот самый день, который я назвал словом «однажды», я все же решу укоротить отпущенные вам годы за... скажем, за то, что вы, адмирал, назовете мою очередную временную подругу шлюхой... или за убийство чересчур остроумного перуджийского поэта, знакомого нам (да-да, мы знаем об этом), тогда со спасением у вас будет туго. А мне не хотелось бы, чтобы вы попали в ад.

Адмирал Солово, изящно поклонившись, принес свою благодарность за проявление подобной заботы.

— С этим, ваше святейшество, я, пожалуй, смирюсь, поскольку наша разлука будет недолгой.

Прикрыв лицо униженной перстнями рукой, английский кардинал усмехнулся, — увы, слишком громко, — чем год спустя заслужил себе должность примаса, ведающего обращением турок.

— Тем временем, — проговорил Юлий, прикрывая гнев серьезной миной, — прохвост скульптор из Флоренции бежал с нашей службы, не завершив поручения и узнав то, что ему не следует знать. Детали контракта и корреспонденции можно выяснить через одного из моих секретарей. Возь-

мите с собой капитана швейцарцев на помощь своему серебряному языку и доставьте назад этого...

— Микеланджело, — подсказал английский кардинал, напрасно стараясь избежать уготованного ему в будущем мученичества, перспективу которого он тем не менее уже ощутил.

— Именно, — окончил Юлий.

— Живым? — спросил адмирал Солово.

Папа задумался.

— Пожалуй, — ответил он наконец, — если это не потребует излишних хлопот.

Есть еще кое-что, о чем я хотел бы умолчать; довольно того, что, если бы зная это, я остался в Риме, город этот сделался бы моей гробницей раньше, чем для папы. Такова была причина моего поспешного отбытия.

Микеланджело Буонарроти (из письма, посланного из Флоренции весной 1506 года)

— И после издевательских «диспутов», — сказал равви Мегиллах, — они официально сожгли свиток Торы перед воротами гетто. Я не мог сдержаться слез... но разве это что-то значит для вас? Простите за беспокойство.

— Иов, 32: «Поговорю, и будет легче мне», — промолвил Солово. — Таанит, 15: «Достойному не следует унывать».

Равви, вновь обратившийся к глубинам своей печали, отыскал в сердце улыбку. В особенности когда Солово заговорил снова.

— Притчи, 31, 6—7: «Дайте сикеру* погибающему, вино огорченному душой. Пусть выпьет и забудет бедность свою и не вспомнит больше о своем страдании».

— Екклезиаст, 10: «И вино веселит жизнь», — отозвался равви, внимательно разглядывая бутылку с вином, но не указывая на нее.

— Нет нужды воздерживаться от этого счастья, — добавил Солово. — Это вино — кашрут, мои слуги доставили его из гетто прямо сегодня.

Когда они приступили к еде и выпили в меру, равви Мегиллах поведал адмиралу о своих последних деяниях, своей семье и жизни в гетто, подобной лезвию бритвы. Солово внимательно слушал и отвечал непринужденно.

— А ваша жена, адмирал, как она?

— Совсем неплохо, насколько я представляю. Общий знакомый недавно принес мне вести о ней. Впрочем, можно использовать и пример из Сангедрина**, стих 7-й гласит: «Пока была крепка любовь, мы могли возлежать на лезвии меча; но теперь, когда любовь ослабела, постель в шестьдесят элей*** узка для нас».

За этим отклонением от общей темы беседы последовала короткая пауза. Наконец равви кашлянул, чтобы переменить настроение, и сказал:

— Ну что ж, мой старый друг, я в долгу перед

* Хмельной напиток.

** Иудаистский религиозный трактат.

*** Локтей (ист.). Национальная единица длины в ряде стран: в Англии 1 эль равен 45 дюймам.

вами за гостеприимство. Могу ли я что-то сделать для вас?

Растянув губы улыбкой подходящей ширины, Солово назвал свою цену.

— Поскольку вы заговорили об этом, не могли ли я напомнить Йебамот*, 122?

— «Не запирай на засов дверь перед пришедшим занять денег», — процитировал Мегиллах. — Конечно; с моей стороны отказывать вам и неправильно и невежливо... однако вспомните Баба Мециа*, 75, адмирал: «Тот жалуется, не находя сочувствия, кто дает деньги в долг без свидетелей». Нельзя настолько увеличивать свой кредит христианину... знаете, это выделит вас среди прочих.

Адмирал Солово самым серьезным образом согласился с такой перспективой.

— И наконец, адмирал, вот что я хочу вам сказать. Вы переоцениваете мои возможности. Наше положение становится неопределенным. Завтра и меня, и весь мой народ могут изгнать за море...

— Или же Мессия призовет всех вас домой, — предположил Солово.

— Действительно. Подобное возможно, хотя деньги в этот счастливый день не будут иметь никакого значения.

— Может быть, — проговорил Солово. — Кстати, равви, мне указано устроить сделку между каким-то художником и его святейшеством. Деньги сделают все: я нахожу, что нередко истинный духовный голод, терзающий творца, порожден стремлением к золоту и той безопасности, которую

* Иудаистский религиозный трактат.

оно обеспечивает. Так я планирую поступить и с этим типом. Лучше я выплачу вам проценты, дорогой равви, чем буду слушать новые утомительные разговоры об искусстве.

— Как угодно, адмирал, — ответил Мегиллах, охотно обращаясь к старой и знакомой теме.

— Кроме того, — продолжал Солово, — мне кажется, что в данных обстоятельствах вы можете ограничиться не слишком высоким интересом...

Равви Мегиллах выразил удивление подобным предположением. Адмирал приступил к объяснениям, и в конце концов равви с удовольствием предоставил ему неограниченный кредит.

Микеланджело, скульптор, оставивший нас без всякой причины, по простому капризу, опасается, как нам сообщили, возвращаться, хотя мы со своей стороны не гневаемся на него, зная изменчивый нрав людей, наделенных подобным гением. Поэтому, дабы он не мог причинить себе беспокойство, мы полагаемся на вашу верность: убедите его нашим именем, что, вернувшись, он останется цел и невредим, сохранив нашу апостольскую милость в предоставленной ему прежде мере.

Последняя из трех записок, посланных папой Юлием II Флорентийской Синьории в 1506 году

— И когда, — сказал капитан швейцарцев, Нума Дроз, пока они ехали вперед, — турки захватили Отранто в августе 1480 года, они замучили и убили половину из двадцати двух тысяч душ, обитавших с стенах города, и поработили всех остальных. Действительно были ин-

тересные груды тел: не из тех, что обычно видишь на поле боя. А потом, чтобы неверные истинно ужаснулись, публично распилили архиепископа и губернатора.

— И каково было воздействие, мастер швейцарец? — спросил Солово, изображая интерес.

— Меня так проняло! Я отрекся прямо на месте, принял их вероисповедание перед главным тюрбаном и был взят в войско.

— В самом деле? — сухо заметил Солово. — Тем не менее вы кажетесь персоной чересчур молодой, чтобы лично присутствовать при столь давнем событии.

— Тогда я впервые оставил кантон Ури, господин адмирал. Я был едва ли не подростком. Закончил я командиром артиллерии и начальником янычар в приграничной македонской крепости. Неплохое было время. Мусульманская вера тоже... интересная... но все-таки не настоящая, — добавил швейцарец отчасти искренне, отчасти оттого, что вспомнил, на кого теперь работает. — Поэтому я дезертировал и полностью вернулся к Христу в Равенне...

— И во сколько это вам обошлось? — поинтересовался адмирал просто для справки, учитывая собственный опыт.

Нума Дроз казался потрясенным.

— Моей ценой, адмирал, были долгие часы, проведенные на коленях... и трудное покаяние. Деньги невесомы, это просто металл там, где речь идет о душе. Вопреки тому, что вы можете подумать, я истинный сын Церкви, хотя мне и случалось заблуждаться.

Солово постарался оставить свои сомнения при себе — следовало быть осторожным. Все обитавшие за пределами родных краев швейцарцы были опытными убийцами, по этой причине и экспортировались. Они вдвоем направлялись по флорентийской дороге, и Нума Дроз мог в любой момент поддаться присущей его народу кровожадности. Солово незаметно прикоснулся к стилету, упрямому в седле.

— Потом я поступил к Фердинанду I Неаполитанскому, — продолжал Дроз, легкая неловкость явно была уже забыта. — Вот интересный был человек. Держал целую галерею из чучел своих мертвых врагов, все в парадной одежде, и время от времени прогуливался среди них, раздумывая о краткости и превратностях жизни. Один раз, когда я был у него в особом фаворе, мне позволили посмотреть.

— Я тоже был там, — сказал адмирал. — Герцог де Прац-Ридольфи из Романьи выглядел даже лучше, чем в жизни. — Я сделал соответствующий комплимент Фердинанду, и он по-настоящему улыбнулся.

— Ридольфи? — переспросил Дроз. — Это такой тощий, нос крючком, в желтом камзоле?

— Да-да, с украшенным самоцветами кинжалом в левой руке, — подтвердил Солово.

— О... сколько же у нас общего, адмирал.

— И еще мы служим его апостольскому святейшеству, — добавил Солово, с чувством униженного достоинства признавая даже две общие точки между собой и этим варваром.

— О да, адмирал, вы правы. Какие были счастливые дни! Но скажу вам: как только я узнал,

что он — нехристь, воинственный и раздражительный, тотчас распрощался с Неаполем и поспешил в Рим. Ну а после того, к счастью, мирных дней в моей жизни не было.

— Другого и я сказать не могу, — хрустко промолвил Солово.

— Для наемников он был повсюду отцом родным. Меня сразу же поставили на довольствие; на полную плату с первого дня — убиваешь ты или нет, а ведь это не везде так. О, поглядите, там в канаве удушенник.

— Именно.

— Юлий даже заставил этого Михель-ангела придумать мундиры для наших швейцарских ребят. Вам нравится?

— Нет.

— И мне тоже. Но, по-моему, люди привыкнут. Только не сомневайтесь, до тех пор я набью карман поплотнее — заработаю или украду — и вернусь в Ури к жене.

Адмирал Солово изучал небо в поисках утешения и, не обнаружив такового, нажал:

— Вы далеко от дома, мастер швейцарец. Что будете делать, если жена не дожидется вас?

Нума Дроз пожал плечами и тронул конское ухо.

— Тогда я убью ее и снова женюсь. У нее сестрица — сочная бабенка, если подумать об этом. Так или иначе, а жена в моей хижине будет.

Далеко на дороге перед собой вечно не знавший покоя глаз адмирала Солово обнаружил одинокого всадника. Нума Дроз заметил его практически

одновременно, и все мысли о доме разом оказались забыты.

— Дротик, скачет галопом, один, — выпалил Дроз. — Стоим.

Оба мужчины, выкованные в разном, но одинаково жарком пламени, с виду как будто не готовились к встрече, однако необходимые *приготовления* тем не менее были сделаны. Большая часть встреч на дорогах выглядела довольно невинно, но исправить ошибку возможности не представлялось.

— Адмирал Солово? — осведомился верховой, подъезжая поближе (тем не менее из вежливости оставаясь достаточно далеко).

Солово ответил невозмутимой улыбкой.

— Возможно.

Всадник не думал обижаться, он был знаком с современным этикетом.

— Перед вами Питер Ансельм, — проговорил он, кланяясь, насколько позволяли латы. — Или же Пьетро Ансельми, кондотьер на службе Флоренции, посланный, чтобы приветствовать и поторопить вас.

Адмирал вопросительно поднял бровь, ничего не подтверждая, но все же обнаруживая некий незначительный интерес к подобной идентификации его личности.

— Дело Микеланджело всем докучает, и Синьория видит причины для спешки, — пояснил Ансельми.

Солово не одобрял качеств, подобных скорости, учитывая их близкое родство с непростительной беспечностью.

— Каковы же новости, кондотьер? — спросил он любезным тоном.

— Все хорошо! — ответил тот. — Может быть, начнется война.

Из Синьории прислали за мной и сказали: «Мы не хотим воевать из-за вас с папой Юлием. Вы должны возвратиться, и в этом случае мы снабдим вас грамотами такой важности, что, если он причинит вам зло, он причинит его Синьории». Естественно, я взял грамоты и вернулся к папе.

Микеланджело Буонарроти (из частной переписки, 1507 год)

— Флорентийская республика, — проговорил Солово, излагая факты так, чтобы его мог понять человек, которого адмирал подозревал в наивности, — не может только ради вас идти на риск и военные потери. Сильные приказывают слабым, те в свою очередь распоряжаются немощными. Я предлагаю вам самому представить собственное место в этой иерархии. Короче, Синьория по нашему требованию за гроши выдаст вас, какая бы участь вам ни была уготована.

— Таковы обычаи нашего мира, — добавил Пьетро Ансельми с ухмылкой. — Это знает мой маленький сын, а ему только три! Где вы провели свою жизнь, художник?

Укрывался от вихрей реальности двумя небольшими, но талантливыми руками, подумал адмирал, однако от слов воздержался, следя за тем, как Микеланджело переводит взгляд с него на Дроза, а потом на Ансельми. Голые нервы, рассудил

адмирал, или же просто выпущенный на свободу скверный норов.

— Я не согласен с адмиралом, — проговорил Микеланджело, взволнованный голос его метался вверх и вниз, как обезьяна по жерди. — Я сомневаюсь, чтобы Флоренция могла позволить себе склониться перед столь агрессивным понтификом в страхе перед еще не сформулированными угрозами. Я верю, что Синьория уже выбрала поле для решительной схватки.

Солово улыбнулся и наклонился вперед, чтобы вновь наполнить свой кубок вином. Нума Дроз оставался спокойным, лишь глаза его чуть сдвигались, обращаясь то к Ансельми, то к скульптору... таким образом с честью проходя испытание, назначенное для него адмиралом.

— Я различаю за вашими словами эхо иного голоса, мастер скульптор, — терпеливо промолвил адмирал. — Могу ли я рискнуть задать вопрос — чьего же именно?

Уродливое молодое лицо Микеланджело покраснело.

— Я советовался с некими представителями республики, — сказал он отрывисто.

— С неким вторым канцлером? — допытывался Солово. — Быть может, с мастером Никколо Макиавелли?

Микеланджело подтвердил предположение движением плеч и внезапно обнаружил на потолке нечто захватывающее.

— Ну и что с того? — бросил он гневно. — Люди, которым нужно изъятие, обращаются ко

мне; я прибегаю к его совету в тонкостях правления. Настал век специалистов, адмирал.

Солово воспротивился.

— В обычных случаях да, но не в этом. Дело в том, что друга моего Никколо мадам Неудача посетила буквально во всем. Его мысли обучены, вышколены и отважно шествуют в бой — чтобы отступить при первой же встрече с реальностью. Выношенная им в мыслях Флорентийская народная милиция ничего не дает.

— И отлично, — согласился Ансельми, оскорбленный в профессиональных чувствах. — Любители только портят дело. — Нума Дроз искренне закивал.

— Его иностранные миссии, — продолжал Солово, — энергично распространяли недобрую волю, и всю свою жизнь он будет безошибочно менять хозяев — олигархию Медичи на республику и обратно — в самый неподходящий момент⁹. На вашем месте, мастер Микеланджело, я не стал бы рисковать остатками собственной жизни, полагаясь на совет Макиавелли.

Микеланджело яростно поглядел на него. Испуг и разочарование, вскипев, превратились в отвагу.

— Хорошо, — сказал он, — благодарю за отеческие советы. Но пока у меня останется выбор, я склоняюсь к его мнению, а не вашему.

Пальцем с черным камнем адмирал послал вперед Нуму Дроза.

— Я не очень силен в искусстве, — проговорил швейцарец, — но все, что я слышал, свидетельствует: художнику нужны РУКИ!

И прежде чем стихло последнее слово, меч

Дроза описал серебряную дугу, целя в сустав правой руки Микеланджело.

Скорость удара была такова, что художник не имел времени унижить себя воплем, даже просто отреагировать. Посему он сохранял достойное похвалы стоическое спокойствие и лишь смотрел, как Ансельми непонятным образом отразил этот удар своим кинжалом.

— Мне очень жаль, мастер швейцарец, — произнес Ансельми с любезным сожалением, — но этого я допустить не могу; увы, приказ есть приказ.

— Великолепно! — убирая клинок, ответил Нума Дроз, выразив восхищение действиями собрата по ремеслу. — Быстро и точно.

Ансельми разрешил себе скромную улыбку.

— Благодарю вас... но вы сами позволили мне это сделать, не вложив в удар полную силу. Вы не намеревались довести дело до конца, так ведь?

Дроз еще более обнаружил дух профессионального товарищества.

— Признаюсь, вы правы, однако немногие сумели бы это заметить.

— Оставить ему шрам на всю жизнь, а не отрубить, так?

— Именно! — Лицо Нумы Дроза озарилось солнечной улыбкой. — Совершенно точное определение того, что могло произойти.

— Я уйду! — вскричал Микеланджело, обретя голос и способность к движению, но немедленно остановился, чтобы не наткнуться горлом на шпагу Ансельми.

— Вы остаетесь на своем месте, — проговорил кондотьер, искусно прикасаясь клинком к адамову

яблоку скульптора, чтобы возвратить его на место, — и выслушаете все, что хотят сказать эти добрые синьоры.

— Я в долгу перед вами, синьор, — изящно заметил Солово, отчасти вдохновленный этим экономичным спектаклем в мире, склонном к напрасным тратам эмоций и сил.

— Флоренция, та вся за свободу, — заявил Ансельми, его варварский итальянский лишь чуточку портил эффект. — Но мой разум говорит, что всякие чувства ее определяются нынешними интересами. Если бы зависело от меня, я бы позволил вам, скульптор, остаться в городе, и мы бы получили отличную войну с его святейшеством — великолепная штука! Это принесло бы моему отряду кучу добра. Однако, как ни прискорбно, мой работодатель склонен к большим раздумьям. Значит, вы высиживаете эту беседу, слушаете и перевариваете. В конце, если вы еще будете упрямы, я для безопасности провожу вас до дома... Понятно?

Микеланджело покорно кивнул. Шпага медленно вернулась в ножны.

— Чтобы подрубить самые корни дела, — начал адмирал, выбирая слова. Микеланджело вновь побледнел. — Я хочу из своих средств предложить вам три сотни дукатов за возвращение в Рим и исполнение заказа. Вы можете легко проверить мои кредитные связи с гильдией флорентийских ювелиров через римского еврея.

— Уже сделано, — отозвался Ансельми. — Скульптор, у этого человека есть то, что есть, как он говорит.

В предположении, что подобная проверка может

быть необходимой, улавливался легкий шепоток недоверия, однако великодушный Солово не стал обращать на него внимания. Нума Дроз, ожидавший сигнала к действию, понял намек и расслабился.

— Зачем золото мертвецу? — задал Микеланджело совершенно разумный вопрос. — Вернувшись в Рим, я не переживу и первой ночи. Будьте добры, объясните мне, чем и кого может соблазнить положение самого богатого из удушенных среди всех выброшенных в Тибр.

Получилось так, что Солово обратился к трем основным побудительным мотивам: сперва — к рассудку, потом — к страху и наконец — к жадности. Трижды отвергнутый, не сумев выманить своего кролика из флорентийской норки, он вынужден был напрячься и проявить изобретательность.

— Полагаю, — скорбно продолжил он, — что этот вопрос можно было бы уладить, если бы мы со скульптором переговорили наедине.

— Понятно, — произнес Ансельми со всей вежливостью, которую допускал его культурный уровень. — Более того, возможно, если вы извлечете стилет из правого сапога и передадите мне то подозрительно большое, наверняка с пружиной, кольцо. Да, вот это, с черным камнем.

— Не покидайте меня! — возопил Микеланджело, пытаясь обрести защиту у кондотьера.

— В этом эпизоде, скульптор, как вы прекрасно знаете, есть более глубокие течения, — проговорил Солово ровным тоном (ну прямо добрый отец, увещающий родное дитя). — И зная это, если

я заверю вас в том, что не причиню вам вреда, и поклянусь *всеми богами*, неужели вы не перемените своего мнения?

Микеланджело, дернувшись, поглядел на адмирала; лицо скульптора обрело бледность собственных мраморных творений, ему пришлось проглотить набежавшую в рот слюну.

— В этом случае соглашусь, — проговорил он и сразу же успокоился. — Пожалуйста, оставьте нас, Ансельми. Я хочу поговорить с адмиралом.

— При всех наших нынешних расхождениях, — проговорил Солово, — начнем с того, что я восхищаюсь вашей *Pietà**... и «Давидом».

— Итак, вы обладаете чувствительностью к искусству? — спросил Микеланджело с острым интересом.

— Нет. Во всяком случае, не в полном смысле этого слова.

Скульптор поглядел на адмирала, словно заново оценивая его, и собеседники надолго замолчали. Солово с радостью позволил ему дожить весь отведенный срок.

— Адмирал, — сказал наконец Микеланджело. — Мне трудно доверять таким людям, как вы. Без живого восприятия искусства человек становится пленником собственной падшей природы.

— Безусловно, — согласился адмирал. — И могу возразить на это тем, что именно живое восприятие вашего искусства его святейшеством привело нас к этой встрече.

*. «Оплакивание Христа».

— Он — исключение. Но даже хладный и окостеневший в своей могиле, он все равно будет недостоин доверия. Какими еще доказательствами веры вы можете убедить меня?

Солово покрутил в вине кончиком облаченного в перчатку пальца, наблюдая за тем, как рожденный водоворот окреп, ослабел и угас.

— Хорошо. Могу еще сказать, что учение о стоицизме, подправленное озарениями Ветхого Завета, более всего убеждает меня...

Микеланджело отмахнулся.

— Но в основном, — продолжил адмирал, — остановился бы на слове «вера», прозвучавшем в вашем вопросе, которое, несомненно, является указанием на истинную причину вашего нежелания возвращаться в Рим.

Неправильное лицо Микеланджело скривилось в отдаленном подобии улыбки.

— Как и ваша клятва «всеми богами», адмирал.

Солово ответил привычной гримасой, пародирующей удовлетворение.

— Действительно, — подтвердил он.

— Мне следовало бы догадаться заранее, — проговорил Микеланджело в рассеянности, переламывая небольшую булочку и отправляя в рот мягкий хлеб. — В проекте гробницы Юлия было так много намеков. Его святейшество практически раскрывал передо мной секрет...

— Сомневаюсь, — произнес адмирал весьма неторопливо, чтобы избежать всякого непонимания. — Вы наделены тонким, изворотливым и живым умом. Папа Юлий тоже таков, когда трезв и спокоен, однако он полагает, что лишь ему

одному присущи эти качества. Ведь начинаешь с нетерпимости к глупцам, а заканчиваешь, считая всех людей дураками. Видите ли, обычно секрет передается от папы к папе и еще весьма немногим избранным, и до сих пор их мудрости и скромности хватало, чтобы разборчиво относиться к делу.

— Даже когда папой избрали Борджа? — воскликнул Микеланджело.

— Родриго Борджа, то есть Александр VI, был способен на здравый смысл и добродетель, — вступился за папу Солово, — хотя и считал мир местом для таких игр, что редко находил возможность проявить то или другое. Но тем не менее он был достоин доверия. Даже Чезаре не воспользовался информацией в своих интересах.

Микеланджело явно был под впечатлением.

— И это было мудро, — продолжил адмирал, — поскольку самовольное и всеобщее употребление знаний может привести к одному лишь итогу. Мать наша, Римско-католическая церковь, — сколько бы мы ни насмеялись и ни пренебрегали ею, как делаем это по отношению к своим зёмным матерям, — не может терпеть только тогда, когда дети принимаются без уважения рыться в ее прошлом. Вы понимаете меня?

— А другие... те, кто иногда добирался до истины, — проговорил Микеланджело, облекая то, что и без того уже знал, в форму вопроса, — их убивали, так?

— Конечно, — ответил Солово. — Как же иначе? Времена ныне далеко не мягкие. Даже в евангелии любви встречается определенная мера грубости.

— Я *должен* был догадаться! — отрезал Микеланджело, тревога его описала полный круг. — Когда он призвал меня в прошлом году и показал планы собора св. Петра, я должен был что-то понять.

Движением руки адмирал выразил ничего не значащую симпатию.

— ...титаническая мраморная гробница, — бурлил Микеланджело, — свидетельство его воображаемого величия... Это я могу понять. Но он хотел большего. Она являла пощечину всему благопристойному. Более того, внешний вид ее полностью не соответствовал христианским нормам. Хуже того, она мне понравилась!

— По какой же причине вы приняли этот заказ? — осведомился адмирал.

— О, — меня привлекла просто чудовищность этого замысла. Участвуя в воплощении его в жизнь, я разделю и бессмертие с будущим обитателем гробницы. Потрясенный мир не забудет создателя мавзолея Юлия. А жажда славы — вот мое единственное, непреходящее желание.

— Скульптор, теперь я вижу выход из вашего нынешнего положения... но прошу, продолжайте.

— Гробница должна быть трехэтажной, украшенной сорока массивными статуями. Я даже закончил одну из них — Моисея — и сделал его похожим на Юлия, когда он в подпитии и мучается от зуда «французской» болезни.

— Но он себя не узнал, — проговорил Солово, — к счастью для вас.

— Я и не рассчитывал на это. Во всяком случае, там еще должны быть эти фризy, изображающие

муки и гибель античности... древних богов, связанных и истязаемых новым откровением. То же самое говорили и аллегорические фигуры, но в основном они изображали персонифицированные добродетели — свирепость, воинственность, — представляющие качества лежащего в гробнице человека. Они должны были огибать гробницу и устремляться вверх... вместе с прошлыми и нынешними победами Рима, всеми покоренными народами и взятыми городами... вплоть до последнего этажа, где...

— Должен находиться сам Юлий? — догадался Солово.

— Он самый. Мраморное изваяние в три раза выше человеческого роста, окруженное толпой ангелов, радующихся приобретению, и Землей, оплакивающей потерю.

— Но не видно злобной и мелкой душонки, направляющейся на встречу со своим Творцом.

— Ну да, раз это вы говорите. Впрочем, следует воздать ему должное: средства отпускались без ограничения. В моем распоряжении никогда не было такого количества мрамора... и не только. Я уже заходил в мыслях вперед и думал пустить по всей высоте золотые и красные огненные языки... и использовать оникс, чтобы создать глубокую внутреннюю тень. Уже был сделан запрос на пять сотен извлеченных из катакомб черепов, чтобы украсить ими основание. Уверяю вас, адмирал, более великого проекта в моей жизни не будет.

— Скорее всего, нет, — отозвался Солово, стараясь, чтобы в голосе его звучала добрая нотка, — но продолжайте.

— А потом мне пришлось заняться делами, и чтобы гарантировать долговечность моего произведения, я сделал фундамент глубже, чем было оговорено. Мои рабочие вскрыли пол и позвали меня... теперь они все мертвы, полагаю.

— Боюсь, что вы правы, скульптор... кормят рыб в Тибре.

— Как предстоит и мне, потому что я это знаю, — в глубоком отчаянии заключил Микеланджело.

Адмирал Солово отвлек его, постучав по столу рукоятью стилета (естественно, запасного).

— Не обязательно. Если бы его святейшество действительно желал отправить вас в рай, вы уже были бы там. Как и все люди, вы должны пить и есть, ходить по улицам... и от желания владыки укрыться некуда, если оно и он достаточно сильны. Все можно сделать даже сейчас — клинком, который пропустил ваш англичанин.

— Ох! — сказал Микеланджело, пристально разглядывая иглу, и набросился на хлеб.

— Но этого не будет, — утешил его Солово. — Я уже вижу лазейку, через которую вы сможете улизнуть, а после того выжить и процветать. Его святейшество отказался от строительства собственной усыпальницы в соборе св. Петра. Вполне естественно, он не намеревается привлекать внимание к *этому* месту. Но Юлию — и Церкви — можно послужить более чем одним способом...

— Исполнен счастья, — но в голосе Микеланджело не слышалось и нотки радости.

— ...сохранив при этом свою жизнь и добыв то бессмертие, к которому вы стремитесь.

Микеланджело внезапно оживился и перебро-сил изувеченный хлебец через плечо.

— Я весь внимание, адмирал.

— Тогда слушайте и не пропустите ни слова.

Так Микеланджело и поступил, постепенно оживая и становясь более экспансивным.

— И все же, — проговорил он, когда миновал час, — это было истинное зрелище, адмирал.

Солово невозмутимо пожал плечами.

— Ну, я лишь только взглянул. И то через самую маленькую из оставленных дырочек. Папа Юлий разрешил это, чтобы угрозой смерти привязать меня к себе.

— Они были там все, — сказал Микеланджело удивленным голосом, — это нетрудно было увидеть. Конечно, когда землекопы пробили отверстие, я велел им расширить его. Наверное, я провел, наблюдая, целый день и ночь, забыв о пище и сне. Сердцем художника я стремился зарисовать эту сценку, хочу и теперь, хотя знаю, что никогда не сделаю этого. А выполненные наброски благополучно сжег. — Проглотив все эмоции, он осведомился: — Адмирал, сколько же, по-вашему, лет этой палате?

— Никто не знает. Она, конечно, стара, как сам Рим. Однако, заметив внизу представителей хеттского и ассирийского пантеонов, я заподозрил, что история этого подвала начинается задолго до Ромула и Рема.

— Или же, — предположил Микеланджело, — их доставили сюда из аналогичных тюрем предыдущих империй.

— Возможно, — согласился Солово. — Асси-

рия побеждает Египет, Вавилон побеждает Ассирию и так далее... Персия, Греция, Парфия и Рим. И каждый получает трофеи предшественника.

— А теперь на марше Новый Рим, — проговорил Микеланджело; получив перспективу, он стал относиться к теме с большим пылом. — Такая многоцветная и многоликая толпа. Я видел богов из Новых Америк; новоприбывшие¹⁰ ссорились с Тором и Одним, более привычными к заточению. О да, адмирал, все они были там — Марс, Митра, Серапис и Сет, — вся шайка. Юпитер-Непобедимое Солнце (давно потерпевший поражение) разговаривал с Осирисом; все славные портреты античности обрели плоть. Там собрались все боги, которых породили человеческий страх и потребности общества.

— Тем не менее престол св. Петра своей силой удерживает их всех в заточении, — возразил адмирал. — Правда?

— Действительно, — согласился Микеланджело. — Они прыгали и взлетали, пытаясь достать меня, однако какая-то сила препятствовала им. Подобным образом предотвращались постоянные попытки прикоснуться к двери с неуклюжим замком, запечатанным папской печатью. Скажите мне, адмирал, кто доставляет туда пленных божков и запирает дверь?

— Отряд милиции особого назначения, — сообщил Солово.

— Удивительно. — Микеланджело покачал головой. — Я никогда этого не забуду.

— Нет, забудете, — негромко промолвил Со-

лово, более не скрывая естественных ледяных и недобрых ноток в голосе. — Это часть сделки. Церковь не терпит конкурентов, даже разговоров о них.

— Я уже забыл, — заторопился Микеланджело, — полностью. Только о чем я забыл?

— Не так быстро. Придержите ненадолго свои воспоминания. У меня есть к вам вопрос: мне хотелось бы выяснить одну подробность, которую вы могли заметить в ходе долгих часов наблюдения... И это тоже часть сделки.

Папа по-прежнему не желал, чтобы я завершал гробницу, и приказал мне разрисовать свод Сикстинской капеллы. Мы сошлись на 3000 дукатах. Я все еще нахожусь в великом расстройстве духа... Господи, помоги мне.

Микеланджело Буонарроти (из частной переписки, 1509 год)

— Итак, как я и предполагал, — сказал адмирал Солово, — Микеланджело возвратился — скромно, почтительно и изображая истинное раскаяние. Юлий принял его в Болонье, точнее, скульптору было позволено участвовать в мессе в церкви Сан-Петронио.

— И вознести молитвы об избавлении, должно быть, — произнес равви Мегиллах, расчесывая пальцами белую патриархальную бороду.

— Если так, они подействовали. Случившиеся на месте прислужники Юлия узнали скульптора и силой отвели к его святейшеству, как раз находившемуся за трапезой. К счастью, закуску уже подали, и норов Святого Отца отдыхал, свернувшись

клубком. Конечно, были и громы, и молнии, однако Микеланджело, памятуя о моих строгих наставлениях, уgomонил свой ртутный темперамент и лишь молил о прощении, преклоняя колена.

— Все равно что молить о пощаде бешеного льва, адмирал.

— Вы правы, но в данном случае в пользу скульптора говорили два фактора: во-первых, за него заступился кардинал Франческо Содерини...

— И как ныне у кардинала со здоровьем? — осведомился равви.

— Жив, хотя и облик, и достоинство его претерпели удары и поношения. «Все эти художники таковы, что, кроме своего искусства, ничего не понимают», — тут Юлий взорвался и велел слугам выставить кардинала из дворца. Это полезное предприятие притупило остроту обвинения. Во-вторых — и это гораздо важнее, особенно в мире, где милосердие должно оправдывать собственное существование, — скульптор сумел предложить кое-что за прощение.

Равви, кивая, глядел сквозь Солово, должно быть, предвидя в будущем более мягкие времена.

— Мы обсудили этот вопрос с предельной осторожностью, — пояснил адмирал, — и решили, что наибольшее искушение представит обращение к стремлению Юлия к величию и памяти среди потомков. Конкретно Микеланджело взялся изваять его святейшество в виде бронзового колосса и расписать свод Сикстинской капеллы.

— Та работа, которую ему только что предложили? — спросил Мегиллах.

— Она самая... должно быть, высшее творение его таланта, все ради Юлия, все ради сохранения его имени. Понтифик забывает, конечно, что почитают и помнят исполнителя, а не заказчика, но для нас это не существенно.

— Мы-то к этому времени уже превратимся в прах, — согласился равви, прикасаясь к стоявшему перед ним блюду венецианского риса. — Но ваше предвидение, адмирал, уже принесло дивиденды: скульптор остался жив.

— И может оставаться в таком состоянии, пока его не призовут домой в соответствии с естественным ходом вещей. Микеланджело вкладывает душу и сердце в свою работу, и когда роспись свода капеллы будет закончена, Юлий не захочет, чтобы его запомнили как убийцу ее вдохновенного творца. Таково долгосрочное условие его безопасности, а при удаче и изобретательности, я думаю, он со всем справится¹¹.

— Ну а о том, что он видел... — проговорил равви Мегиллах, стараясь сдерживать любопытство.

— Ах да, — промолвил Солово, празднично играя отражениями солнечных лучей на серебряном кубке, — о моем вопросе. Я тщательно расспросил скульптора, заставил даже составить перечень. Могу подтвердить присутствие там Зевса, Аполлона, Вотана, Августа и Лао-Цзы...

Вмешался равви. Его некрасивое морщинистое лицо, отражавшее спокойную уверенность, лишь слегка было искажено вполне допустимым — по человеческим меркам — сомнением.

— А как... — шепнул он.

— Я все более и более убеждаюсь, что вы, может быть, по-своему правы. Я самым настойчивым образом интересовался, видел ли скульптор там ИЕГОВУ. Не волнуйтесь, равви, его там нет.

В Риме папа Климент VII читал письмо от Генриха VIII, короля Англии, *требовавшего* — ни много ни мало — развода со своей женой-испанкой. Добрый и дружелюбный понтифик полагал, что уже достаточно намаялся с Лютером и всей его братией. Ему даже в голову не приходило, что менее чем через два года Рим будет взят с жестокостью, которая посрамит визит готов Алариха одиннадцать столетий назад. Двадцать две тысячи испанцев, итальянцев и германских ландскнехтов из лютеран на десять месяцев займут Вечный город и оставят его выпотрошенным. Этот день в 1525 году покажется папе Клименту золотым веком.

Тем временем Солово, оставаясь на грани самоубийства, все еще сражался с уэльским фемистом в своем каприйском саду.

— Вам следовало *донести* нам о тюрьме богов, — укорил адмирала фемист.

— Похоже, вы и без того о ней знали, посему никакой беды не случилось.

— Дело не в этом, адмирал. Вы должны были поспешить, чтобы проинформировать нас из чистой любви. Но вы правы, мы действительно знали об этом давным-давно. — Фемист позволил своему голосу приобрести гневные нотки. — Мы знали

это, когда ваш первый зафиксированный в бумагах предок даже не был в утробе матери. В наших рядах числились императоры Рима... как можем мы не знать этого?

— Действительно, как? — поддакнул Солово, тем не менее решив, что и знания, и агентура фемистов были не столь всеобъемлющи, как им хотелось бы.

— И потому, что мы знали, — заторопился уэльсец, — огонь в наших сердцах разгорался все жарче. Долгое заточение наших богов только сделает более сладостным день их освобождения!

— Надо лишь придумать, как это сделать, — пошутил Солово.

— Да, мы все еще заняты этой загадкой, — ответил фемист, тщательно стараясь скрыть поражение. — Возможно, придется разделаться с целой религией, чтобы восстановить свою собственную. И если дойдет до этого и тысячелетней войны, пусть...

— Но зачем же так... — вставил Солово.

— Совершенно верно, — согласился фемист. — тот вызов доставлял множество хлопот дюжине поколений, поэтому между папой и Феме не оказалось разногласий, когда возникло новое исповедание, отвергающее и нас, и его. Мы довольны, что он избрал вас для этого дела.

— Я сделал все что мог, чтобы угодить и вам, и ему, — признался адмирал, — однако, на мой взгляд, вы просто пытаетесь оттянуть день беды.

Год 1508

ОТТЯГИВАЯ ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ:

*я изгоняю божка из его дома,
вращаюсь в обществе особ королевской крови,
вывеждаю их мрачные и позорные тайны
и оказываю великую услугу всему миру,
за что он и не думает
благодарить меня.*

— Мы слышали здесь чудовищные вещи, — сказал кардинал Треверзари из Сиены, — и нельзя позволить, чтобы их узнал кто-то еще.

Раздраженный разнообразными плотскими хворями и природной запальчивостью, папа Юлий ударил по столу своим небольшим жезлом из стали и золота. Будь кардинал поближе, удар этот достался бы именно ему.

— Куда ты смотришь, черт поberi! — взорвался Юлий. — Я уже решил, что этот особый *консилиум* согласится расширить число ознакомленных. Итак, почему ты против? Ты меня слышишь?

— Трудно не расслышать, — нервозно ответил Треверзари, еще не старый и не настолько впавший в отчаяние или возвысившийся в добродетели, чтобы не чувствовать страха.

— Тогда прочисть свои уши, — завопил Юлий, — прежде чем я сделаю это за тебя! — Он показал, как это можно сделать острым концом жезла, и дал знак об окончании дискуссии.

Впрочем, прежде чем груз ответственности, тяжесть убийств и венерическая болезнь изменили

его, Юлий был рассудительным человеком. Духовные останки юности заставили его вновь объяснить ситуацию кружку избранных (но, увы, не удостоенных доверия) кардиналов.

— Понимаете, — сказал он, жалея тратить время на обсуждение даже в подобной форме, — мы нуждаемся в нем. Это дело как раз для него. Быть может, Всемогущий и создал его именно с этой целью.

— Надеюсь, что так, — ответил Гвиччардини, кардинал из Флоренции. — Потому что, если это мы или наше время сотворили его, какой же приговор на Страшном суде будет ожидать нас?

С подобной мыслью действительно приходилось считаться... отбросив ее самым решительным образом, папа Юлий нахмурился.

— Но знания, которыми он будет располагать... — запротестовал Треверзари, заходя слишком далеко в своей удаче. — Как он ими распорядится?

— Этого никто заранее сказать не может, — заметил папа тоном, предполагавшим для кардинала мрачное и, быть может, недолгое будущее. — Человек этот сдержан и невозмутим, как коленка трупа. Учтите, если возникнут проблемы, мы всегда можем убить его; но я не думаю, что он истолкует все превратно.

— О... — Треверзари был в явном замешательстве.

— Рад слышать, что *ты* наконец доволен, — улыбнулся Юлий. — А теперь, с вашего доброго согласия, позвольте позвонить в колокольчик, чтобы его впустили... и другое чудовище тоже.

Услыхав зов, из прихожей в палату Совета

вошел адмирал Солово. Его сопровождала монахиня, женщина настолько древняя, что, будь он наделен хотя бы начатками рыцарских чувств, непременно бы ощутил желание помочь ей.

— Ваше святейшество, ваши преосвященства. — С этими словами адмирал отвесил экономный поклон.

— Солово, — проговорил Юлий столь же кратко и выразительно, — у нас новые неприятности в той проклятой (простите, сестра) области, о которой лучше помалкивать, пусть вы и являетесь в ней признанным специалистом. Вам назначено решить эту проблему без всяких отлагательств.

— Безусловно, ваше святейшество, — без промедления ответил Солово, дабы понтифик не ударил лицом в грязь, проявив неоправданное доверие к своему слуге. — Ожидает ли меня нечто чрезвычайно важное, а потому выходящее за пределы моего денежного довольствия? Потребуется ли мне привлечь помощников?

Подобным тревогам Юлий симпатизировал, ему и самому приходилось в свое время есть хлеб изгнанника; поэтому папа представлял себе истинное счастье, которое приносит финансовая уверенность.

— Отвечаю «да» на оба вопроса, — отрывисто бросил он. — А теперь напомните, что вам обычно необходимо для досуга?

— Раз: свободное владение землями на Капри, — адмирал загнул палец в черной перчатке, — два: заранее прошу прощения за «грехи темперамента»...

— Ах да, — проговорил папа, скривив в бороде

губы, — вспомнил: склонность к Тосканскому Пороку*...

— Три: избранные тома из Ватиканской библиотеки. Я буду доволен, получив что-либо из этой тройки.

— Учитывая важность поручения, — сказал Юлий, проявляя редкую щедрость исключительно для того, чтобы сорвать маску бесстрастия с лица Солово, — вы можете рассчитывать на обладание всеми тремя.

Эксперимент закончился дорогостоящей неудачей, и папа решил при случае отыгаться, по одной выдирая страницы из какой-нибудь книги, принадлежащей самому адмиралу.

— Будут и помощники, — продолжил он. — Это дело интересует королей Франции и Арагона, императора Священной Римской империи, правителей Мантуи и Феррары... естественно, вместе с их армиями. Они окажут всю скудную помощь, на которую способны. Я привлеку даже собственные силы и свяжу всех официальным договором... Ну как? Более того, мои люди уже улаживают подробности в какой-то франко-фламандской дыре, пока мы здесь разговариваем¹². Достаточно, как по-вашему?

— Не уверен, — сухо ответил Солово. — Все зависит от того, с чем именно мне придется иметь дело. К тому же упомянутые важные персоны отвратительно двуличны, пропитаны националистическим духом и безумно любят себя. Едва ли

* Шутовской персонаж в моралите: в средневековом театре — представление в аллегорической форме добродетелей и пороков.

они способны прислушаться к мнению простого римского адмирала.

— Все зависит от того, *что* именно будет он говорить, — многозначительным тоном произнес папа Юлий. — Сестра, начинайте...

Пожилая монахиня была наготове.

— У меня был сон... — она пошатнулась.

— У нее был сон, — заявил адмирал Солово.

— Ну и что? — фыркнул молодой Людовик XII, король Франции. — Мне они снятся каждую ночь.

— И мне тоже, — согласился Максимилиан I, «король римлян», желая первым произнести свое слово. — В особенности после старого огуречного бренди. Заметная разница усматривается лишь в том, что *мои* сны не побуждают к войне две трети Европы.

— Но поскольку все мы уже здесь, — проговорил Альфонсо д'Эсте, герцог Феррары, пожалуй, излишне поспешно с точки зрения собственной выгоды, — быть может, все-таки выслушаем всю историю.

Фердинанд II Арагонский, личность весьма уважаемая собравшимися за двуличие (и презируемая историками по той же причине), успешно утомил всех присутствующих, чего самовластные правители своих земель потом не смогли простить испанцу.

— Итак, — проговорил он нейтральным тоном, — мы собрались не для того, чтобы объявить крестовый поход против турок...

— Нет, — подтвердил Солово, — подобное предположение предназначалось, чтобы одурачить венецианцев.

— И не для того, чтобы объединиться против вековой венецианской экспансии, — вставил Людовик XII.

— Нет, — согласился адмирал, — эта идея должна была одурачить всех вас.

— Посему, — с опасным спокойствием подвел итоги Джанфранческо Гонзага, маркиз Мантуи, — нам становится ясно, что мы вторглись в Италию и, рискуя всем, ввергли в войну Европу по прихоти страдающей бессонницей монахини...

— Это не просто старая монахиня, — вдруг вмешался Солово. — Это знаменитая Черная Дама Палатина, та, что предсказала падение Отранто.

— Так это было двадцать восемь лет назад! — рявкнул Фердинанд. — Там стены едва сами не падали. Я бы взял этот город с трупной дрессированных медведей!

— А потом предсказала смерть папы Александра VI, — кротко продолжил адмирал.

Собрание монархов разразилось хохотом. Звуки веселья никак не соответствовали их озабоченному и встревоженному виду.

— Ему же было семьдесят три! — взревел от удовольствия Альфонсо.

— Он хлебал бренди, как бегемот воду, — добавил король Людовик.

— И к тому же был родственником Чезаре Борджа!

Последнее замечание, вырвавшееся из уст Гонзаги, внезапно успокоило всех. Знаменитый сын римского папы — облаченное в черные одежды «чудовище Романьи» — еще мог выйти «на ловлю»¹³. Даже изгнанный из Италии и лишенный всей власти, Чезаре сохранил способность пугать одним своим именем.

Владея ситуацией, Солово снисходительно улыбался.

— Мы предусмотрели возможность известного скептицизма с вашей стороны, — сказал он. — Попросили Черную Даму увидеть сны с конкретными подробностями. Вам будет интересно узнать, что так и случилось.

Правители глядели на Солово с подозрением.

— В самом деле? — кислым тоном осведомился Людовик.

— Безусловно, ваше величество. Его святейшество даже зашел настолько далеко в своем оптимизме, что увидел в этом свидетельство того, что Господь осенил своим благословением наше крохотное предприятие. А теперь, господа, посмотрите сами и подумайте.

С этими словами адмирал раздал запечатанные воском свитки всем присутствующим важным персонам. Они поглядывали на бумажные трубки с опаской, словно на заряженные пушки.

Известный отвагой Фердинанд Арагонский первым нарушил оцепенение, развернул свиток и пробежал глазами открывшийся пергамент. Невзирая на приобретенное с молодых лет умение скрывать свои чувства, король невольно округлил глаза, и кровь не отступила — сбежала — с его лица.

— Откуда ей было знать? — прошипел он. — Все мои предосторожности...

— Ничто для всевидящего ока, — ответил Солово, стараясь, чтобы в его голосе не было слышно осуждения. Ему не было дела до того, как будет приходить в себя воитель, получивший тяжелый удар.

Тем временем король Людовик развернул свой свиток и охнул.

— Это же неправда! — простонал он.

Адмирал Солово обратил на молодого человека невозмутимый взгляд.

— Ну ладно, — мрачно буркнул король. — Сколько же людей знает об этом?

— Папа, монахиня и я, — ответил адмирал. — Персона, наделенная властью прощать, и двое заурядных личностей.

— Это... опасная информация, — проговорил Максимилиан, медленно прочитав и ослабив свой воротник.

Гонзага и Альфонсо неприметно спрятали письма... на будущее, для памяти.

— Быть может, и опасная, — ободрил властелина Солово, — но предназначенная для самого ограниченного применения. — Он сделал широкий жест, на котором особенно настаивал папа Юлий. — К тому же эти ваши наклонности, а также оборудование и части тела, используемые для их удовлетворения, касаются лишь вас самих и, возможно, еще ваших исповедников. С той же снисходительностью мы относимся к тем из вас, кто выгоды ради убил близкого родственника. Его святейшество не ищет над вами бесчестной власти. Мы добиваемся от вас лишь веры — веры в содержание сна.

Максимилиан смущенно закашлялся.

— Веруем! — заверил он адмирала, — веруем, яко святые во Христа. Господа, мы все превратились в уши?

В глухом ропоте слышалось согласие.

Солово чуть наклонился.

— Как я уже говорил, — продолжил адмирал, — она видела сон...

— Это и в самом деле жутко, — промолвил король Людовик, как самый большой привереда среди присутствующих.

Солово не разделял его мнения в обоих аспектах, но тем не менее умудренно кивал головой.

— Я не могу жить в подобном мире, — свирепо согласился Альфонсо. — Где честь? Где слава?

— Навсегда заперты в сейфе какого-нибудь буржуа, — ответил Гонзага Мантуанский. — Припрятаны серыми человечками для попрапия и осмеяния.

Короли и принцы были согласны. Видение монахини о годе 1750, каким огласил его Солово, потрясло внутреннюю суть каждого. Вид на промышленную имперскую Венецию с ее металлическими военными кораблями, оцетинившимися зенитными орудиями, ужасал всякого. Скверно было уже то, что по времени рождения им было дано переживать водораздел между средневековьем и Возрождением. Но ожидающее их потомков рабство под пятой имперской Венеции вызвало целую бурю чувств.

— Я не согласен! — объявил король Людовик. — О нет! Я остановлю их!

— Сколь же удачно получилось, — льстиво проговорил Солово, — что его святейшество призвал одновременно пять самых могучих армий Европы, чтобы они могли выполнить вашу волю.

Никого не радовало, что папа оказался прав —

отсюда следовало слишком много возмутительных последствий, — но для человека, которому не говорят «нет», французский монарх достаточно легко воспринял это «говорил же я вам».

— Да, похоже, что так, — отрезал он. — Вместе мы им покажем.

Максимилиан, самый старший из присутствующих, никак не мог примириться с новостями, а посему находился в шоке.

— Но я не понимаю, — сказал он. — Зачем им затмевать небеса своими летучими кораблями, зачем выжигать родные края вокруг тройных стен столицы?

— Новая религия, — произнес адмирал Солово самым серьезным тоном. — В Венеции объявилась новая этика — вот смысл сна Черной Монахини и причина беспокойства моего господина. Новое откровение возвращает фанатиков среди тех, кого оно осеняет, лишая их склонности проявлять мягкость к исповедующим прежнее откровение.

Правители в тревоге переглянулись.

— Купцы просто не в состоянии править, — недоверчиво пролопотал Людовик.

— Никогда *не должны* править, — поправил Максимилиан.

Через пять минут подобных антикупеческих диатриб Солово ощутил, что монархи уже настроились на действия в указанном направлении, и заговорил вновь.

— Вам не обязательно *разрушать* Венецию, — посоветовал он. — Европе необходимо, чтобы кто-то отвлекал турок торговлей и двусмысленными речами. Надо лишь устранить это новое откровение, источник ее опасной энергии.

— Эту новую веру? — спросил Максимилиан.

— Ее самую, — ответил адмирал.

— И каким же, скажите на милость, образом мы можем это сделать? — надменным тоном осведомился король Людовик. — Мечом ее проткнем, что ли?

Полностью расслабившись среди этих простых смертных, Соловоотреагировал немедленно:

— Это предоставьте мне. Вы должны только расчистить путь и убрать венецианскую армию с моей шеи. Тем или иным способом — это еще следует решить — я сделаю остальное.

Короли и принцы обменялись озадаченными взглядами, не зная — негодовать или восторгаться.

Адмирал Солово обернулся к ним с невеселой улыбкой.

— Не беспокойтесь, — проговорил он, оставив все объяснения в стороне. — Я привык к такого рода работе.

— О! *Очень* большое спасибо! — сказал Нума Дроз. — Уж и не знаю, как расплатиться.

Сарказм швейцарца нельзя было просто пропустить мимо ушей. Проявляя некоторую рассеянность в фаворе, Дроз никогда не забывал о возможности неблагоприятного поворота судьбы. И из всех своих долгов всегда расплачивался с виноватыми в подобного рода проступках.

Уловив ледяные нотки в голосе наемника, конь Солово взволновался, и его пришлось успокоить, прежде чем адмирал ответил.

— А я думал доставить вам удовольствие, — возразил он. — Разве могли вы пропустить в своей

карьере такую возможность, как Камбрейская лига?

Нума Дроз не унимался.

— Может быть, и нет, однако я предпочитаю приличную битву. *А теперь* оказывается, что у вас дела с одними лишь привидениями.

— Позвольте мне напомнить вам, мастер Дроз, — ровным голосом проговорил Солово, — что в качестве моего личного ассистента вы являетесь самым высокооплачиваемым наемником в этой армии.

— А зачем мне хорошие деньги, если я не смогу их использовать?

Лицо адмирала сделалось еще более похожим на маску, чем обычно.

— Терпение мое истощилось, — спокойно ответил он.

И тогда Нума Дроз познал, что мудрость — пусть и в облинии страха — способна одолеть даже его безграничную свирепость.

— Считайте меня покойником, если я не возьмусь за это дело, — сказал он. — Вы наговорили мне слишком много об этой «новой вере». Даже если я сейчас уложу вас, не сомневаюсь, что распоряжение о моей смерти уже давно отдано.

Адмирал Солово чутьчку нахмурился, выражая гримасой: «Конечно, надо же понимать, с кем имеешь дело».

— Подумав, — сообразил Нума Дроз, — я с восторгом принимаю ваше предложение, адмирал, и приношу благодарность за рекомендацию.

— Хорошо, — Солово жестом приказал повременить замаскированным стрелкам. — А раз так, ступайте и переберите телохранителей, которых

навязал нам король Людовик. Да, выясните, кто главнокомандующий, и найдите для нас место в его плане битвы.

— Сделано, — ответил Нума Дроз, отъезжая.

Солово давно уже обнаружил, что во всеобщем сражении лучше оказаться в самой гуще. Те, кто держится в стороне, просто напрашиваются на выстрел или же падают жертвой численного превосходства. И поэтому он устремился вперед, чтобы в рядах французской армии разить чужих сыновей, ничем не оскорбивших его самого.

Нума Дроз, которому приходилось одновременно беречь от французов собственную спину и приглядывать за адмиралом и неприятелем, находился в своей среде, действуя неумоимо и эффективно. В гуще битвы он несчетное число раз сохранил жизнь Солово и расчистил вокруг него пространство, позволявшее наблюдать и размышлять. Элитные шотландские королевские стрелки, охватив кольцом расходуемый материал, исполняли ту же функцию.

Как бывает при удаче, все сложилось довольно хорошо. Настроив себя на высокую бдительность, адмирал воспринимал воздушные вибрации раньше, чем грубые и безнравственные солдаты... быстрее, чем это делали породистые нервные окончания закованной в латы галльской аристократии. Он отважно обнимал все звуки, невидимо несущиеся в эфире, стараясь вырваться из хватки событий. Сколь мудро, решил адмирал, поступил папа Юлий — или направлявшее его Провидение, — избрав меня для этого дела. Немногим среди людей оно по силам.

Разделавшись со стратиотом коротким выпадом с простейшим финтом (похоже, теперь

разучились парировать этот удар), он огляделся, разыскивая источник своих сенсорных восприятий, и, осадив коня, приблизился к уху Нумы Дроза.

— Все понятно, — сказал Солово, самолюбие которого было отчасти задето всей суматохой и свежим порезом на лице. — Теперь я знаю, что происходит. Пробей мне дорогу назад. Нам придется поторопиться.

Скоро стало ясно, что адмирал был прав относительно необходимости экспедиции. То, что он ощутил раньше других, начинало влиять на грубую психику союзнической армии и, как следствие, на ее профессиональные действия. Еще немного — и прекратить сопротивление, а после того обратиться в бегство.

В своих мемуарах, написанных в преклонном возрасте (затребованных, прочтенных, а потом сожженных сицилийским епископом), повествуя о битве при Джиарададде (14 мая 1509 года), адмирал Солово упоминает о странном ощущении, которое начиналось с покоя и вскоре переходило в безразличие, замаскированное под терпимость. Интенсифицируясь, — что противоречит определению, — оно приводило к утрате всякой живости восприятий и самым ужасным образом заканчивалось на серых беспредельных равнинах скуки. И не будь адмирал в приятельских отношениях с этим философским несчастьем, он не сумел бы отразить даже временный натиск столь ужасного врага.

Медленно, но уверенно этот самый враг уже начинал губить союзническую армию. Наконец последний, сохранивший решимость человек в

этом войске, а именно адмирал Солово, взял на себя командование артиллерией.

— Видите тот обелиск, на который я указываю?

— За шеренгами венецианцев... окруженный толпой? Серая штукавина возле офицерских латрин*? — проверил пушкарь. — Да, вижу.

— Пусть стреляют только по ней, пока не уничтожат, — приказал Солово. — За это тебя ждет куча золота, понял.

— Я не нуждаюсь в подкупе, — бросив холодный взгляд, ответил артиллерист. — Я горжусь своей работой. Этот коробка умер: смотри!

Сия близорукая тупость вдохнула в адмирала уверенность, и вскоре ровным и грозным голосом — почти Господним — заговорили пушки.

Солово обратился к своим уцелевшим коллегам:

— Обелиск, о котором я говорил, оставил сию «юдоль слез». Наше войско сейчас вновь обретет уверенность, и венецианцы побегут. Вы отправитесь к останкам обелиска и доставите ко мне пленников — тех, кто окажется возле него.

Когда Нума Дроз и его шотландцы возвратились с пленниками, смущенный швейцарец виновато прятал глаза.

— В общем так, — сказал он, не глядя на адмирала. — Мы могли бы вернуться скорее, но я остановился, чтобы взять несколько голов. — В руке его был мешок, снизу потемневший от влаги. — Все эти бегущие люди... слишком боль-

* Отхожие места.

шой соблазн. Пусть за опоздание с моей доли снимут четверть. Я настаиваю.

Солово это было безразлично: счета оплачивал папа Юлий. Он даже не стал реагировать на признание, занятый изучением пленников в поисках полезной информации, однако запомнил на будущее — в качестве оружия против швейцарца.

Пленников оказалось с дюжину, некоторые были слегка помяты при транспортировке, но еще сохраняли товарный вид; все от головы до ног были облачены в серое. Одного выделял более блеклый цвет его одеяния. Однако во всем прочем это было братство, единое даже в поражении, и уцелевшие яростно жгли глазами Солово.

— Мне кажется, я знаю вас, — проговорил адмирал дружелюбным голосом, обращаясь к человеку в более светлой одежде.

— Убийца! — плюнул в ответ человек в сером.

— А зная вас, — продолжал невозмутимый Солово, — подозреваю, что знаю все. Приношу свои извинения за напрасную трату сил, мастер Дроз. И еще — окажите мне любезность, убейте всех остальных. Похоже, они — люди посторонние.

Этот процесс, пожалуй, отчасти образумил избранника Солово. С расширившимися глазами он бросился от своих компаньонов, когда к нему приблизились Дроз и шотландцы.

— Мне весьма жаль, — объяснил ему адмирал, — однако я получил четкие инструкции: «истребить со всеми ветвями и корнями», так было мне сказано, и так должно быть.

— Вы не понимаете, что разрушаете! — про-

говорил уцелевший... наполовину в гневе, наполовину пытаясь задобрить.

— Напротив, мастер Пачоли*: знаю, и даже чересчур хорошо, — ответил Солово, — но если это сможет вас утешить, считайте, что я ничего не уничтожил, а просто отсрочил. Кстати, хотя я не имел возможности по-настоящему восхититься вашей замечательной книгой, я сумел оценить мощь и силу заключенной в ней мысли, как и иллюстрации да Винчи.

Невзирая на обстоятельства и груды тел вокруг, Лука Пачоли, автор «*Summa de Arithmetica*»** (Венеция, 1494), первой расходной книги и двойной бухгалтерии, оказался фанатиком в достаточной мере, чтобы обрадоваться псевдокомплименту.

— В ней — начало великого! — взволнованно произнес он. — Она послужила причиной моего избрания. И все будет продолжаться, еще не слишком поздно! Несмотря на то что вы сделали, мы еще можем одолеть вас.

Адмирал Солово улыбкой выразил свою благодарность.

— Увы, этот щербет не для меня, — вежливо объяснил он. — Видите ли, я имею особую склонность оказываться на выигравшей стороне, а для вас время... проповедей еще не настало. Без сомнения, оно еще впереди, но сегодняшние наши труды надолго отбросят вас назад... пока я благополучно не превращусь в пыль.

* Лука Пачоли (ок. 1445 — позже 1509) — итальянский математик.

** Сумма арифметики (лат.).

— Этого не может быть! — ответил Пачоли, ставший более спокойным и рациональным, когда вопли вокруг утихли. — Логика на нашей стороне.

— Союзник строгий и достойный всяческой похвалы, — согласился Солово, — и, таким образом, не отвечающий духу нашего времени. Кстати, кто это избрал вас? И как он себя называет?

— Это просто дух, как ты говоришь, — промолвил Пачоли со всем пылом истинного идолопоклонника, — но не сего неопрятного, неуправляемого века. Дух, что обратился ко мне, предрекал славные времена! История закончится, когда человек станет рационально разговаривать с другим человеком — и только о необходимом, о серьезном и осязаемом. Жизнь станет рассудочной, предсказуемой и...

— Да, да и да, только избавьте меня от остального, — перебил его адмирал. — Имя, друг мой, если вы не против?

— Он называл себя *Те Деум**, — ответил Пачоли, вновь потеряв уверенность. — Я не претендую на понимание — быть может, обыгрывается какая-нибудь латынь или церковная служба. Однако, учитывая все, что он обещал всему человечеству, я ощутил, что для начала эту кроху иррационального можно и опустить.

— В самом деле, — щедро согласился Солово.

— Я был избранным пророком его, и он назвал меня своими *вратами*. Моя скромная книга послужила призывом, приглашением в наш мир —

* Тедеум (от лат. «*Te Deum laudamus*» — «Тебя, Бога, хвалим») — песнопение в рамках христианского богослужения, благодарственная молитва.

так мне говорил он и сулил соответствующее благословение. Я был почтен точными инструкциями, по которым соорудил для него обиталище — его ковчег, как сделал Моисей у евреев для старого, ныне превзойденного духа Иеговы.

Нума Дроз и его солдаты — преданные христиане, насколько это позволяла профессия, — при подобном богохульстве обнаружили признаки неодобрения. Адмирал Солово жестом велел им молчать.

— Тот серый обелиск с ящичками, насколько я понимаю? — спросил адмирал.

— Нам было велено звать его Картотекой, — подтвердил Пачоли. — Там должен был обитать дух. Дож, вдохновленный посетившим меня видением, не щадил усилий, сооружая его, но Те Деум выдвигал умеренные требования — серый листовой металл, светло-коричневые ящички... Смиренная обитель для столь универсального благодетеля.

— Но, как ни прискорбно, столь уязвимая для грубой силы пушечных ядер, — прокомментировал адмирал.

— Да, — с горечью ответил Пачоли. — Вы разбили дом нового бога и убили его священников. Он, я и история никогда не простят вас.

— К счастью, суждения подобной троицы меня не волнуют, — сказал Солово.

— Но в вас я не вижу ничего эмоционального. — Пачоли мужественно приступил к последней попытке: — Вы могли быть среди нас. Когда мы открываем ящичек Картотеки, дух Те Деум'a исходит наружу и смущает неприятеля... его умиротворяющее дыхание, конечно же, осенило и вас.

Адмирал Солово улыбнулся, словно благородным образом отклонял приглашение на пирушку.

— Но вы отказались слышать зов Нового и разрушили скинию, — проговорил Пачоли надломленным голосом. — Теперь я не знаю, где искать его.

— Я ЗДЕСЬ, — произнес другой голос, ударом гильотины отсекавший речь самого Пачоли. Он казался обманчиво кротким, голос мужчины, излагавшего скучные и очевидные вещи. — Даже лишившись дома, я никуда не уйду.

Солдаты вокруг крестились. Пачоли явно ощущал свою одержимость внешними силами, и слезы счастья уже начинали катиться по его лицу.

— Я могу дать вам невероятно много, — продолжал голос. — Во-первых, Венецию Миллиона Чиновников, а потом целый мир. Подумайте, адмирал, вы получите быстроразогреваемые консервы в 1650 году, а автоматы Калашникова и шоссé в 1750!

— Простите, мое начальство этого не заказывало... а я даже не знаю, что вы нам предлагаете.

— Ну да, вы всегда поступаете по приказу начальства, — искушал голос. — Мне просто думается, что оно у вас чуточку близоруко.

— Благодарю за проявленное сочувствие, — ответил адмирал и стилетом нанес удар в глаз Пачоли. Протобухгалтер немедленно скончался на месте, но сила Те Деум'а продолжала поддерживать обмякшее тело в стоячем положении. С учетом всех факторов поза казалась вполне естественной.

— Вы не отделяетесь от меня, — голос извергался из шевелящегося рта Пачоли, словно бы

ничего и не произошло. — Этот труп был моими вратами, и этим именем я называл его. Он может умереть, но я здесь и никуда не уйду. Мы вдвоем уже посадили семя, оно, бесспорно, взойдет в ином времени и месте.

— Серый цветок едва ли кого привлечет, — проговорил Солово.

— О, ты будешь удивлен! — отрезал голос. — Да, мои ученики платят дорого, это верно, однако в учении моем ключ к власти. Потребитель для моего продукта всегда найдется.

— Яйца! — Непонятным образом оскорбленный подобными словами, Нума Дроз выхватил меч. — *Вот тебе сила!*

— Так и будет еще какое-то время, — согласился голос. — Но уже довольно скоро мои ученики в сером со своими калькуляторами и дипломатами будут повелевать каждый десятью тысячами таких... мечей.

— Звучит здорово, — горячо возразил Нума Дроз. — А какими ты делаешь свои *каль-куляторы* и *дипло-маты*? С одним лезвием или обоюдоострыми?

— Ты с ними не справишься, — отмахнулся голос. — Ты — это прошлое. Как и Венеция, как и Италия. Венеция подвела меня, Италия отвергла — ту и другую ждет упадок. Романтика и интерес сохранятся, но сила уйдет, а потом вернется, чтобы покорить их. А когда придет день, я буду разжигать, вдохновлять и направлять эту силу. Воображению придется поклонить колено. Тем временем я буду коротать время и ждать,

пока меня кто-нибудь не призовет... быть может, с Севера. Увидите, я *вернусь*!

Адмиралу подобные угрозы казались блеванием овцы — чуточку обидно, но не страшно. Кивнув головой, он дал знак войнам.

Они принялись рубить, повергнув экс-Пачоли на землю, но и жуткие удары — отрубленные руки и ноги, раскроенная голова, — не могли лишить Те Деум'а дара речи.

— Да *будет* отчетность! — булькал он, захлебываясь кровью. — Да явятся страхование и статистика, ревизия и анализ риска! Я *свяжу* мир и сделаю его безопасным. Завтрашний день принадлежит мне!

На этих словах рассеченное тело Пачоли наконец сдалось, и дух бежал. Солово и солдаты заметили дымный силуэт, скользнувший над головами. Пролетая, он обратил в седину рыжие локоны — достоинство скотта. Прощальный привет, должно быть.

Более адмирал Солово ничего не слышал об этом деле.

Примерно столетие спустя в Антверпене купец-текстильщик проснулся утром и обнаружил, что из ниоткуда в голову ему залетела целая куча потрясающих деловых идей (быть может, несколько *однообразных*, но тем не менее вполне разумных). Но к тому времени адмирал Солово, конечно, уже оставил этот мир.

Год 1509

*В постели с Борджа. Пушки и шашки
в Северной Италии. Испытание,
не совсем отвечающее моим вкусам.*

— Ну и как вам показалось?

Лежа в постели, адмирал Солово подпер голову рукой и задумался над вопросом.

— Весьма интересно, — решил он наконец.

— Но ничем не похоже на обычную любовь, так ведь?

— Ну что вы, просто все иначе, — поправил адмирал. — Разве что... людновато в постели, особенно теперь, когда желание ушло.

Лукреция Борджа, герцогиня Феррарская, не торопилась отсылать служанок, прежде всего потому, что одна из них, обученная сапфическому стиху, сонным голосом мурлыкала ее излюбленные строчки:

Иные говорят, что конницы отряд,
Другие наплетут, что войско пешее,
А третьи скажут — весла быстрые
Военных кораблей являют зрелище,
Прекраснейшее на земле людей.
А я скажу — таков любимый.

Она дождалась, пока прозвучали последние трогательные слова, и отослала размалеванных потаскушек из огромной кровати. Адмирал Солово стоически терпел прикосновения перебиравшихся через него молодых женских тел и вежливо благодарил каждую за труды. Девицы торопились,

опасаясь кнута Лукреции — его этой ночью они и без того получили довольно.

Наконец, оставшись наедине с адмиралом, герцогиня одарила его уступчивой улыбкой.

— Итак, — сказала она, — вы нечасто получаете столь теплое приветствие от Феме.

Солово как раз перегнулся через край кровати и убедился, что его сапоги (вместе с укрытым в них стилетом) остались в пределах досягаемости. Лишь тогда он расслабился настолько, чтобы ответить.

— Нет, конечно. Обычно там рассчитывают на мое гостеприимство и предоставляемое без ограничений вино. Поэтому я благодарен вам за ночь роскошных развлечений, которые даже удивили меня.

— Как так? — спросила заинтригованная Лукреция. Адмирал, как ей представлялось, должен был бросить вызов ее постельному мастерству, и Лукреция совсем уж не надеялась на подобную физическую и умственную отдачу.

— Я имею в виду не расширение диапазона моих эротических познаний, как вы можете подумать, — проговорил он, и Лукреция обнаружила заметное разочарование, — но ваш статус, прежде неизвестный мне. Признаюсь откровенно, что никогда не считал вас предводительницей клана Борджа, не говоря уже об участии в Феме. Я старею, теряю наблюдательность.

Течение лет наводило Лукрецию на другие мысли и, остановившись на тридцати годах, она рассчитывала на комплимент своей неувядающей красоте и пылу в постели, однако любезно простила адмиралу его неучтивость. Те же самые годы с

избытком предоставили ей возможность привыкнуть к мужскому эгоизму.

— Обман был полностью преднамеренным, — сказала она. — И я лишь рада слышать о своем успехе. В каждом поколении Борджа кто-нибудь наделен выдающимся честолюбием или целеустремленностью. Папочка, уверяю вас, был неплохим папой, если оставить в стороне религиозные соображения... а бедный покойный Чезаре великолепно пугал людей. Хуан и Жоффре, хоть игодились не на многое, по крайней мере могли размножаться и хранить породу. Я же была призвана руководить, хотя пол и предрассудки века заставляли меня скрывать свою роль. Учитывая все факторы, мы поработали не так уж и плохо, и Феме, похоже, одобрили семейное распределение ролей.

— Это общее мнение Борджа? — поинтересовался Солово, укрывая красными простынями свой срам.

— О нет! — ответила герцогиня, вновь обнажаясь. — Это мой собственный небольшой секрет. К тому же я не принадлежу к числу полностью посвященных, покоящихся в объятиях Феме. Мои христианские верования, крепнущие по мере приближения... словом, с возрастом они не позволяют мне этого.

— Подобное достойно всяческой похвалы, — проговорил адмирал, откидывая голову на пышные подушки. За окном он мог видеть городскую площадь, с которой кафедральный собор св. Георгия смотрел фасадом на «Львиную башню» семейства д'Эсте, где он сейчас находился. Утро было в разгаре, и далекие крики торговцев нарушали идиллию. — Так не хочется прекращать

эту восхитительную интерлюдия, но не следует ли подумать о возвращении герцога Альфонсо?

Лукреция пренебрежительно фыркнула.

— Если он вздумает посетить мой будуар, я умру скорее от удивления, чем от мести рогоносца. Действительно, в первые дни нашего брака он устроил потайной ход между своими комнатами и моими, чтобы застать меня в момент незаконной страсти, однако теперь не пользуется им. Возможно, и к лучшему: я устроила там ловушку. Нет, адмирал, мне нужно вырядиться под пушку, чтобы он проявил ко мне тот интерес, которого вы опасаетесь!

— Да, — заметил Солово, — когда мы с ним познакомились, герцог долго рассказывал мне о своей великой любви к артиллерии.

— Он проводит все дни в пушечной мастерской, которую сам и устроил, пытаясь создать совершенное орудие. Во всяком случае, это служит интересам Феррарского государства, которое он унаследовал и которым я управляю. Наша армия обслуживается хорошо — в отличие от меня.

— Многие знатные дамы позавидуют вашему браку, предпочитая, чтобы их мужья более служили Марсу, чем Венере. Кстати, герцог Альфонсо великолепно сражался, когда нам в прошлом году довелось вместе участвовать в битве при Джаирададде.

— Да, — игриво проговорила Лукреция, — свои дарования он приберегает для сражений. — Заметив, что внимание адмирала отвлеклось, она добавила: — О, прошу прощения за случайный шум...

Солово прекрасно представлял причину шлепанья ног и редких рыданий, послышавшихся над головой. Там, в заключении, томились сводные

братья, Джулио и Ферранте; в две лишенные окон камеры друг над другом они попали пять лет назад после совместного мятежа. Адмирал не знал только того, что братьям предстоит оставаться там, кормясь манной, спускающейся сквозь дыру в потолке, пятьдесят три и сорок три года соответственно, забытыми и ненужными своей семье. Герцог Альфонсо счел забавным разместить мятежников так, чтобы их слышала утрашавшая его супруга.

Аналогичным образом замешанному в заговоре священнику из Гаскони повезло меньше. Поскольку светскому государю не подобало по закону казнить священнослужителя, Альфонсо разместил его в клетке, подвешенной к башне снаружи, позволяя зиме и голоду сделать все необходимое. В отношении гасконца кто-то в замке проявил доброту, бросив в клетку длинный кусок ткани, чтобы тот мог повеситься. И теперь останки все еще пребывали в клетке, омрачая собой открывшуюся перед адмиралом картину.

Располагая подобными свидетельствами герцогского неудовольствия, адмирал Солово все еще полагал, что имеет веские причины страшиться мести Альфонсо. Однако светское воспитание не позволяло ему более обращаться к теме... Отодвинув от собственных мужских достоинств ищущую руку герцогини, Солово выбрался из постели и собрал одежду, опасаясь дальнейших поползновений к близости.

— Во всяком случае, вам муж оказался весьма полезным для нас. Помимо всего прочего, именно феррарская артиллерия решила исход битвы с венецианцами.

— И не только с венецианцами. — Лукреция лукаво улыбнулась.

— Ах, — ответил адмирал, натягивая на ноги трико. — Итак, вы знакомы с отчетом?

— О Те Деум'е и Картотеке? Конечно! Я потребовала от Феме полной информации в обмен на участие в войне против столь могущественного противника, каким является Венеция. Кстати, потом они все время пели вам хвалу — и заслуженно. Действительно, не всякому удастся погасить едва разгорающуюся религию.

Солово, расчесывавший свои прямые серебряные волосы, обернулся лицом к отдыхающей герцогине.

— Как я постоянно утверждаю, — сказал он, — эта «погашенная» свеча однажды может вспыхнуть сама собой. Мы всего лишь сохранили для человека простоту и соразмерную ему цивилизацию на несколько поколений — и не более того.

— Ну, это касается будущего, — проговорила Лукреция, — а у Феме припасены для вас чудеса, которые придется совершить ближе к дому.

— Конечно, речь идет не о Капри?

— О Церкви.

— А я-то *гадал*, когда они осмелятся добаться и до нее! Надеюсь, они понимают, что не могут рассчитывать на мою полную поддержку этой идеи.

— О да, — заторопилась Лукреция. — Мы с вами едины в своей симпатии к Матери-Церкви. И все же пусть Феме попробуют... в этом не будет вреда — они проиграют.

— Ваши слова разумны, мадам, — полностью согласился адмирал. — Сказано: «Не искушай

Господа Бога своего», однако в отношении его земных представителей ничего подобного в Писании не значится. Будет интересный эксперимент.

— Имея дело со столь внушительным соперником, Феме намеревается разделить его, прежде чем победить. Они наметили расколоть Церковь.

Солово решил подкрепиться живительным бокалом вина.

— На святых и грешников? — спросит он, наливая. — Искренне верующих и честолюбцев?

— Точные подробности не были мне открыты, — ответила герцогиня. — Меня лишь известили, что предлагают вам встретиться с двумя персонами. Должно быть, Книга требует вашего присутствия. Они — непосвященные и несочувствующие Феме, просто организация надеется на них. О первом — Феме не требуют, чтобы вы слишком утруждались ради него. Пребывания в вашем обществе уже будет достаточно, чтобы произвести необходимый эффект. Второго же вы должны «развлечь», «расширить его горизонты» — таковы были истинные слова.

— А как насчет имен, мадам? — осведомился адмирал, готовясь уйти.

— А за эту информацию, — прозвучал кокетливый голос, — вы мне заплатите. Я требую, чтобы сперва вы «развлекли» *меня*. Возвращайтесь в постель и «расширьте мои горизонты» и прочие места...

Солово обдумал перспективы и без особого пыла сдался. Есть нечто утешительное, подумал он, когда делаешь с Борджа то же самое, что эта семейка проделала с окружающим миром.

Год 1510

РАСЦВЕТ РЕФОРМАЦИИ И МАЛЕНЬКАЯ ЭКСКУРСИЯ ПАТЕРА ДРОЗА:

*симпозиум о вере, плотском возжелении
и сосисках. Я с чувством вины сею сорняки
в полях нашей матушки
Католической церкви.*

... И тогда папа произнес шутку о «Льве Иуды», ожидая, что я буду смеяться. Анекдот представлял его обнаженным и выкрашенным в синий цвет, и я, похоже, не сумел изобразить убедительного веселья... И теперь опасаясь, что обман не удался. Поэтому по возвращении замолвите перед ним словечко за меня. Письмо это уничтожьте.

Любящий вас брат в монотеизме и меланхолии

Равви Мегиллах

— Ну как там дела у римских евреев? — поинтересовался Нума Дроз. Он размышлял над арбалетом, обдумывая способы повышения летальности, и был достаточно поглощен делом, чтобы обнаружить беспрецедентный интерес к инородцам.

Адмирал Солово беспечно выронил письмо, и ветерок понес его прочь от башни на озаренные луной сельские просторы Тосканы.

— Плохо дело, — ответил он вяло, — но в этом

нет и крохи новизны. С Мегиллаха, как с главы сообщества, содрали львиные деньги.

— И по заслугам, — ухмыльнулся Дроз, открыв бурые пеньки зубов. — А что такое «львиные деньги»?

— Жалованье и расходы *Custos Leonis**, который приглядывает за символическим, но тем не менее живым львом, по традиции содержащимся на Капитолийском холме. Конечно, вы его видели?

— Нет, адмирал, не видел. Я посещаю Рим не затем, чтобы глазеть на его достопримечательности.

Но затем, чтобы убивать кого приказано, подумал Солово.

— Хорошо, по трезвом размышлении подобное отсутствие любопытства нельзя назвать удивительным. Лев ручной, кроткий, почти забитый буйной римской толпой. Поэтому он редко выходит из клетки. Но и в таком случае указанная плата составляет тридцать серебряных флоринов в год — в память о деньгах, которые Иуда получил за предательство Христа, — и посему ежегодно взимается с римских евреев. Вместе со всеми прочими поборами это представляет для них немалую сумму.

— В чем же дело? — проговорил Дроз, чьи возможности в области общения уже достигли предела. — Надо просто прибить его.

— То есть льва? — спросил Солово, несколько озадаченный.

— Почему же нет? — ответил швейцарец-наемник с достойным зависти отсутствием сомнений: — льва, стража, да кого угодно...

* Львиный страж (лат.).

— Приехали, — в праздном удивлении промолвил адмирал. — Вот всеобщее объяснение и средство от всяких хлопот: *убей*.

Нума Дроз изобразил на лице привычную маску честного мужика, затесавшегося среди философов.

— Эта короткая максима всегда превосходно служила мне, — упрямо возразил он.

Солово лишь в крайнем случае взялся бы оспаривать это положение. Капитан Остийской цитадели в двадцать один год, к тридцати послуживший трем папам (устранял препятствия с их пути), ценитель семейного покоя, Нума Дроз занимал самую выгодную позицию в подобном споре.

Молчание, нарушаемое лишь звуками вечной войны между совами и полевками, воцарилось на башне, когда двое авантюристов вновь приступили к бдительной страже и, вглядываясь в безлунную ночь, пытались разобраться в тенях и их оттенках.

Адмирал был склонен никогда более не отверзать уста перед представителем человечества, однако Нума Дроз, невзирая на кровавый путь с Альп до Апеннин, сохранил некую общительность. В его понимании речь и шум свидетельствовали о наличии жизни... отсутствие же их обычно означало, что здесь для него работы уже нет. Отсюда следовало, что продолжительное молчание смущало его. Дроз начинал опасаться, что и он сам незаметно (другой из используемых им трюков) пересечет великий раздел.

— И чего вы возитесь с этим евреем, а? — спросил он наконец.

Солово с некоторым колебанием ответил:

— ... Да, а почему нет?

Нума Дроз игнорировал выпад.

— Есть у нас евреи в кантоне Ури, — промолвил он. — Явились из Гейдельберга, где народ стал задавать им жару. Оставшиеся превратились в злобную шайку друзей кинжала, держатся замкнуто... как и все люди. А враги опасные. Мне они нравятся.

— Напомните, чтобы я однажды познакомил вас со своим приятелем, равви Мегиллахом, — вслух подумал Солово.

— У нас в Ури о евреях так говорят, адмирал, — невозмутимо продолжал Дроз. — Когда возникает какая опасность... ну, мост шаткий или седло колючее... «это, говорят, как еврей с ножом». Хвала это по-вашему или наоборот?

— Осуждение? — спросила молодая леди, появившаяся из дверцы в полу башни; ухватив отголоски разговора, она с горячим интересом присоединилась к нему. — В чем же здесь осуждение?

— Ни в чем, что может привлечь к себе ваше внимание, — буркнул Нума Дроз, поворачиваясь лицом к окружающей тьме. При всем своем легком нраве и вольном поведении дама Каллипия де Маринетти никогда не ляжет в постель с варваром-швейцарцем. Понимая это, Дроз страдал от невыполнимого желания.

— Как вы себя чувствуете, моя госпожа? — с поразительной любезностью осведомился Солово. — Не можете уснуть?

Прекрасная молодая патрицианка дала по ад-

миралу сокрушающий залп очарования и только потом сообразила, что в данном случае ее подмоченный порох бесполезен. Очарование свечкой угасло.

— Я не могу уснуть, — ответила она с раздражением, — потому что мне досаждают ваш англичанин: он даже пытается устроиться спать возле моей двери. Я пришла жаловаться.

— Что-то ей, видите ли, досаждают, — проговорил солдат, появившийся следом за ней наверху. — Или отсутствие чего-то...

— Значит, вы полагаете, что нужно чего-то ждать, мастер Кромвель? — мягко спросил Солово.

— Брр... она сегодня чего-то накличет, — сказал Томас Кромвель. — Уже зажжены огни, их следует погасить до петухов.

Привередливому адмиралу звуки всякой речи, кроме родной итальянской, казались сердитым кашлем, однако он уловил хладнокровие и воспитание в крестьянских интонациях солдата.

— Как вы смеете!.. — воскликнула де Маринетти, должно быть, пятидесятый раз в тот день. Никто не обратил внимания — эти слова уже успели всем надоесть.

Кромвель-то как раз и смел, потому что был при оружии и за границей, а также обладал качествами, полагавшимися сыну лондонского пивовара.

— Эти благородные... посмотришь — так только глаза да ноги, — продолжил он, — но дух скотного двора слышен за версту.

— Да... да, спасибо, — проговорил адмирал Солово, лишь стоицизм удержал его от недопустимого проявления смущения.

— Идет! — прошипел Нума Дроз от парапета, убедительным рубящим движением одетой в перчатку руки велел всем молчать. Кромвель позволил себе извиняющуюся улыбку.

При всей симпатии к диктату страсти в людях адмирал сурово поглядел на де Маринетти. Она пробыла под его опекой всего лишь месяц... что же получится из этой молодежи?

Заметив, что игра началась, Каллипия пожалала узкими плечиками, изображая языческое неведение нравов своего времени и класса.

Они услышали негромкий стук камешка о стекло неподалеку возле стены приорства*.

— Любовь ищет вход (если вы меня понимаете), — шепнул Нума Дроз. — Хотя постель и пуста, он должен запомнить эту ночь.

Впечатляющим своей легкостью движением швейцарец поднялся, прицелился и выстрелил из арбалета. Ночную тишь огласил вой, подобающий концу света.

— Прямо в причинное место! — взволновался Дроз, обращаясь к де Маринетти. — Симпатичный парнишка, но, боюсь, для вас теперь бесполезен.

Дама, с видом более умудренным, чем допускали ее шестнадцать лет, уже спускалась по лестнице. Когда пол башни отсек нижнюю половину ее тела, она повернулась, чтобы ответить.

— Если в том месте, откуда вы родом, — желая поддразнить, Каллипия вновь отпустила порцию искушения, — изучают античных авторов, тогда

* Небольшой католический монастырь.

вы знаете, что есть более тонкие методы достижения блаженства, чем простой блуд. Я намереваюсь немедленно обратиться к ним. Спите спокойно, синьоры, — и ты тоже, швейцарец.

Адмирал Солово (в точности знавший, что именно она имеет в виду) и солдаты, которые могли кое о чем догадаться (в худшем варианте), примолкли. В качестве пленницы де Маринетти оставалось лишь сеять семена, которые прорастут и будут цвести, отравляя своим ядом грядущие времена.

С этим она и отбыла — победительницей.

Сдавленные кольцами нездоровых спекуляций, трое похитителей последовали за ней вниз. Рыдания и стоны на земле приорства продолжались еще какое-то время и вдруг стихли — навсегда.

Чем же я стал, подумал Солово, вспоминая то дитя, которым, бесспорно, некогда был, если нахожу подобные жестокости забавными?

— Как профессионал профессионалу, — проговорил Томас Кромвель, обращаясь на следующее утро к Нуме Дрозу, — советую не предаваться мечтам. Будешь ли ты стрелять столь метко, если у тебя вынут глаза? И зачем дожидаться, чтобы оторвали твои побрякушки?

Дроз понимал, что совет и ко времени, и к добру. И посему оторвал взгляд от удаляющейся мадам де Маринетти, опасаясь того, чтобы операция не была исполнена в буквальном смысле слова.

— Выходит, не стоит связываться — дело скверное?

— Скорее отличное, — кивнул Кромвель. —

Как говорят на Палатине, она настолько изобретательна и бурна темпераментом, что полагает возможным придерживаться моногамии. Это в какой-то мере привлекает самого папу; в конце концов ему приходится соблюдать определенные приличия. Но, увы, дама кипит энергией, а папа Юлий — мужчина ревнивый. Он думает, что пребывание в этой дыре поможет охладить пыл его любовницы ко всем, кроме него самого.

Нума Дроз расхохотался — звук непривычный и неестественный.

— Это при всех новициатках* и нас? Не упоминая уже о том, что здесь у половины знати под штанами торчат арбалетные стрелы.

— А вот «нас» отсюда убери, — Кромвель отрезал точно железом. — В Риме я видел, что сделали с братьями Скрибьяччи за попытку исполнения подобного намерения. Кровь водопадом текла с помоста, и палачу пришлось доплатить. Зрелище самое поучительное, а посему я лично гляжу на эту девицу как на собственную мать.

Нума Дроз признал мудрость такого мнения.

— И кроме того, адмирал назначен ее опекуном, — заметил он. — Остерегайся его, англичанин: он читает мысли и повенчан со стилетом.

— Он наделен завидным самоконтролем, — заключил Кромвель. — И я намерен подражать ему в этом отношении. Тебе тоже следует поступить подобным образом. Иначе, — он наморщил нос, — мы не сумеем пережить эту всепроникающую вонь.

* Послушницы, воспитанницы в монастыре.

— Понимаю, — согласился Дроз. — Действительно пакость. Ненавижу цветы.

Адмирал Солово, прислушивавшийся к разговору, решил, что между обоими его наемниками ничего важного не произойдет. Конечно, в уме он уже учел, что ему, возможно, придется устранить одного из них или сразу обоих, однако в настоящее время этот запасной план — «охлажденный», но готовый к употреблению — мог оставаться в леднике, полном других тонких расчетов. Он отправился дальше.

— Неужели эти двое будут таскаться за мной повсюду? — огрызнулась де Маринетти. — Я даже не могу выйти в сад, чтобы...

— Терпение, — сказала настоятельница, — вот истинная основа счастья. А вот недостаток терпения, пожалуй, может послужить лишь седалищем бед.

— Седалище бед этой девицы, — шепнул Дроз Кромвелю, — ее собственный зад.

Каллипия яростно разглядывала ни в чем не повинную траву и только поручила себя высшим силам, услышав этот выпад. Солово был рад, что может наблюдать за сценкой со стороны, придерживая в резерве собственные внушительные силы.

— Например, — мягко продолжала настоятельница, — потребовалось терпение, чтобы вырастить этот великолепный сад, но за несколько десятилетий мое воздержание принесло превосходный урожай. Оглядишься вокруг, дитя мое.

Безопасности ради де Маринетти коротко оглядела высокие валы цветущих кустов, вытянувшиеся вдоль дорожек. Там, где стены сада встречались

с небом, ее взору представляли лишь звездочки цветов и усики.

— Этого слишком много, — объявила она. Вы заставляете природу перенапрягаться.

Суждение адмирала не было столь строгим. Хотя он выработал в себе эстетическое безразличие (также безопасности ради), но все-таки любил этот буйный сад. Необычайное изобилие укромных уголков делало его раем для убийцы.

— Как вы, должно быть, уже успели понять, — продолжала тихая старая дама, — этот сад — моя гордость и счастье. Он процветает и плодоносит в прямой зависимости от той радости и привязанности, которые я ощущаю, и является таким образом Богом разрешенной метафорой.

— Но это может быть лишь в том случае, — убежденным тоном проговорил мастер Кромвель, — если каждый человек — хозяин своей судьбы. Я слышал, что в Антверпене предполагают, будто Всемогуший запустил в действие универсальный механизм и шагнул в сторону. Мнения различны, но что, если Господь опочил до самого Судного дня? А тогда — мы одни, и это всего лишь буйная растительность, и не более. И что из этого следует?

Настоятельница вопросительно поглядела на адмирала.

— В порядке прихоти, — произнес он, — я позволяю своим помощникам либеральные речи. Это развлекает меня... Впрочем, иногда неожиданно возникает необычная перспектива. Однако, если вы усматриваете в его словах нечто обидное...

— Нет, — любезно ответила настоятельница. —

Пусть он и англичанин, но разум его обнаруживает допустимую проницательность.

Кромвель снова нахмурился, и наблюдательный адмирал заметил, как лик убийцы на короткий миг выбрался из места своего заточения.

— Ну, — отозвался Нума Дроз, — если каждому позволено воткнуть свою пику, я бы сказал, что здесь можно устроить удобное место для обороны приорства: срубить все, что растет, сделать поверху стен платформы и бойницы, и тогда можно продержаться несколько дней против каких-нибудь пиратов или вольных разбойничков.

— Или любовников здешних обитательниц, — ответил Кромвель в холодной ярости.

Настоятельница заговорила немедленно.

— Растительность, — она велела Дрозу молчать, — не будет срублена. Я категорически запрещаю это.

Интонация в ее голосе заставила заново очнуться всю маленькую группу. Де Маринетти поглядела на настоятельницу, быть может почуяв слабое место, на котором можно сыграть. Солово пришлось подавить вспышку удивления. Солдаты, услышав повышенные голоса, непроизвольно вытянули руки по швам.

— Это единственная прихоть, которую я позволяю себе, — продолжала она в порядке объяснения. — Во всем, что вне этого сада, я подчинилась Богу свою волю; но сюда я возвращаюсь, чтобы перестроить свои ряды. Господа, я надеюсь, вы оцените эту военную метафору...

Они кивнули.

— Красота утаенная потеряна, — заметила де Маринетти.

— А без ограничений красота пропита и проедена, — возразила настоятельница. — Чувства надлежит укрощать и содержать впроголодь, как льва в парке развлечений.

Адмирал явил искреннее согласие и с удовольствием обратился памятью к тем временам, когда сам был только рабом чувств: до трагедий и опыта, до Марка Аврелия и стоицизма.

Лишь Кромвель казался недовольным победой настоятельницы.

— Я слышал, что в еврейских писаниях говорится: перед престолом суда каждой душе придется ответить за пропущенные удовольствия.

— За каждое *недозволенное* удовольствие, — поправила настоятельница. — Наемник, цитирую правильно.

— Ну а дозволенное, — весело произнес Кромвель, — различается, если переходить от секты к секте.

Годы и скорбь отделяли настоятельницу от опасной энергии англичанина, и она не могла обвинить его в этой выходке. *Христос*, вспомнила она, *находится в каждом человеке... только иногда в неузнаваемом облике.*

— Меня радует, — проговорила она, — ваше знакомство со Священным писанием. Как могло мне показаться, Всемогущий не играет чрезмерно большой роли в вашей жизни...

— Тем не менее, конечно, не отвергая Господа, — ответил Кромвель (и все закивали, подчиняясь формальностям века), — нам легче представить Его

находящимся где-то вдали. Можно видеть в Нем основу пристойного общественного порядка, но только не руку, управляющую людьми. На мой взгляд, мы можем считать себя сиротами, одиночными в этом мире... ну а раз так, каждый должен идти только своим путем.

Настоятельница явно не была задета, и это только еще больше распалило Кромвеля.

— Если бы я не знала, что Спаситель мой жив и однажды вновь ступит на Землю, жизнь стала бы... невыносимой. У нее не было бы никакого смысла.

— Ну почему он должен существовать? — выкрикнул Кромвель, еще более возбуждаясь. — Каким образом мы с нашей ничтожной перспективой должны видеть какой-то смысл? Я не вижу необходимости в существовании ада, рая, да и смысла тоже. Мы обитаем в могучей Вселенной, настоятельница, и для нас этого более чем достаточно.

Адмиралу Солово разговор давно уже был неинтересен, да и настоятельница сохраняла покой. Тем временем, сверху или снизу глядя на всю эту философию, Каллипия де Маринетти подмигнула Нуме Дрозу и переступила своими бесконечными ногами. Игнорируя всякие мысли о раскаленных докрасна щипцах и ноже палача, Дроз отвечал тем же, как подобает крохотной твари, хватающейся за любой быстротечный момент, предоставленный ей жизнью.

— Итак, все они срезаны? — спокойно спросил адмирал Солово.

— Все до единого, — ответила взволнованная новициатка. — И она не встала в обычное время. Сестры встревожены.

Де Маринетти опустила утешающую (возможно) ладонь на плечи юной монахини и погладила ее руку.

— Никто не думает, что вы в ответе за это, моя очаровательная, — проговорила она. — Мы можем подозревать кого угодно, только не вас.

— И не меня! — запротестовал Кромвель. — Я способен на многое...

— Точнее, на все, — поправил Нума Дроз, выражая мнение профессионала.

— Но не на мелкую месть, — настаивал Кромвель.

Адмирал поглядел на наемника, пронзая его серыми глазами. Последовал неприятный момент. Наконец, завершив внутреннее обследование, Солово удовлетворился.

— Я верю вам, — сказал он. — Однако, учитывая эти непрекращающиеся дебаты с настоятельницами в течение последних двух недель и ваше явное нежелание смириться с поражением, легко простить наше первоначальное заблуждение.

— Я не причинил бы зла не только настоятельницам, — держался своего Кромвель. Внимательный взгляд адмирала уже усматривал слабое сияние над его челом, — но и любой пожилой даме.

— Если только этого не потребует дело, — вновь пояснил Нума Дроз.

— Естественно, — снизошел Кромвель.

— Тогда отлично, — проговорил Солово. —

Петля подождет... какое-то время. Пойдемте, сначала изучим свидетельства.

— Но для вопросов может не оказаться причин, — прокомментировал Нума Дроз. — Старые дамы нередко поздно встают. Моя прабабушка...

— Нет, — уверенно заявил адмирал. — Здесь стало теснее, я чувствую это. Она ушла.

Слова его разом решили вопрос, и все поднялись из-за стола.

— Оставайтесь здесь, — обратился адмирал к новициатке и, заметив хищный огонек в глазах де Маринетти, добавил: — И все же лучше вам пойти с нами; хватит с вас приключений на сегодняшний день.

Сад был пуст... зеленая могила обезглавленных стеблей.

— Сколько же часов терпеливого труда, — удивилась Каллипия, — потребовалось, чтобы срезать и собрать каждый цветок. Безусловно, это работа или ненависти, или любви...

— Чувства, связанные весьма близким родством, — прокомментировал адмирал, позволив себе нотку пренебрежения на первом слове. — А где располагается опочивальня настоятельницы? — осведомился он.

Новициатка указала на внушительную преграду в конце погубленного сада.

— Грубую силу, будьте любезны, — обратился адмирал к Нуме Дрозу.

Огромный швейцарец немедленно прибег к помощи кованого сапога; дверь треснула, не выдержав насилия. С контрастирующей мягкостью

он высвободил пострадавший засов. Дверь распахнулась.

Адмирал Солово вошел в келью, как Мехмед-Завоеватель в Константинополь. Остальные следовали за ним с опаской, подобно ученикам у Гробницы Воскресшего.

Гроб сей не был пустым. Настоятельница, оставив мир позади, спокойно сидела в кресле возле постели, окруженная своими собранными земными радостями. Повсюду, где только можно было, стояли чаши и вазы, полные цветов, даже пол и постель были густо усыпаны ими, так что обычно скудная и строгая келья в тот день просто полыхала многоцветием красок.

Пока его помощники и последователи дивились, пытаясь запечатлеть в памяти увиденное, чтобы вспоминать в преклонном возрасте, Солово предпринял недолгий розыск и обнаружил незапечатанный конверт, прислоненный к полному цветов умывальному тазу.

— *Я услышала зов*, — бесстрастно прочел он собравшимся свидетелям, — *и послушно покоряюсь ему, не желая ничего оставлять за собой. Мой Спаситель жив, я это знаю.*

Томас Кромвель вздохнул.

— Последнее слово, как всегда, оставалось за ней, — с горечью сказал он.

— Должно быть, она ощутила на себе тяжелую руку времени, — предположил Кромвель, — и не ошиблась.

Адмирал Солово сделал ход, которым обрек ладью Кромвеля на верную гибель.

— Думаю, со старыми друзьями не прощаются так, как это сделала настоятельница. Представьте себе, каково ей было бы проснуться на следующее утро!

— Быть может, она приняла яд, чтобы избежать позора, — терялся в догадках Кромвель, кривившийся над доской и не желавший признать поражение.

— Нет, — ответил Солово, разглядывая опустошенный сад. — Я немного знаком с искусством отравителя. Настоятельница отбыла, повинуюсь зову одной лишь природы.

— И ее видели снова! — пискнула госпожа де Маринетти. — Этим утром! Одна из новициаток сказала мне.

— Я тоже слышал об этом, — проговорил адмирал. — Похоже, она сохранила интерес к своему бывшему саду.

«Бывшему» — точное слово. Измученный скукой и похотью, Нума Дроз заставил повиноваться самых стойких монахинь, превратив сад, как и намеревался, в цитадель. За одну короткую неделю все растения исчезли, уступив место щебенке.

— Мертвые, — Кромвель сплюнул, — уходят, и, конечно, незачем им возвращаться, чтобы смущать нас. В этом их огромное достоинство. И этого требует правильный порядок вещей.

— Как так? — спросил Солово, являя вежливый интерес к государственным соображениям солдата.

— Ну, подумайте, что будет, — ответил англичанин смело и уверенно, — если каждый казненный своим господином будет возвращаться, чтобы осмеять его решение? Что будем делать, если

каждый висельник потом будет изображать, что суд был неправым? Нет, адмирал, тогда начнется просто метафизическая анархия!

Солово решил, что подобная ситуация скорее понравилась бы ему, и высказался в пользу открытой в обе стороны могилы.

— К тому же, — продолжал Кромвель, — смерть этой женщины облегчало ожидаемое доказательство собственной правоты. Не сумев пробудиться к жизни вечной, она должна была, если только имела такую возможность, пережить крушение собственных фантазий. Однако, увы, она не способна на это, потому что я прав, а она мертва.

Тут де Маринетти охнула и ткнула пальцем в воздух. Адмирал Солово улыбнулся, а Кромвель подпрыгнул, подбросив в воздух доску и шахматные фигурки.

Настоятельница скользила вдоль одной из стен, прикасаясь к незримым цветам и нюхая их. Они видели старую даму как сквозь серую вуаль... фигура ее мерцала, словно бы она то и дело проходила врата между ее миром и реальным. Присутствия адмирала и его людей монахиня будто не замечала. Наконец, она вступила в некую часть параллельного мира, невидимую человеку, и исчезла подобно погашенному огоньку свечи.

Каллипия де Маринетти глубоко вздохнула и провела руками по шелковому платью.

— Вот уж не думала, — мурлыкнула она, — что испуг может быть столь восхитительным.

Томас Кромвель был настроен менее оптими-

стично. Он глядел вслед видению, не скрывая жестокости.

— Все это я воспринимаю как оскорбление, — проговорил он негромко.

— Когда тебя преследуют духи, — сказал адмирал Солово, — важно стоять смирно.

— Что? — гневно огрызнулся Кромвель, с трудом отрывая свой взор от настоятельницы, которая вновь приближалась, обходя исчезнувшие клумбы. — *Смирно?* Как это понимать?

Солово со смирением пропустил мимо ушей неуважение подчиненного, посчитав его результатом перенапряжения. Более двух недель призрак определенно изводил Кромвеля как частыми появлениями — иногда в самый неудобный момент или минуты уединения, — так и их последствиями. Англичанин вбил себе в голову, что все, даже смешливые новициатки, смеются над ним.

— Я хочу сказать, — терпеливо принялся пояснять адмирал, — что видения допускаются к нам через особые врата. Если проследить за ними с помощью нашего кривого зрения, они мимолетны и случайны. Одно мгновение ты видишь его, а потом оно вдруг исчезло, чтобы вновь объявиться в другом месте. Соответствие измерений между нашим миром и... тамошним не является ни точным, ни предсказуемым. И если ты примешься двигаться в подобный момент, то рискуешь угодить в иные края. Кто может сказать, какая жуткая пасть незримо может разверзнуться на расстоянии простертой руки возле него?

Но Томас Кромвель зашел чересчур далеко,

чтобы прислушаться к мудрым словам. Будущий канцлер Англии общался со своим подсознанием, возвращаясь назад на годы и сливаясь с корнями. До него доносились свирепые советы саксонских предков-язычников. Даже Король-Честолюбие не мог совладать с ветрами, что дули из этих глубин и краев.

Глаза его сузились, и руки, что в будущем закроют монастыри в своей отчизне, сжимались и разжимались в бессильной ярости. «Можа и так, — сказал он, ни к кому особенно не обращаясь. Аккуратный придворный язык сменился диалектом более густым и быстрым. — Только, по-моему, меня осмеивают! *Похоже на то*, и я сыт этим по горло!»

Англичанин извлек потайной зазубренный кинжал, который Солово заметил еще при первой встрече, и бросился на мерцавший силуэт настоятельницы. Адмирал был достаточно заинтригован: во-первых, Кромвель оказался солдатом настолько, чтобы унизить свой гнев до услужливой жесткости, во-вторых, ему было интересно проверить собственную теорию. Тут англичанин исчез из виду, словно проглоченный.

В первый раз после смерти, обнаружив интерес к этому миру, настоятельница медленно повернулась к адмиралу и торжествующе взывала. Подобный звук едва ли удался бы ей при жизни... для смертного горла в нем было слишком много октав. А потом — на миг, должно быть, — глаза ее вспыхнули огнем.

Но, несмотря ни на что, Солово намеревался следовать собственному совету. Не желая идти за

Томасом Кромвелем в потусторонние миры, он только прочнее взялся за ручки кресла, не меняя позы.

Затем весь долгий день адмирал был невольным свидетелем преследования Томаса Кромвеля по всей новой обители настоятельницы. Никто более не заходил в опустошенный сад, повинуясь резкому приказу Солово. Только Нума Дроз терпеливо обретался возле дверей, рассчитывая дожждаться зова о помощи от своего работодателя. Тяжело и жутко тянулось время кровавой процедуры, однако, как выяснилось потом, лишь для отвода глаз...

Прежде чем стих звук многоголосого воя, настоятельница поторопилась исчезнуть. В нескольких ярдах вдруг открылось другое окно, и Солово увидел, как она несется по коридору — в совершенно неподобающей старой даме манере — и в конце его стоит Томас Кромвель.

Оба столкнулись в хаосе развевающегося черного повседневного платья монахини и нарядных одежд наемника. Белый как кость, но решительный Кромвель мастерски — снизу и внутрь — нанес смертельный удар под грудину. Не встречая сопротивления, нож двигался вверх и вверх, за ним следовала вся рука Кромвеля. Без ущерба пронзив настоятельницу, он остолбенел. Тогда она расхохоталась и выколола ему правый глаз ногтем.

И снова видение померкло.

Так продолжалось все время. Еще несколько раз Кромвель пускался в драку, кинжал его безрезультатно пронзал призрак, сам же он пре-

терпел не одно прискорбное ранение. Ну а потом — началось его бегство.

Личный рай — ад или чистилище — настоятельница изобиловал неопределенными белыми ландшафтами. Адмирал Солово видел холмы и равнины, интерьеры комнат той же тусклой расцветки. Иногда покрытый алой кровью Кромвель искал убежище внутри здания и отдыхал, задыхаясь и припав к стене. Но вскоре срывался с места, подгоняемый пронзительным голосом настоятельница.

В другие же моменты, казалось, по прошествии долгого времени, он улепетывал через предгорья или снежно-белые болота, спасаясь от преследующих, острых как бритва ногтей. Неземные вопли настоятельница разносились над скучным пейзажем, вырывались из ворот, отдаваясь в ее прежнем саду. Их нес холодный ветер, теребивший серебряные волосы адмирала, прихватывавший и звуки печали, и запах отчаяния.

Во время одной из менее драматических интерлюдий Солово вспомнил, что рассказывал ему оттоманский башибузук (естественно, под пыткой). В раю, утверждал он, дозволено все запрещенное на земле: вино, мальчики, красноречивая картинка на стене. Вечное пьянство было наградой за прижизненное воздержание.

Для себя адмирал решил, что сохранит полный самоконтроль и за гробом (стоицизм — понятие абсолютное), но другие... Их эта идея могла привлекать. Так и настоятельница, прожившая в покое и мире три двадцатилетия и еще десять лет, могла наконец воспылать мщением. Конечно,

ее-то хранилища подавленной агрессивности давно были переполнены. На деле Солово был чутьочку разочарован, и его решение держаться поодаль от того мира только окрепло. Если все это она вытворяла, сорвавшись с поводка, какую же роль на самом деле играла добродетель в ее жизни? Воистину неприятная мысль.

Все — или же начальная стадия — завершилось ранним вечером по времени адмирала. Для бедолаги Кромвеля, должно быть, прошел не один день или даже неделя.

Заморгали, открываясь, неправильные порталы, и на покинутой городской площади, освещенной луной того мира, в котором оставался Солово, адмирал увидел, как Кромвеля загнали в угол... а потом отвел глаза, пока настоятельница сдираала кожу с вопящего солдата.

Завершив сие деяние, она завернулась в кровавую шкуру и устремилась к вечности, полной новых злобных проказ. Солово более не видел ее, разве что в снах.

Управлявшие представлением таинственные приливы сместились и затворили окна. Кромвель оказался низвергнутым на землю к ногам адмирала: обнаженный, но невредимый... и чудесным образом живой.

Менее благодарный, чем следовало бы, Кромвель, пошатываясь, поднялся на ноги и ощупал грудь и руки, явно опасаясь, что ему только кажется, что они на месте.

— Я снова целый! — выдохнул он.

— Почти, — мягко ответил Солово, — если

забыть про скрещенные папские ключи, которые она вырезала на твоей заднице.

Кромвель едва не обернулся, однако к нему уже возвращались высшие чувства, подобные достоинству, и он сдержал себя.

— Я подозреваю, что это изображение может остаться, — заметил Солово, не понуждаемый к тому обстоятельствами.

Кромвель кивнул.

— Но я буду отмщен.

Солово улыбнулся.

— Каким образом? Настоятельница находится вне пределов твоей досягаемости.

Теперь уже улыбнулся Кромвель, являя большую холодность, чем когда-либо прежде. Раньше честолюбие его не имело цели, но сейчас оно обрело миссию, укрепившую и направившую его десницу до конца дней.

— Адмирал, она оставила здесь заложников, — сказал Кромвель, обнаженной рукой обводя все приорство, — все, что она любила: кирпичи и цемент, институты и культуру, весь образ жизни. Этими средствами я отомщу ей: удар за удар, рану за рану, и пусть она смотрит, не имея возможности помешать мне. Я честный человек, Солово, — в собственном понимании — и отплачу ей с процентами, попомните мои слова!

Так Солово и сделал, попутно отметив простоту и невинность цивилизации, более молодой, чем его собственная. Он твердо верил, что Кромвель исполнит обет. Еще адмирал полагал, что, хотя история уже отлита в металле, протестующие

стоны тех, кого она раздавила, должны быть услышаны.

Вслух же Солово сказал:

— Но, учитывая грядущую жизнь и все ваши прегрешения, признайте, ведь настоятельница *права*?

Кромвель поглядел на башню приорства, умственным взором окидывая бригады разрушителей и светских наследников.

— Права, — согласился он. — Но это лишь усугубляет дело¹⁴.

— Он отнял у каждого из нас последнее утешение — сосиску! — Монашеская физиономия горела негодованием под лучами римского солнца. — Можете ли вы представить себе подобное!

Пробужденный отталкивающей картиной, рожденной таким заявлением, Солово заставил себя обратиться к слуху.

— Прошу прощения?

— С незапамятных времен, преосвященный адмирал, — проговорил монах жалостным голосом, — каждый брат ежедневно получает свиную сосиску с кровью. Мы, германцы, любим такие. Столь интимно потребляя сырые компоненты недавно существовавших тварей мы приближаемся к сотворенному Богом циклу существования. Но фон Стаупиц теперь лишил нас этого рациона!

— Сосиску нашу насущную даждь нам днесь? — ухмыльнулся Нума Дроз, громоздкий и нелепый в священническом облачении, словно лев в митре.

Монах не знал, с одобрением или осуждением

нужно воспринимать эту шутку, и решил склониться к первому варианту.

— Именно! — согласился он. — И это еще не самое жуткое из его деяний. Представьте себе, он разбавляет водой пиво.

Глаза патера Дроза — злые, как у козла, — вспыхнули желтым огнем.

— Ну уж только не *это*! — сказал он. — Советую, возвращайтесь в Эрфурт и сделайте сукиному сыну «кровавого орла»!

Монах был явно встревожен хлынувшим потоком подобной «симпатии».

— О, понимаю... а что это такое?

— Кровавый орел? — отозвался Дроз. — Эту штуку изобрели викинги, а я всегда симпатизировал их старым добрым нравам. Сперва кладешь своего мужика — бабу тоже можно — лицом вниз и режешь спину до ребер. А потом берешь за кость и выворачиваешь наружу. Ну, как орел крылья распустил, понятно? Некоторые могут так протянуть несколько часов.

Поскольку монах затруднялся с ответом, Дроз истолковал его ошеломленное — с открытым ртом — молчание как одобрение.

— Значит, понял! — заключил он. — Правда, простая штука?

— Я же предлагаю вам, — вмешался Солово, заставляя себя вновь овладеть ходом событий, — пойти и поесть. Вот флорин. Вон там обитает ремесленник, обрабатывающий мясо убитых животных. Ступайте и ешьте кровавые сосиски, пока не кончатся деньги.

— Но, адмирал, — возразил монах, — сейчас я не голоден и...

— Я настаиваю, — сказал Солово так, что и Нуме Дрозу захотелось броситься за сосиской. — И не возвращайтесь, пока не будете сыты. В противном случае я сочту, что все ваши жалобы на дурное обращение столь же пусты, как и монастырская кладовая.

Монах заглянул в глаза адмирала и узрел в них пейзаж, истерзанный и вовсе не благосклонный к нему. Он подскочил и испарился, подобно гончей.

— Итак, брат Мартин, — обратился Солово к оставшемуся монаху, — быть может, теперь вы получите возможность говорить. И что же вы скажете мне обо всем этом?

— По-моему, лучше промолчать, — отозвался рыхлый застенчивый немец.

— Простите, а вот этого не дозволено, — разом подвел итог адмирал. — Его святейшество снисходит к жалобам вашего ордена на нового главного викария. Мы обязаны и занять, и просветить вас. Мы не можем ничем занять молчуна.

— Ага, именно так. — Дроз сверлил монаха своим жутким взглядом. — Расскажите нам о родимых тевтонских дурачествах, о которых я так наслышан... поговорим о сосисках, рослых бабах, о том, как подшутить над жидом; словом, о том, что вам интересно.

— Это мой первый приезд в Рим, — запинаясь, произнес брат Мартин. — И я чуточку перевозбужден, к тому же устал, да, очень устал. Быть может, если я отдохну и...

— Нет, — проговорил Солово столь же решительно, как и прежде. — Скажите, а что вы думаете о римлянах?

Монах обнаружил большую стойкость, чем предполагало первое впечатление. Лицо его буквально отвердело, а латынь приобрела жесткость, не характерную для языка его отечества.

— Все вы — сытые люди. Я никогда не видел, чтобы столько людей покорялись зову плоти.

Адмирал Солово опустил подбородок на руку.

— Да... Это точное определение.

— За исключением присутствующих, — добавил монах, не из страха, просто из вежливости.

— Я сожалею о подобной предвзятости, брат, — промолвил Дроз с жуткой улыбкой, которая для Солово означала, что в этот день некто обязательно пострадает где-нибудь в городе. — Но каждому дозволяется иметь собственное мнение, так я слышал.

Адмирал заказал новую бутылку из винной лавки, и ее скорое появление сгладило неловкость. Прежде чем задать вопрос, он попробовал содержимое.

— Итак, с приходом нового главы августинцев для вашего ордена наступили трудные времена?

На деле Солово превосходно знал, что так оно и было. Иоганн фон Стаупиц — томист*, член недавно модного «общежитийного братства» и, самое главное, фемист — взят был специально ради этой работы. В итоге в германских учреждениях ордена недовольство бурлило на пределе

* Последователь Фомы Аквинского.

открытого взрыва. Двоих красноречивых (среди подобных себе) братьев отправили, чтобы поведать Риму общие скорби... вышло так, что среди них оказался брат Мартин Лютер. Это как раз его селекционеры Феме сочли готовым для восприятия влияния Рима и общества адмирала Солово.

— Я бы сказал так, — ответил теперь Лютер. — Жизнь монаха должна быть суровой, но я нигде не слышал, чтобы она заодно была и несчастной. И если позволите, скажу еще, что фон Стаупицу приказали утнетать нас по каким-то только ему известным причинам.

Не зная, чему удивляться — проницательности монаха или грубой работе Феме, — адмирал пододвинул к гостю бутылку.

— Надо выпить, — проговорил он самым рассудительным тоном. — Вино притупляет в человеке все, что ощущает скуку и боль, оно открывает для радости наше внутреннее «я».

— Жизнь — дерьмо, пей и забудь, — добавил патер Дроз, пододвигая емкость еще ближе, так что она уже грозила упасть на колени Лютера.

Как ни странно, монах оценил последние слова и был ими убежден. Поглотив вино мощным содроганием глотки, он облизнулся и тыльной стороной пухлой руки стер влагу с губ.

Солово испытал одновременно и облегчение, и отвращение. Даже пираты, которых ему случалось знать, не потребляли оглушающую рассудок жидкость столь недостойным образом. Вино, как считал адмирал, было могучим оружием против человека, потребляющего сей напиток как пиво. Теперь бастионы, защищающие рассудок монаха,

взломаны и он открыт для восприятия новых идей и ощущений.

— Ну хорошо, — проговорил Солово, собирая перчатки и письменный прибор. — Пока ваш коллега принимает блаженную смерть от тысячи сосисок, мы можем отсутствовать. Чем бы вы хотели заняться?

Лютер огляделся, символически впивая могущественный город, некогда дом императора, а теперь ось веры. Первый натиск алкоголя открывал беспредельные возможности.

— Мне бы хотелось, — сказал он, — сходить в... церковь.

Так на глазах адмирала приличия одержали временную победу, воспользовавшись недолгим замешательством. Это ничего не значило. Учтены были и подобные случаи...

Для того чтобы Нуму Дроза одеть как подобает священнику, потребовались уйма денег и обещание дополнительных милостей. Мало того, что он был невысокого мнения о ткани, так еще и не хотел расставаться со своими радужными шелками и пышными шляпами.

Адмирал Солово наконец выиграл сражение, однако сопротивление было отчаянным. Среди знакомых адмирала не было клириков ростом в шесть футов и восемь дюймов*, и поэтому ему пришлось заказывать подобное облачение втайне, что привело к дополнительным расходам. Но все эти сложности казались сущим пустяком по

* Чуть более двух метров.

сравнению с тем, что требовалось, дабы заставить наемника вести себя хотя бы в приблизительном соответствии с образом.

Однако новое дело все больше привлекало Дроза, начинавшего получать удовольствие от пантомимы. Прослушав мессу в церкви Кающейся св. Марии Египетской, он сидел с Лютером и адмиралом возле заведения неаполитанского булочника и трактирщика, наслаждаясь дневной пищей¹⁵ и приглядывая за бурной жизнью соседнего Борделлетто.

— Я наслаждался службой, — проговорил Нума Дроз. — Она словно ножом заколола пелагианскую ересь.

— Далась тебе эта самая «кафоличность», — заметил Лютер.

— Ну, знаешь ли, в церкви в ладоши не хлопают, — ответил швейцарец, давая Солово возможность поразмыслить над своей внутренней сутью. — Смотри. Все это напомнило мне одну беседу с пленными яныгчарами. Клянусь: половина их отреклась от ислама не сходя с места!

— А другая половина? — поинтересовался Лютер.

— О, этих мы, дружище, насадили на колья! — Дроз вдруг вспомнил, кого он должен изображать. — Это я про то, как они поступают с нами... к тому же все они отступники.

— Яныгчар, — пояснил Солово, обращаясь к монаху и рассчитывая, что маленькая интерлюдия пойдет тому впрок, — набирают из христианских детей; этим налогом облагаются все территории,

покоренные оттоманами. Воспитанные как фанатичные мусульмане, они служат в гвардии султана.

— Я слышал о них, — ответил Лютер, — но сомневаюсь, можно ли здесь говорить об отступничестве. Вступать на путь к спасению следует лишь в зрелые годы.

— Неужели? — невинно осведомился Дроз. — Ну раз ты так утверждаешь.

Монах обнаружил некоторое замешательство, однако же дал ему пройти. Его явно больше волновала близость церкви, которую они только что посетили, к кварталу мигающих красных фонарей. Адмирал отметил, куда был обращен его пылающий взгляд.

— Вас что-то смущает? — спросил он.

— Не знаю, — ответил монах, морща чело. — Видите ли вы то, что вижу я?

Солово и Нума Дроз послушно повернулись, но ничего неподобающего не увидели. Лютер повернулся к ним в некотором возбуждении — не совсем невинного происхождения, по мнению адмирала.

— Я только что видел мужчин, открыто совокупляющихся с женщинами легкого поведения, — возмутился монах. — Поглядите! Вот они. Их следует выпороть!

— Ну, — добродушно заметил Дроз, — это сделать несложно, хотя и будет кое-чего стоить!

— Нет, нет и нет! — сказал монах. — Я имею в виду это открытое... общение, и еще возле церкви. Только подумайте, все это рядом с домом Господним, где горят лампы перед телом Христовым. Как они смеют творить подобные пакости!

— Этим путем и вы попали сюда! — произнес невозмутимый Солово.

— Вы хотите сказать, что моя мать... — взревел Лютер, вскакивая на ноги.

— Мое замечание касалось лишь механики этого акта, а не ваших предков. Вы слишком нетерпимы к требованиям человеческой природы в городе, где достопочтенные люди стремятся жениться попозже.

— Я смертельно поражен вашими словами, — ответил Лютер, сотрясаясь от негодования, и снова сел.

— Похоже, у меня необычайные способности к этому, — заявил адмирал.

— Итак, вы *допускаете*, что... — перебил его монах, — еще ощущая вкус облатки во рту...

— Нет, — проговорил Солово раздражительным тоном, давая понять, что не желает присоединиться к подобной волне эмоций. — Я не допускаю того, что вы думаете, однако и в противном случае было бы немного позора. Дело всего лишь в том, что в своих вкусах я более сдержан.

— И целеустремлен, — добавил откровенный Нума.

— Я имел в виду, — продолжал адмирал, — одну из своих первых обязанностей на службе его святейшества, когда мне пришлось составлять «общественный реестр». В частности, для этого следовало пересчитать всех шлюх, занимающихся в Риме своим ремеслом; однако по лени своей я сдался, когда семь тысяч охотно назвались этим именем. И это — прошу отметить — в городе, где

обитает пятьдесят-шестьдесят тысяч душ. В конце концов, опасаясь оскандалить как его святейшество, так и потомство, я указал в отчете лишь примерно четырнадцать сотен истинных профессионалок. Из этого числа примерно пять сотен составляли чужеземки, для того и привезенные в город. И поскольку было ясно, что ни одна из сих «несчастливых» не умирает с голоду, следовало признать, что клиентуры у них хватает. Ну а раз так, грех, столь универсально распространенный, можно и не считать таковым.

Прежде чем Лютер успел указать, что убийство и кражи практикуются не с меньшим размахом (но это их вовсе не оправдывает), адмирал дал знак Нуме Дрозу приступить к своей роли. Отточенное взаимодействие поймало монаха врасплох.

— В любом случае, — начал Дроз-проповедник, — я слышал такую теорию. Целью полового акта является размножение, правильно?

— Да, — с опаской согласился Лютер. — Так учит Церковь, основываясь на естественном законе.

— Итак, половой акт рождает плод, и всякое оплодотворение сексуально. Тогда выходит, — торжествующе промолвил Дроз, радуясь, что запомнил все как надо, — что всякий акт, исключаящий зачатие, не является сексуальным. Если ты прибегаешь к предосторожностям или к методике, которую предлагают наиболее бойкие дамочки, тут никаких детей быть не может, а потому этот акт не половой, а стало быть, и не греховный. Понял?

— Э... — ответил Лютер, жутко хмурясь. Солово видел, что монах ох как *хотел* принять этот радикально пересмотренный естественный закон,

но упрямая честность снова и снова возвращала его к дефектам предлагаемого варианта. Однако скоро он сумеет провести через одну из этих дыр запряженную четверкой колесницу. Поэтому адмирал уже подготовил для монаха некоторые предложения, когда — и если — он выберется наружу. Солово не намеревался расходовать впустую результаты скучных часов, потраченных на натаскивание Нумы Дроза к первому в его жизни абстрактному поручению.

К счастью, в тот самый момент, когда все находилось в состоянии равновесия, сказалось влияние истолченных грибов, тайно подмешанных в выпитое Лютером вино. Адмирал просто хотел, чтобы монах держался посвободнее и приветливее, а для того, кто провел два десятилетия в обществе Борджа, добраться до питья доктора Лютера не представило труда. Шедшая мимо путана привлекла внимание монаха не имеющими предела ногами в золотых чулках; деяние сие было повторено ею трижды... и мир переменялся.

Лютер новыми глазами глядел на Солово и Дроза, свежий живой огонек оживлял его узкие глаза.

— Я понимаю вас, — медленно проговорил он. — Никогда не думал об этом подобным образом. Значит, вы *можете* утверждать, что существенно намерение, а не деяние, так?

— Совершенно верно, — ответил адмирал, не слушая более ничего; его работа была сделана.

— Я хочу сказать, — заторопился Лютер, — что, если был монах, достойный Царства Небесного, так это именно я. Я делал свое дело,

расплющил колени в молитве, целыми днями обходился без пива и сосисок, чтобы спасти свою душу.

— И провел всю жизнь без этого розовенького мясца, — насмешничал Дроз. — Стоит ли удивляться тому, что ты так утомлен ею.

— Ты прав, — согласился монах. — Надеюсь, Господь будет более милостив, чем люди... даже люди могут простить *все что угодно*. И пока ты веришь...

— Праведник должен жить верой, — вслух промолвил Солово и, захватив внимание химически обработанного разума монаха как раз в нужный момент, этими словами непреднамеренно заложил угловой камень всей новой теологии. Так неведомо для адмирала родилась идея, которая надвое разделит Европу и заставит потрудиться Мрачную Жницу.

— Правильно! — завопил Лютер, подскакивая от волнения. — Оправдание одной только верой... Ооо-вии! — Он ударил по воздуху и мастерски повел бычьими бедрами, за четыре столетия предвосхищая Джеймса Брауна, «крестного отца души».

— Мнеееееееееее хooooooooooooooooooooоооо! — запел он, и оказавшиеся поблизости дамы воззрились на него.

— Благодаря вам, как я думаю, — обратился Солово к Дрозу. Дела шли жутко хорошо... на второй-то стадии плана.

— У меня есть кое-какое дело, — объяснил адмирал пляшущему германцу. — Однако патер

Дроз приглядит за вами во время этой маленькой прогулки. Он прекрасно справится с поручением.

— Именно, — прогрохотал швейцарец, радуясь тому, что действие переходит к знакомым ему областям. — Не беспокойся, я прихватил запасную шпагу...

Ни в коей мере не желая быть свидетелем духовного запустения, которое Нума Дроз называл весельем, адмирал Солово отправился домой и приступил к делу, которым занимался, когда его не видели. Он ожидал неизбежного.

Оно явилось на рассвете в виде офицера бургундской стражи.

— Не будет ли достопочтенный адмирал настолько добр, — попросил тот, озадаченный и довольный тем, что Солово, казалось, ожидал одетым его прихода, — чтобы посетить замок Святого Ангела и засвидетельствовать личность двоих смутьянов, имеющих наглость претендовать на знакомство?

Умудренный в этом мире настолько, чтобы не брезговать призывом простого наемника, адмирал Солово последовал за ним. В Палаццо дель Сенаторе он подождал, пока горизонт расчистился, и презентовал содержимое своего кошелька нищенке, скрючившейся в дверях. А потом заторопился прочь, дабы никто не заметил столь позорного деяния. Негоже компрометировать с таким трудом приобретенный в глазах общества облик, позволяя публике узнать о своей бесцельной доброте. Кто-нибудь из врагов мог бы заподозрить,

что адмирал становится мягок, и предпринять ход, направленный против него.

Но, невзирая на все, Солово ощущал потребность сделать подобный жест. Без сомнения, он получит от Феме, как обычно, богатое вознаграждение: землю и деньги, доступ к людям и тем удовольствиям, которые они могут предоставить в бесконечном изобилии. Оставалось, впрочем, сознание собственной вины из-за согласия на требования Феме. Чувство легкой вины...

Потом, уже умственно подготовившись к повседневным сложностям активной жизни, он вступил в замок Святого Ангела и обнаружил там Нуму Дроза и Мартина Лютера, держащих оборону.

Стражники, в качестве наемных пастухов приглядывавшие за ними, к Дрозу относились с опаской и не пытались его разоружить. Наемник находился, как немедленно осознал Солово, в той самой непредсказуемой фазе опьянения, когда волны эйфории разбиваются об утесы угрызений совести. Поэтому адмирал свел общение к минимуму. Швейцарец поглядел на Солово красными глазами и заметил знак одобрения проделанной работой. Он ощутил удовольствие, однако по его переменчивому состоянию об этом было трудно судить.

Лютер, напротив, производя шуму на троих, повествовал о ночных подвигах под изумленными взглядами стражников. Он явно не представлял, ни как носят, ни как держат меч, был исполнен пьяного многословия и не знал (или не обращал на это внимания) того, что распорол монашеское одеяние от ворота до задницы.

— Привет, адмирал, — провозгласил он, махая нетвердой рукой. — *Как же мы повеселились!*

— Мы в конце концов перехватили их, когда они с боем отступали из Борделлетто, — сухо улыбнулся бургундец. — Там осталось, кажется, двое убитых, и еще целой куче необходима починка, впрочем, не такая уж серьезная. Если вы знаете их, для меня достаточно одного вашего слова. На чем остановимся, синьор... на неофициальной гарроте, публичном повешении или же пусть живут?

Перед ответом Солово выдержал долгую паузу — из чистого садизма. За эти несколько секунд Мартин Лютер даже заметно протрезвел.

— Я выбираю последнее, — промолвил адмирал наконец.

— Ну, раз вы в них уверены, — ответил бургундец, давая знак, чтобы люди его расступились. — Только если передо мной священник с монахом, значит, я — француз.

— Нет, — признал Солово, к явному облегчению офицера, — вы, безусловно, не француз.

Оказавшись снаружи, в относительной прохладе, Лютер начал терять пыл. Солово выбрал гриб «звезда с тысячью лучей», учитывая известную мягкость возвращения на землю после его употребления. Никогда более не доведется монаху чувствовать себя так хорошо или ощущать жизнь в той полноте, как это было последние несколько часов, однако теплое воспоминание не оставит его, подобно слабому аромату одежд ушедшей любимой. Оно поддержит его на пути какое-то время, а потом будет поздно поворачивать обратно.

— Ах, адмирал, — на ходу восторженно заговорил Лютер. — Не знаю, что и сказать...

— И хорошо, — ответил Солово, но, увы, безрезультатно.

— Я провел самую восхитительную ночь во всей своей ничтожной жизни. Учтите, это просто скандал, что священник в Риме может знать все, что известно патеру Дрозу.

— Прошу, — адмирал поднял руку в черной перчатке, — воздерживаться от подробностей.

— Знаете, у нас была и возможность подумать, посреди всех... дел. — Обиженный Лютер надулся. — Как странно и забавно, время словно бы растянулось, часы никак не кончались.

— Когда ты начал говорить, все и окончилось! — пожаловался Нума Дроз, возведя очи к небу.

— Патер Дроз во многом подобен солдату, — продолжал монах. — Он фаталист, как и все они, что не подобает священнику.

— Я же только сказал, — возразил Дроз, — что, если твоя голова залетела на пику и удостоилась таблички с твоим именем, больше ничего уже не сделаешь.

— Но это *так* согласуется с моим новым прозрением, — говорил Лютер, не обращая внимания на него. — *Мы живем только верой.* Ты спасен, если вера тебя оправдала... если же нет — не взыщи, ситуацию ничем не поправить. Понятно?

И когда Лютер добавил, обращаясь к себе самому: «Следует все обдумать, я вижу здесь такие глубокие выводы...», Солово понял, что дело сделано.

По возвращении монаху будут предоставлены все возможности для размышления. Поганцу фон Стаупицу было приказано отнестись к Лютеру благосклонно и отпустить удила. Когда брат Мартин вернется в Эрфурт, окажется, что германский орден августинцев самым неожиданным образом от излишней суровости перешел к достойной презрения распущенности. И чтобы еще более дезориентировать Лютера, его гонитель и похититель сосисок должен был сделаться его патроном, другом и наставником.

— Главное, — обратился адмирал к монаху, пронзая Лютера ледяным взглядом, — думать самостоятельно, собственными мыслями, а потом уже не колебаться. Прибейте свой флаг к мачте.

— Прибейте... к мачте! — словно эхо повторил Лютер, фиксируя совет одурманенным разумом.

Адмирал Солово не был ни пророком, ни ясновидцем, но, быть может, долгая связь с Феме наделила его проницательностью. Как бы то ни было, он заглянул в будущее и ощутил потребность сказать:

— И все-таки прибейте к чему-нибудь¹⁶.

— Ну что могли мы сказать, адмирал? — спросил уэльский фемист. — Ваше имя слышалось на каждом заседании Совета, и хвалы становились все пышнее.

Солово приглядывался к далекой активности в собственной вилле и вокруг нее и думал о том, как чудесно наконец освободиться от всех забот.

— Неужели и впрямь? — осведомился он, впрочем, без особого интереса. — Разве вы не располагали мириадами агентов, подтачивавших устои?

— Но никто не был столь достоиславно отмечен успехом и судьбой, — ответил фемист. — Вы вносили свой вклад в Книгу с монотонной регулярностью и, как мы видели, в точности соответствовали предсказуемой роли, занимая то место в истории, которое мы отводили своим людям. Один из членов Совета сообщил мне, что такого точного выполнения Священного писания не отмечалось с тех пор, как на сцене появился Атила.

— На мой взгляд, — промолвил Солово, — сравнение не вполне лестное.

— У каждого своя роль, — пояснил уэльсец. — Мы не всегда одобряем предсказания, но что написано, то написано, и этого не обойдешь. Вам же, однако, мы могли аплодировать. Вы оправдали нашу терпимость и долготерпение в отношении вас.

— Вы так полагаете? — проговорил адмирал, следя за скольжением крохотной рыбацкой лодочки по искристым водам внизу. Он позавидовал короткой и примитивной жизни рыбака.

— Без сомнения, — ответил фемист, удивляясь тому, что может быть столь интересного в дурацком сооружении из досок и веревок, когда речь идет об изменении судеб мира. — Увидев, как необходимо, чтобы именно вы вдохновили Томаса Кромвеля. Мы с трепетом осознали, как выполняются слова Плифона такими *незначительными* средствами — это я про цветы и клейменный зад!

Только представьте себе, как эти ничтожные вещи проворачивают, усиливаясь рычагами и шестеренками власти и положения, могучие колеса истории!

— Вы бы скоро устали от шума, оказавшись столь близко к этой машине, как я, — остерег Солово. — Зубцы проскальзывают и трутся, харкая кровью. А из того, что они извергают, вы лепите историю.

— Так было всегда, — невозмутимо ответил фемист. — Но прошу вас, не думайте, что мы настолько грубы и поверхностны, чтобы интересоваться лишь видимыми событиями. Истинно, нам нужно, чтобы Кромвель-катализатор изгнал Церковь и молитвенные дома со своей родной земли, но это не все. Предсказания, антипапское законодательство, вынужденный развод, мученики и создание новой протестантской супердержавы — всего лишь следствия. Неужели вы полагаете, что мы простираем свою руку только для того, чтобы создать... Англиканскую церковь?

— Наверное, нет, — Солово старался подбодрить собеседника. — Какое удовольствие видеть, как рождается урод?

— Именно так, адмирал. Дело в том, что Кромвель, наше общее крохотное создание, преуспееет сверх наших самых диких ожиданий. Но есть и другие, кто может послужить нашим желаниям. Нет, цель всего предприятия — разрушить весь образ жизни, жизненно важную систему социальной поддержки для слабых и нуждающихся, как и идеологические центры сопротивления нам. Мы хотим выбить опору, обрушить все здание, чтобы кто-то иной воздвиг новое на его

месте. Мы задумали обеспечить могучей поддержкой класс захвативших землю, светскую и национальную буржуазию. Продав им обширные монастырские земли, — как он это сделает, — ваш Пузан VIII Английский подпишет смертный приговор всему, что ему близко. Есть некая красота в том, как действует эта социальная алгебра.

— С Лютером то же самое, только почерк крупнее, — вставил Солово.

— Именно, — улыбнулся фемист. — А в качестве побочного продукта резня, перемены, цинизм дискредитируют религию в глазах масс — точнейший замысел и элегантный.

— Как и ожидалось, — безразличным тоном ответил Солово. — Громовые раскаты Реформации уже улавливались даже моим собственным слухом.

— Сомневаюсь, адмирал, — возразил фемист. — Нужны личности, люди, действующие по собственной воле, чтобы превратить эти «раскаты» в истинный гром и молнию. Чтобы расцвести, Реформация нуждается в садовнике. То, что вы — и мы с вами — вызывали к жизни, будет расти и переменит Европу, а с нею и весь мир. Действие этой пьесы занимает две полные страницы Книги. И всю следующую половину тысячелетия мы будем следить за тем, чтобы она была сыграна.

— А я хорошо заработал на ней, — задумчиво промолвил Солово. — Принадлежавшие лично Браччолини¹⁷ экземпляры «О природе вещей» Лукреция и «Бесед» Эпиктета. Истинные находки!

— Чтобы получить их, нам пришлось отправить наследника-флорентийца в плавание под

Мостом Вздохов*, — согласился фемист. — Он не пожелал расставаться с книгами за деньги.

— Они, безусловно, заинтриговали меня, примерно на месяц, — сказал Солово, отмечая тем свое согласие с методом приобретения. — Лукрециевские излияния — вещь скандальная. А эпикурейство — прямая антитеза стоицизму.

— В нашем мире должно найтись место для обоих верований, адмирал, — заметил фемист в либеральной манере. — И говоря это, я помню, что именно вас должны мы благодарить за мир, который нас теперь ожидает... Пророчества сфокусировались и слились, все сошлось в единый центр — и им были вы.

— Простая случайность, — ответил Солово.

— Все предсказано, — возразил фемист. — Из-за вас собрался Великий совет. Всего второй раз за всю историю... предыдущий рассматривал обращение императора Константина¹⁸.

— Это не тот ли Совет, — поинтересовался адмирал, — который состоялся шесть лет назад?

— Правильно, в Дамасской Касбе — вдали от глаз любопытных... монотеистов.

— А мне *показалось*, что ряды представителей высшего общества поредели, — промолвил Солово, даже на этом этапе жизни радуясь тому, что его безумное предположение подтвердилось. — Я велел Ватиканской службе безопасности проверить.

— Я знаю... вы старый негодяй.

— Но так ничего и не выяснил.

— Мы рассчитывали на это, адмирал. Это было

* Расположен в Венеции.

одно из самых существенных мероприятий — не из тех, которые предпринимают с легкой душой. Наши лучшие и мудрейшие головы, потратившие всю жизнь на анализ Книги, не могли предвидеть развития надвигавшегося кризиса. Мы боялись. Наши планы или вдруг состоятся, или лопнут. Некоторые даже предполагали, что близок день освобождения богов.

— Нет, — улыбнулся Солово, — речь шла не о подобных мелочах. Божки благополучно томятся под спудом. Я и сам их видел не так уж давно.

Задетый столь богохульным легкомыслием, фемист продолжил более холодным тоном.

— Дело оказалось действительно более значительным, если подобное вообще возможно. Это был день, тот самый день, ради которого вы были рождены. Мы — а с нами и все творение, — затаив дыхание, ожидали вашего милосердного приговора.

Адмирал Солово поглядел на все еще живой, продолжающий существование мир, на свой дом и детей, на птиц и море... и припомнил знаки *только что* явившегося Апокалипсиса. «Интересно, — подумал он вслух, — а правильное ли решение я принял?»

Год 1520

СВЕТ ГОЯМ (И ОТ НИХ):

*я решаю судьбу Вселенной и становлюсь
владыкой острова Капри.*

— Часы заведены, — проговорил шеголеватый молодой денди с улыбкой. — Необходимо ваше присутствие.

— Прошу прощения? — отозвался адмирал, возмущенный подобным нарушением его уединения, и где — в придорожном кабачке. Но денди уже исчез... самым неестественным образом растворившись в небытии.

— Огни разожжены и горят высоко, — добавил темноволосый, сластолюбивого вида купец от ближнего стола. — Дела уже бурлят. Необходимо ваше присутствие.

— Если ты не воздержись, я заколю тебя, — пригрозил адмирал негромко и без колебаний.

В конце концов, какой прок в головокружительной карьере, если к нему можно обращаться так запросто. Как ни прискорбно, Солово более не находил в себе терпения для людей. Впрочем, в этом случае оно и не требовалось, потому что купец тоже... исчез.

— От чего он должен был воздержаться? — спросил компаньон адмирала, равви Мегиллах. Угрозы его не встревожили... третья любимая тема римских разговоров. — С кем это вы говорили?

Солово повернулся назад к бутылке и кубкам, легкая рябь на океане самообладания уже улеглась.

— Похоже, что ни с кем, — ответил он. — Так что прошу любезно забыть об этом.

Долгие годы, проведенные Мегиллахом на месте предводителя гетто, научили равви не различать сдержанную просьбу и приказ.

— ...впрочем, конечно, мы рассчитываем воссоединиться на земле обетованной во времена Мессии, — продолжал он точно с того места, на котором прервался разговор. — Да, у нас будет много мицва, связанных с храмом, сельским хозяйством и прочее. Это еще более ускорит освящение детей израилевых, что, собственно, и требуется для прихода Его.

Адмирал Солово кивал в знак понимания.

— И тогда вы сделаетесь тем предсказанным «светом гойским народам», и история (являвшаяся прежде записью деяний неправедных) по вполне понятным причинам...

— Э... быть может, — ответил Мегиллах чуть более нервно и отрывисто, чем обычно, — этот вопрос соприкасается с эсхатологической стороной вашей собственной веры и обнаруживает... э... известную противоречивость. Лучше оставить эту тему в покое и положиться на волю Господа, допускающую пока еще доброе сосуществование.

Солово родился за полтысячелетия до того, как стало возможным понимать подобные декларации в их прямом смысле, и посему решил (и только отчасти правильно), что равви имеет в виду инквизицию.

— Справедливо, — промолвил он, отмахнувшись от теологических трудностей, снедавших его

друга. — Время все расставит по своим местам, так я всегда говорю. И прах наш ответит на тот или другой зов.

— Безусловно, — скромно согласился равви, которого возраст обязывал опасаться ловушек, даже имея дело с друзьями дней молодости.

— Мне так... приятны наши беседы, — медленно произнес адмирал, удивленный тем, что еще способен использовать столь эмоциональные термины. — Они так благотельно контрастируют с количеством часов, потраченных на вавилонские труды его святейшества. Естественно подозревать наличие где-то людей, верующих и склонных к идеализму, однако встреча с ними всегда истинно освежает. Я не забываю про это.

— Необходимо ваше присутствие.

— Вы видите его? Он реален? — невозмутимо спросил Солово у Мегиллаха.

Когда равви осторожно качнул седой головой, адмирал обернулся на голос.

— Ты реален, и этого довольно, — сказал он, толкнув гвардейца-швейцарца в грудь. — Поэтому я выслушаю тебя, и не более того.

Гвардеец многое успел повидать в своей недолгой жизни, во всяком случае, достаточно для того, чтобы не беспокоиться за свою честь и нанесенные ей оскорбления. На службе он их не замечал.

— Необходимо ваше присутствие, — повторил он ровным голосом.

— Немедленно к его святейшеству? — попытался помочь Солово.

Глаза гвардейца чуть блеснули в знак согласия.

— Весть передана, — произнес он. — Либо пан, либо пропал, решайте сами. — Отступив на три шага назад, он исчез столь же внезапно, как и появился.

— Вам надо идти, — посоветовал равви Мегиллах столь мягко, как только мог. — Здесь мы ничем не заняты.

— Совершенно верно! — ответил адмирал, напряженно улыбаясь. — Однако я все больше и больше привязываюсь к этому *ничто*, а зов к *чему-то* слабеет день ото дня. А когда это *что-то* представляет собой сумрачный лабиринт, где обитает его апостольское святейшество, чувство это многократно усиливается.

Мегиллах излишне хорошо знал подобное состояние, однако наивная дружба заставляла его цокать языком и качать головой.

— Я знаю... знаю, — промолвил адмирал, поднимаясь и роняя несколько монеток на стол. — Но что он способен сделать со мной? Что ценного он может отнять у меня? Мое воспитание делает меня свободным человеком в мире рабов. Пусть будут прокляты исчезающие вестники и швейцарцы! Пройдитесь со мной, равви, проводите меня. Расскажите еще о конце вашей Вселенной.

И двое стариков побрели прочь.

В конце Виа Сакра, прежде чем покинуть старый римский Форум, они остановились перед древней аркой Тита*.

— Здесь есть все, — заметил равви. — Все отражено в камне искусниками императора. Дух

* Триумфальная арка, воздвигнутая в 81 г. в честь победы императора Тита над Иудеей.

восстания, человеческой борьбы, потеря всего дорогого, что воплощалось для нас в самом храме.

— Но этот триумф, — вмешался адмирал, — оказался триумфом мертвого императора мертвой империи. Вы же, гонимое племя, живы. Так кто победил на самом деле? Вы можете отчасти утешиться этим.

Равви Мегиллах кивнул.

— На мой взгляд, — он улынулся, — если хорошенько подумать, этот монумент может разделить нас не одним уроком.

— Быть может, они захватили вашу менору*, — Солово показал на сцену, где ликующие римляне влекли священный храмовый канделябр, — но что хорошего она им принесла?

Равви так и не получил возможность ответить.

Резные изображения и украшения арки вскипели, задвигались, то погружаясь в глубины камня, то выступая из них змеиным клубком.

Адмирал услышал, как охнул равви Мегиллах, и понял, что не один оказался между мирами. Однако поскольку его спутник по профессии и рождению принадлежал к жертвам, особого облегчения общество это сейчас ему не принесло.

Вдруг из глубин кладки навстречу им с невероятной силой устремились голова и торс. Камень вздувался, напрягался, и на нем проступило лицо мужчины. Он завизжал, и глаза его были полны ужаса.

К первому аналогичным образом присоединились второй и третий, словно бы их проталкивали

* Семисвечник.

сквозь проницаемую мембрану. Они отчаянно напрягались, стараясь высвободиться, при этом жутко завывали, но дальше выбраться не могли.

Потом, повинаясь какой-то неслышной и властной команде, все трое разом умолкли и обратились взглядами к Солово и Мегиллаху. И наконец настал великий покой, даже адмирал встревожился. Тут заговорил первый мужчина.

— Я — Тит, — представился он и чуть отодвинулся в глубины арки.

— Я — Веспасиан*, — произнес второй, отступая подобным же образом.

— Я — Иосиф**, — сказал третий, и двое первых вернулись.

— Мы горим! — завопили они хором. — Мы страдаем! Мы страдаем в аду!

— За то, что я натворил! — выступил соло император Тит.

— За то, что я брал город штурмом! — добавил его предшественник Веспасиан.

— За то, что я написал об этом! — промолвил историк и отступник Иосиф.

— Помогите нам! Спасите нас! Мы горим! — Хор возобновился, и они отчаянными жестами принялись указывать на одну часть теперь уже подвижного фриза.

Адмирал Солово поглядел в том направлении.

* Римский император (с 69 по 79 г.). Сын его Тит разрушил Иерусалим (70 г).

** Иосиф Флавий (37 — после 100) — древнееврейский историк. Изменил восставшим и сдался римлянам во время Иудейской войны.

— Они тянутся к меноре, — заметил он, обращаясь к потрясенному Мегиллаху.

— Пора! — взвыл Тит явно от непереносимой боли.

— Верни ее! — охнул Веспасиан.

— Порааааа! — согласился Иосиф, и остальные присоединились к его воплю.

Трое, внезапно охваченные возобновившейся паникой, напрягались еще больше, но без успеха. Невзирая на все старания, они не могли высвободить руки или голову или хотя бы на дюйм пододвинуться к крошечному гравированному символу своих стремлений. Как и прежде, они как будто услышали тайный сигнал, в самом скором времени получивший подкрепление.

Из невообразимых глубин арки появились когти и крючья, которые ухватили несчастную тройцу, разрывая их плоть и пуская кровь. Медленно и неотвратно, несмотря на отчаянное сопротивление, они двинулись в обратную сторону, пока, наконец, не исчезли из виду. Каменная поверхность сомкнулась, исторгнув прощальное рыдание из чьего-то рта, и вновь настал покой. Странная жизнь оставила арку.

— Чепуха! Вздор! — проговорил поблизости голос, позволив Солово выйти из задумчивости, а также отметить, что он вернулся в знакомый мир.

— Необходимо ваше присутствие, — повторил тот же голос, — Я скажу это еще раз, а потом перейду к силе.

Адмирал узнал интонацию и, установив по ней

владельца, сумел перестроить свои мысли в нужном порядке.

— Мастер Дроз? — промолвил он, обращаясь к гиганту-швейцарцу. — Как вы себя чувствуете?

— Взволнован, — ответил швейцарец, — но неумолим. Почему вы не слушаете меня, достопочтенный адмирал?

— Я глубоко погрузился в мысли, Дроз; размышлял над реакцией мудреца на любопытные вести.

— Ну, этот вопрос я могу решить за вас, адмирал: он реагирует на них немедленно, в особенности когда я их доставил. А что случилось с этим евреем?

— Подозреваю, что он тоже задумался глубоко.

— Мог бы хоть поздороваться. Из всех этих размышлений ничего хорошего не выйдет, вот увидите. Потому-то Господь и даровал нам инстинкты, дабы избавить от рабства в оковах склонного к ошибкам рассудка.

Солово если что и ценил, так это собственные стоические убеждения.

— Предлагаю сделку, мастер швейцарец, — торопливо сказал он. — Я исполню ваши конкретные пожелания во всех подробностях, а вы в свой черед избавите меня от вашей натурфилософии. Ну как?

— По рукам, адмирал... хотя вы лишаете меня возможности сделать вам справедливый упрек за обращение с моим сержантом в этом кабаке. Вот уж не ждал. И это от человека, которого я считаю своим другом!

Оба расхохотались: швейцарец — бычьим ре-

вом и адмирал — сухим удивленным кашлем, отмечая абсурдность возможной дружбы между ними. Потом Солово позволил Нуме Дрозу идти впереди, оставив равви Мегиллаха в глубоком потрясении перед утихшей аркой.

— Не дуйтесь, мастер Дроз, — утешая, сказал Адмирал. — Жизнь полна разочарований. Однако не исключено, что сегодня вы провожаете меня от одного предзнаменования к другому.

— Адмирал, — промолвил Лев Х*, верховный (по всеобщему мнению) представитель Христа на Земле, — вы заставили нас ждать!

Солово парировал требование объяснения, истолковав фразу как простую констатацию факта... тем самым расстроив придворных, священников и гвардейцев, предвкушавших его посрамление. Им следовало бы знать, что папский следователь — скверная мишень для чьего бы то ни было остроумия.

— Если ждать долго, дождешься всего, — вежливо ответил адмирал, выбирая одну из наиболее истертых фраз из своей обширной коллекции клише.

— Но не настолько долго, черт побери! — взревел папа. — Ах! Садитесь же, каприйский... адмирал.

Солово постарался не заметить оскорбительного жеста большого пальца папы, отмечая попутно, как мало осталось от Джованни Медичи, «Золотого флорентинца», сына Лоренцо Великолепного и

* Римский папа с 1513 г. Отлучил от церкви М. Лютера (1520 г.).

приятеля юных лет Микеланджело. Жизнь превратила его в Льва X, в котором, по строгому суждению адмирала, аппетит был сильнее рассудка; и даже сейчас постоянный блеск жира на подбородке напоминал об этом.

Лев выглядел нездоровым, и раздражительность его была ключом из более глубоких источников. Эффект оказался настолько глубоким, что Солово, умеренно припав к иссякающему в его душе источнику человеческой симпатии, почувствовал жалость к своему господину.

— Если бы у меня был еще хоть кто-нибудь, наделенный головой, на которую можно положиться, — проговорил папа, одновременно с воинственным пылом метнув фигу в сторону своих советников, отшатнувшихся от нее, как от пушечного ядра, — кто-то с лучшим слухом и более покорными ногами... тогда бы я мог вздохнуть. А так приходится обходиться вами, ад-ми-рал.

Солово ощутил, что для его остроумных замечаний, пожалуй, еще не время. В зале, с его точки зрения, было больше недоброжелателей, чем солнечного света. Каждый из собравшихся здесь соперников по карьере или обыкновенных личных врагов с радостью и быстротой воплотит в жизнь любое направленное против него решение папы. Кроме того, в воздухе чувствовалось нечто новое и интересное, и он предпочел не пропускать новостей. Посему адмирал улыбнулся и промолчал, и прежнее настроение папы миновало как облако.

Встревоженный Лев проявил необычную глубину мысли.

— Я видел сон... — начал папа (так рекомендовали начинать речь риторические школы, многолетние фавориты тех дней). — Он мне теперь снится все время. Сперва я решил, что всему виной огуречный бренди, но сон возвращается снова и снова. Он жжет меня, Солово. Не знаю, как; но он открыл мне, что я умру и буду в аду, если эта проблема не решится.

— И все это произошло за тот месяц, который прошел после нашей последней встречи? — спросил Солово, не в силах смириться с переменой в некогда крепком папе.

— Я таил кое-что от вас, — вяло ответил Лев, — но более не могу скрывать или игнорировать это дело. Я хочу, чтобы вы прекратили эти сны о меноре.

— И целью этих ночных посещений является возвращение указанной меноры, так я полагаю, — невозмутимо промолвил Солово.

— Да...

— И вы хотите, чтобы я сделал это от вашего лица, — продолжал Солово, наслаждаясь собственным всесилием.

— Да, — ответил Лев с холодком в голосе. — И если вы проявите дальнейшую настойчивость, я могу решить, что вы тоже присутствуете в моих снах и, быть может, направляете их. А если мне суждено прийти к подобному выводу, адмирал, едва ли этот день станет для вас счастливым.

Солово отступил с добродушным поклоном, и Лев продолжил:

— Действительно, я хочу, чтобы вы обнаружили эту реликвию, адмирал, и возвратили ее на

место. Хорошо это или плохо, однако я не могу доверить кому-то другому столь безумное предприятие. Только пирату...

— Бывшему, — кротко возразил Солово, — и то в основном по папской лицензии.

— Стоику...

Адмирал стоически согласился с обвинением.

— И содомиту, как утверждают.

И снова Солово решил, что, пожалуй, лучше смолчать.

— Однако полезному, — заключил Лев. — К тому же, — он гулко хохотнул над чем-то никому неведомым, — вы получили наилучшие рекомендации от тех, кем вы восхищаетесь.

— Это вы про языческих императоров, посещавших ваши сны, так? — осведомился адмирал.

Забыв про внезапное веселье, Лев X, взявшись за подлокотники престола, попытался заглянуть Солово в глаза, неизвестно что разыскивая в них.

— Просто удачная догадка, — невинным тоном сказал адмирал. — Да, ваше святейшество, я сделаю это. Судя по всему, я избран для этого дела.

Тут папа Лев махнул бездельничавшему помощнику, и Солово обнаружил, что превосходно знает его.

— Привет, Лето, — бодро окликнул он знакомого. — Так тебя не сожгли, старый жук!

Джулио Помпонио Лето, крупнейший итальянский специалист по античной филологии, бросил хмурый взгляд на адмирала из-под прямой, как меч, римской челки. Как часто бывает с родственными душами, они с Солово всем сердцем ненавидели друг друга.

— Привет, адмирал, — ответил Лето, заставляя себя улыбнуться, хотя в голосе его звенели стилеты. — Сколь приятно видеть вас снова.

— Менора! Менора! — взревел, потеряв терпение, Лев, метко нацеленной фигой попав Лето точно в затылок. — Хватит болтовни! Расскажите ему про менору, чтобы я мог вернуться к нормальной жизни. Неужели вы не знаете, что в лесу полно кабанов и оленей и все ожидают меня? Мой келарь умирает от скуки, а любовницы отвыкают от дела (так они говорят мне).

Получив подобное наставление, Лето начал.

— Менора, — проговорил он, глядя сквозь адмирала Солово и мимо него, — это священный канделябр еврейского народа, унесенный из Иерусалимского храма императором Титом после падения этого города в семидесятом году нашей эры. Позже хранился в храме Юпитера на Капитолийском холме и, по всей вероятности, был святотатственно выкраден оттуда при взятии Рима готом Аларихом. Таким образом, покинув свет истории, он вошел в область легенд, и о последующей судьбе его рассказывают по-разному. А именно... — и Лето начал загибать пальцы, отсчитывая возможные варианты. — Номер один: потерян в Северной Африке во время...

Но тут Солово отключил все, кроме самых ярких подробностей (выделявшихся полным отсутствием интереса в словах оратора).

Лев X, для которого история была трагедией, — о чем лучше всего забыть, — слушал с удивлением, гадая, как это студенты Лето могут слушать его, не говоря о том, чтобы спать с ним (предполо-

жительно). Он подобрал новую фигу, намереваясь поторопить события, однако по благосклонности своей передумал, опасаясь не попасть столь точно, как в прошлый раз.

— Так вот, адмирал, — Лев заставил смолкнуть наверняка эlegantный анекдот о вестготском правлении, — невозможное задание следует выполнить немедленно и без задержки. Мои советники усматривают здесь одну из великих тайн нашего века, хотя до сих пор люди, скорее, просто были рады оставить ее в покое. При всей своей строгости даю вам год, учитывая, что дольше я едва ли протяну. Если к этому времени вы не справитесь с делом, можете не возвращаться. Живой или мертвый, я устрою вам такой прием, которому вы не порадуетесь. Поэтому оставайтесь в той Сирии или Мавритании, куда заведет вас дело. Моя тень явится туда, чтобы мучить вас, скверного слугу, и потому вы умрете и попадете в ад.

— Ну, это еще неплохо, — заметил Солово.

— Вы так полагаете? — Папа Лев приподнял одну бровь. — Какой легкомысленный человек! Разумеется, во всем этом для вас будет положительная сторона. Я предоставлю вам любые грамоты и бумаги, и резвитесь во всем христианском мире. Заверяю вас, никаких материальных трудностей вы не испытаете. И если наши дела *запутаются* благодаря вашим трудам, тогда... — Папа глубоко задумался, но скоро потерял терпение... — Ну, что хотите: деньги, прощение... что угодно, — и раздражительным тоном добавил: — Если только ваши действия не разъярят потомков и не откроют дорогу туркам.

— По рукам! — ответил Солово, лихо поворачиваясь спиной, так чтобы Лев не видел широкой улыбки на его лице. В какие-то секунды он в двадцать размашистых шагов добрался до двери и положил на нее руку.

— Комиссия позволит мне быть свободным! — ликовал он. — Со всеми моими книгами, сексуальными привычками и самозабвенной службой! Я могу послать Феме на...

И тут — совершенно непонятным образом, — оставив тронный зал папы, адмирал вступил в него же.

Солово так и не понял, в самом ли деле это был тот зал, который он только что покинул, или идеальная его копия. Ощущая себя необъяснимо старым и усталым, адмирал попытался сориентироваться и сделал несколько шагов вперед.

— Привет, Солово, — проговорил громадина-демон, развалившийся на троне и закрывая его всей своей тушей. — Едва ли ты предполагал увидеть меня так скоро!

Где-то далеко внутри душа адмирала окаменела, зайдясь визгом, однако торжествующее стоическое единство игнорировало этот акт.

— Все зависит от того, — умудрился он промолвить с прохладцей, — кто ты есть.

Демоны-прислужники, кишевшие возле своего господина, взыв, захлопали крыльями. Ярость их при подобной реакции Солово была ощутимой... ее скрывали только облака пара и серы. Бесценные фрески на стенах уже начинали шелушиться.

— Мое имя, — заорал демон, — оно... меня-

ется! — Громадные бронзовые слезы скользнули из его глаз навывкате, сокрушая тех, кто случайно оказывался на их пути. — Твой друг, равви, назвал бы меня... Диббук. Довольно и этого. Что касается того, кто я... оглядись!

Адмирал Солово принял приглашение. Он впервые отметил, что в зале царила скорее смерть, чем жизнь, пусть и вольно определенная. Огромные груды останков весьма много претерпевших тел — некоторые были почти человеческими — самым недостойным образом закрывали подножия стен. Отдельные части тел еще слабо шевелились, привлекая внимание дьявольской солдатни, в спешке заканчивавшей свою работу.

Адмиралу случалось и прежде видеть результаты побоищ, и они его не смущали. В данном же случае он был бы намного счастливее, если бы эти кровавые лужи оказались красного цвета.

— В аду состоялась война, — улыбнулся Диббук. — Победил Новый порядок.

Нечто крылатое порхнуло перед лицом Солово, сюсюкая: «Новый порядок! Новый порядок!», чтобы адмирал все правильно понял; тело неопикуемой кожистой жути венчала голова прекрасной девушки.

Диббук капризно поправил папскую тиару, украшавшую покрытую бородавками голову, и обратил большую часть своих глаз к адмиралу, словно бы ожидая ответа.

— Поздравляю, — наконец проговорил Солово.

— Благодарю вас, адмирал. Вы скоро заметите разницу.

Солово красноречиво обвел тронный зал рукой.

— Ее трудно не заметить, — он торопливо спрятал свою руку от излишнего внимания оранжевого кошмара с многочисленными челюстями.

— Именно, — согласился Диббук. — Уже твое ничтожное присутствие здесь подтверждает это. Мы — не ленивая старая гвардия, дожидаящаяся, пока своим чередом не свершится все, что предречено в Апокалипсисе. Нет, мы — младотурки*!

— Турки? — переспросил несколько озадаченный Солово. Действительно, Диббук выглядел столь же несимпатично, как иные из тех оттоманов, которых адмирал встречал или убивал, но связи между ними не усматривал.

— Слово это происходит из будущего, человечко, — пояснил Диббук, напуская на себя важность, — однако ты улавливаешь тенденцию. Мы — те, кто приводит мир в движение! — Демон качнул титанической головой, сбрасывая фальшивую папскую тиару. На ее месте мгновенно возникла другая.

— И чем я могу вам помочь? — вежливо осведомился адмирал.

В порядке развлечения Диббук разразился чудовищным зевком, вывернувшим его голову наизнанку. Тут замутило даже адмирала.

— Да кое-чем, — ответил Диббук, восстановив исходное обличье, так чтобы пасть его была

* Члены турецкой буржуазно-националистической организации, основанной в 1889 г. и возглавившей борьбу против феодализма. Известны своей крайней жестокостью.

обращена вперед. — Я хочу, чтобы ты посетил старых друзей, и только.

— Учитывая мою историю и темперамент, у меня немного друзей. Разве что равви Мегиллах.

— Нет, — проговорил отрывисто демон, — обойдемся без лишенных крайней плоти... только без них.

— Но тогда мне некого назвать, — запротестовал Солово.

— Думай, адмирал, думай, — ухмыльнулся Диббук. — Сердца людей известны мне лучше, чем кому-либо другому, и все же кое-кто тепло относится к тебе.

— И все это связано с менорой, так? — кротко промолвил Солово. — Мало того, что мне нужно найти ее, ты еще хочешь, чтобы я эксгумировал давно забытое прошлое, выискивая среди его останков... друзей.

— Ну, примерно так, старина, — расхохотался Диббук. — Не думаешь ли ты, что я стал бы тратить свое время на разговоры со столь ничтожным созданием, не будь это дело таким важным для меня? Конечно, я не стану объяснять тебе многого; придержи-ся Писания, используя свою волю, — ты ведь избран. Я могу лишь направить тебя в нужную сторону и ускорить события. Посети-ка своих старых друзей, Солово!

— Писания? — спросил адмирал, отбиваясь от знаков внимания гермафродитного инкуба (или суккуба)*. — Какого Писания?

* Демоны, вступающие в сексуальное общение с людьми: инкуб — с женщинами; суккуб — с мужчинами.

— О Солово, ты же знаешь старинные повествования о Судном дне. Ты когда-нибудь читал свою Библию?

— Часто, — искренне ответил адмирал.

— Ну, тогда ты прекрасно знаком с тем, что будет в конце времен. Большая часть сценариев предусматривает восстановление Иерусалимского храма, и для этого потребуется менора.

— Значит, мучения папы Льва и мольбы императоров... и мое присутствие здесь...

— Да, да, — перебил его нетерпеливый Диббук. — Все — моя собственная работа. Как я уже сказал, мне хочется запустить свой шар пораньше и застать противника врасплох. Старый босс не согласился на это; ему пришлось уйти. А теперь командую я. И собираюсь помочь тебе двигать вперед ход событий. Ступай к своим старым друзьям, Солово!

— Вы настаиваете на этом, однако, если вы *есть* новый князь Тьмы, зачем беспокоить себя писаниями и правилами? Бесспорно, вам следовало бы играть по своему усмотрению, не считаясь с ограничениями.

— Не знаю, почему я заставляю себя перебрасываться словами с тобой, — медленно ответил Диббук, в ритме танца по очереди открывая и закрывая свои глаза. — Правила попросту *существуют*; они предшествовали всей борьбе и не могут быть изменены. Вот погляди, что будет со мной при одной мысли об их нарушении!

Адмирал старательно выполнил распоряжение и, не будь он рожден слишком рано, чтобы иметь

представление об этом явлении, несомненно узнал бы игру чудовищных сил тяготения на рыхлой коже Диббука.

— Такова цена за сопротивление правилам даже в незначительной степени. Плоть моя колыхается, а глаза напрягаются, словно от дуновения чудовищного ветра. Я страдаю ничуть не меньше, чем твои бесценные папы и императоры... ты это узнаешь. Что ж... даже чтобы состарить тебя на три года, мне пришлось израсходовать столько энергии.

— *Пардон?* — переспросил невозмутимый Солово.

— Как я уже говорил, — продолжил Диббук в резком тоне, — я не могу двигать твоими ногами, а могу лишь ускорить их шаг. Мы не можем ждать целых три года, пока ты будешь бесплодно слоняться по всему Востоку, выпрашивая туземцев и копая свои ямы. Нет, я прокрутил вперед эти годы, чтобы сократить тщетные поиски и *направить тебя прямо к своим друзьям!*

Теперь адмирал понял, откуда взялась излишняя тяжесть лет, когда впервые вошел в комнату. На три года ближе к холодной тихой могиле, но ни единого воспоминания о них. Он и не знал, радоваться или протестовать. Во всяком случае, смысла в возражениях не было: прошлого не воротишь. Однако Солово попросил ввести его в курс событий.

— Папа Лев отвел мне один год и обещал жуткие неприятности в случае неудачи. Поскольку лишь вы, похоже, знаете эту часть моей биографии, нельзя ли любезно поведать, что со мной было?

— Он умер, — отрезал Диббук. — В страшных муках, бедняга. Хирурги обнаружили, что его мозг высох, как слива. Как и у его наследника Адриана VI; под моим безжалостным давлением этот протянул только два года. А сейчас я уделяю... как его зовут?

К уху Диббука подлетело эфирное прозрачное создание — наполовину прекрасная дева, наполовину стрекоза.

— Климент VII! — сладко пропело оно. — Климент VII!

— Правильно, спасибо, — согласился Диббук и, протянув лапу, с хрустом стиснул создание в огромном кулаке. Зеленовато-алый ихор выступил между пальцами. — Так вот, сейчас все свое внимание я уделяю Клименту VII. Поэтому, уверяю, возвращения в Рим тебе нечего опасаться. Ты будешь необходим, как и прежде!

— Ну, спасибо хотя бы за эту малость, — сухо проговорил Солово.

— Не стоит упоминания, — приветливо отозвался Диббук. — Последние несколько лет ты изрядно потешил меня. И я весьма надеюсь на тебя в будущем. Действительно, экий тип!

Адмирал ответил одним из привычных жестов, означавшим: «Я делаю то, что приходится».

— Я жертва своего времени, — промолвил он в свое оправдание.

— Гм, гм! — усомнился Диббук. — А знаешь, ты попусту тратишь время на все эти «природные добродетели»; ваш брат, стоик, в конце концов оказывается внизу у меня.

Солово улыбнулся.

— Но ведь не следует забывать, что вы еще и князь Лжи.

Диббук не стал спорить, а только пожал плечами.

— Тебе от этого никакой радости не будет! — И он ткнул в адмирала чудовищным пальцем, заставляя тронный зал извергнуть его.

Двигаясь наружу, Солово услышал последние слова Диббука:

— СТУПАЙ К СВОИМ ДРУЗЬЯМ!

В заочном путешествии по опасному миру XVI века были известные преимущества; пробудившись в своих апартаментах, адмирал Солово нашел себя исхудавшим, покрывшимся здоровым загаром и украшенным несколькими новыми шрамами, неведь где и когда приобретенными.

В его матросском сундучке обнаружили пара золотых носков с крылышками, прежде принадлежавших императору Константину XI Палеологу¹⁹, непристойная статуэтка из Баальбека, изрядное количество золотых монет (Солово так и не избавился до конца от пиратских наклонностей), камень из Стены Плача* для Мегиллаха. Выходило, что путешествие было забавным, не смотря на вопиющее отсутствие меноры.

Как подобает доброй забитой каприйке, экономка адмирала поддерживала в доме необходимый достаток, рассчитывая на его внезапное появление, — словом, поступала, как мудрая дева из притчи, поведенной миру Христом. Быть

* Стена, оставшаяся от Иерусалимского храма.

водворенным в дом демоном — возвращение из самых скорых, однако перед рассветом адмирала ожидал вполне сносный завтрак.

Усевшись перед бутылкой сека*, хлебом и луком, Солово смотрел, как безотказное солнце поднимается над куполом Санта-Кроче, и думал о временах прошедших. Потом в своей библиотеке он листал огромный том переплетенных кожей «Размышлений» Марка Аврелия, положив его на подставку в виде бронзового орла.

Наконец адмирал решил, что ничего другого не остается. Поскольку менора так и не обнаружилась, ему придется посетить друзей. Он извлек свое любимое точило и примерил к нему самый лучший стилет.

— Прости за беспокойство, Гарольд, — проговорил адмирал Солово, — только скажи мне, считаешь ли ты меня своим другом?

— О да, — ответил сидевший напротив крепкий краснолицый мужчина. — Так мне кажется.

Солово подавил вздох облегчения. Совершив короткую прогулку по Риму, адмирал уже начал опасаться, что исчерпал перечень лиц, способных на подобное признание.

— В конце концов, — продолжал мужчина, — это вы выхлопотали мне разрешение осесть в Риме. Вы были в старой доброй Англии, мы распили несколько бутылок... и потом нам вдруг пришлось подраться, защищая друг друга. Если это не дружба, так что же тогда?

* Вино наподобие хереса.

— Действительно, что? — улыбнулся в ответ адмирал, мысленно благодаря простоту северных нравов. — А знаете, Гарольд Годвин, вы — интересный человек: с каждой нашей новой встречей итальянские слова в ваших устах звучат все менее и менее варварски. Не так уж много англичан сумели настолько хорошо прижиться у нас.

— Это здорово, — ответил Годвин, тем самым подтверждая, что принял сказанное адмиралом за комплимент. — У меня для этого настоящая необходимость. Как вы прекрасно знаете, я прибыл в Рим, чтобы спасти душу, а не наслаждаться собой!

Солово проявил легкое беспокойство.

— Я не священник и не теолог, — произнес от мягко, — однако посоветовал бы вам, Гарольд, осторожно отнестись к своей теории *приблизительной святости*.

— Я это понимаю, адмирал. Находясь среди столь многих людей, стремящихся к святости, стучась в дверь избранного Богом представителя, приходится очищаться. К тому же здесь это мне удастся легче — рядом нет ни скоттов, ни уэльсцев!

— Ах да... — промолвил Солово, опасаясь, что, не желая того, запалил фитиль. Так и вышло.

— Я прожил добропорядочную жизнь, — начал Годвин с заученной сосредоточенностью. — И мне не в чем просить прощения (разве только в церкви). Я убил столько скоттов и уэльсцев, сколько может пожелать человек.

Солово в легком смятении попытался затормозить прилив.

— Я встречался с этими остатками кельтов...

— Адмирал, скотты — не кельты, — прервал его Годвин, не слушая, не разбирая и не думая над словами гостя. — Они кровь от моей крови, что делает дело еще интереснее. Я хочу сказать, что сам против них ничего не имею (разве что чуточку — против уэльсцев...). По отдельности они мне даже приятны. Но вот только начнут собираться в группы, как сразу возникает желание засыпать их всем содержимым колчана. Боюсь, что именно так обстоит дело. То есть большой лук был изобретен специально ради скоттов.

— Ну, Гарольд... — выговорил адмирал, уносимый потоком.

— Я-то предпочитаю бить уэльсцев. Но они чаще всего сразу же выкидывают белый флаг, так что особо не повеселишься. Понятно, о чем я? Если бы скотты не обитали рядом с моим краем, я бы, наверное, оставил их в покое, но они живут по соседству, поэтому и приходится...

— В самом деле, — вежливо согласился Солово, переходя к мыслям о том, что будет на обед.

— Учтите, меня доконала битва на Флодденском поле²⁰. Я так поработал там, что мне больше некуда деться, не оставалось ни одной профессиональной вершины. Поэтому я и могу проводить остаток дней своих в Борго²¹ и вымаливать прощение грехов, как уже говорил. Вот почему я здесь. Брр! Флодден! Нет, *это* была битва, а не удача везунчика Баннокберна... Я рассказывал вам, адмирал, про Флодден?

— По-моему, да, Гарольд; быть может, хотя бы раз...

— Избави нас, Боже! Вот это был видок. Они потеряли своего короля Джеймса IV, двенадцать графов, девятнадцать баронов, три с лишним сотни рыцарей и лордов, архиепископа Сент-Андруса, двух епископов, двух аббатов и провоста* Эдинбурга. Ну и... большую часть войска. А мы просто отступили от их шилтронов²² и поливали... наконец, они просто падали рядами, мертвым на земле не было места. Кстати, о песенках, ха-ха-ха! Что вы думаете о волынках, адмирал?

— Не то, чтобы я позволял этому предмету определять мою жизнь, но...

— А я их ненавижу. Скотты не перестают играть на них — вы это знаете, — и некоторые из Северной Англии тоже, поэтому в своей книге я зову их почетными скоттами. Итак, когда мы, наконец, увязли, — это я про Флодден, — я принялся разыскивать волынщиков, просто чтобы они знали мое мнение о тех звуках, которые они издают. Кроме того, я добыл двух предводителей кланов. Их клейморы** украшают комнату, где я храню трофеи и прочие фамильные драгоценности. Я отрезал им уши, только они протухли, и мне пришлось выбросить их.

Адмирал Солово подумал, что заметил проблеск надежды, сулящий избавление от рассказа о кровавом пиршестве.

— Гарольд, вы упомянули свою семью; все ваши тоже были такими воинами и путешественниками, как и вы?

* Титул мэра этого города (шотл.).

** Сабля шотландских горцев.

— О да, скитальцы, вояки и крестоносцы — и никакой симпатии к скоттам. Взять, например, Тостига Годвина. Он был варягом²³ и успел оставить Константинополь как раз перед тем, как его взяли крестоносцы в 1204 году. Потом был еще Мрачный Годвин, прозванный «Уэссекской смертью». Он... но о чем говорить, у меня есть огромное родословное дерево в той комнате, где трофеи. Пойдемте наверх, я все покажу вам; к тому же там и светлее.

«Умасленный и укрощенный» до полной покорности, Солово механически последовал за Годвином по заставленной лестнице. Несмотря на позывы к дремоте, он чувствовал себя беспокойно: нечто смущало его ум, предотвращая благотворное забвение.

Потом, уже на верхней ступени, до него дошло.

— А почему, — спросил он, — в трофейной свет лучше?

— Потому что, — живо ответил Годвин, — Тостиг-варяг *кое-что* вывез из Константинополя. С тех пор мы храним в семье эту вещь, и я к ней привязался. Я хочу сказать, что она не только ценная, но и удобная. Дело в том, что в нее можно вставить целых семь свечей — толстых таких...

— Мне было весьма жаль услышать о вашем друге Годвине, — проговорил папа Климент VII. — Трагический случай.

— Благодарю вас, ваше святейшество, — сказал Солово. — Стилеты — опасная вещь, и если чистить их при свечах, люди всегда на них натыкаются.

— Быть может, он не знал, что пружина была взведена, — покати́лся со смеху кардинал, которого делала смелым относительно неудачная карьера. Быстрым взглядом папа заставил замолчать его.

— Значит, менора у вас, адмирал, и в полной сохранности?

— Конечно. Годвин последним своим желанием поручил ее моему попечению. Теперь она находится среди моих сбережений, ваше святейшество, а они укрыты в более безопасном тайнике, чем этот зал. Остается лишь водрузить ее на подобающее место.

— Которое... где же оно находится? — спросил Климент с неподдельным любопытством.

— А это я прошу подсказать мне, ваше святейшество.

— Дай наммм... — еле́нно прошептал черный гибрид угря и человека, небрежно облокотясь на спинку папского трона. — Дай наммм.

Адмирал Солово с большим трудом оторвал взгляд от эmissара Диббука, которого, как было ясно, никто не видел и не слышал, кроме него самого.

— Прошу прощения, ваше святейшество?

— Я *сказал*, адмирал, что мои ночные страдания значительно облегчились, когда менора оказалась в нашем распоряжении. Остается лишь прекратить их существование.

— Я не отдохну, пока это не свершится, — Солово изобразил подходящую степень утомления на ревностной службе.

— Нет! — ответил Угорь, с угрожающим видом спускаясь в зал. — Вы отдадите его на-а-амм. —

Адмирал отметил, что рот исчадия ада невероятно набит зубами.

— Тогда приступайте к своему делу, верный слуга, — проговорил Климент. — Избавьте меня от снов, и вы получите все обещанное.

Солово расставил ловушку.

— Власть над островом Капри? — спросил он. — Публичное отпущение моих грехов? — Услышав последнее предложение, собравшиеся клирики и советники дружно охнули: слишком уж дорого брал адмирал.

— Капри — это безусловно, — ответил папа нерешительно. — Однако насчет второго следует подумать: может выйти скандал.

Солово был удовлетворен. Власть над островом сибаритов просто приглашала его во Вселенную, исполненную греха.

Угорь, оказавшийся в опасной близости, наклонился к уху Солово с гнусным шепотом:

— Отдай своей волей наммм, и ты получишь всякую книгу и задницу, какую только пожелаешь.

Имея таким образом основания для новых раздумий, адмирал приблизился к двери, вновь отворившейся в неизведанное: на этот раз перед ним оказалась огражденная стенами лужайка, украшенная в соответствии с модой века изрядным количеством цветов и плодовых деревьев, посреди которых восседал не кто иной, как равви Мегиллах.

— Привет, равви, — с непринужденностью бывалого солдата поздоровался Солово, — а что находится за этими высокими стенами, можно спросить?

— Ничего, — ответил другой почтенный ста-

рец, выбираясь из своего укрытия в кустах. — Я уже смотрел — бесконечная пустота простирается во все стороны. Мы парим.

— Я *знаю* вас, — проговорил Солово, решительно взмахивая немедленно оказавшимся в руке стилетом. — Я слышал, что вы умираете.

Старик улыбнулся.

— Так и есть. Точнее, сейчас я на смертном одре, однако мне предоставлена последняя великая возможность побывать здесь.

— Просто отлично, поскольку ваша жизнь не была отмечена настоящим успехом. Видите ли, я хорошо знаком с вашей карьерой, мастер Макиавелли. Мы даже встречались однажды, совместно представляясь королю Франции среди прочих дипломатов.

— Я не помню вас.

— Это нисколько не удивляет меня, синьор, учитывая бесславный конец вашей миссии и все мои труды, ушедшие на то, чтобы что-то поправить. Ну-ка, что там говорилось в запросе Флорентийской Синьории? *«Он продвинул границы бестолковой болтливости к доселе неведомым пределам»*. Или нечто в подобном духе?

— Несчастья постоянно преследовали меня, — отрезал Макиавелли. — Я человек дела и действий. И именно по этой причине был призван сюда.

— Но что вы должны делать? — поинтересовался равви Мегиллах.

— Не представляю, — признался Макиавелли.

— И я тоже, — заметил Мегиллах.

— А мне чересчур безразлично, чтобы объяс-

нить, — проговорил адмирал. — Не пройтись ли нам и насладиться цветами?

Шум, подобный демоническому вздоху, наполнил Вселенную или мысленную конструкцию, в которой они находились, и на компаньонов Солово нашло внезапное просветление.

— Я возьму менору, — спокойно предложил Мегиллах, — и устрою так, чтобы ее бережно хранили. Она будет дожидаться, пока ход вещей не потребует ее. Теперь я знаю, зачем оказался здесь, знаю причину, ради которой был сотворен. Для этой благородной цели я предлагаю и свою жизнь, и участь моих потомков. Отдайте ее мне, адмирал, и Ему, которого я представляю.

— Я же, — сказал Макиавелли, глядя на Мегиллаха с презрением, — послан, чтобы свершилось другое. Мне открыли многое о вас, адмирал, и все, что мне стало известно, свидетельствует: вы примете иное, более отважное решение. Повидав все, что предоставила вам судьба, неужели вы и *вправду* желаете, чтобы ход событий закончился в пользу Бога? Неужели вы *действительно* хотите сохранить статус-кво? На мой взгляд, едва ли.

Мегиллах и Макиавелли вглядывались в бесстрастное лицо Солово. Он же разглядывал синюю беспредельность, взвешивая альтернативы.

— Я ознакомился, адмирал, со всей вашей жизнью, — продолжал Макиавелли в явном порыве энтузиазма, — мне ведомы все ваши битвы, осады, предательства и убийства. Я ощущаю известную... двусмысленность в вашем отношении к ним. Вы презираете, но что именно? Вы

действовали в мире, который сотворил враг. И теперь он требует, чтобы вы сделали его вечным... вы-то, желчное создание! Однако, надеюсь, рассудок еще не совсем покорился вам. Вы же находили известную красоту в пожаре, охватившем целый город, разве не так? Вы ощущали простое удовольствие, навсегда отправляя кого-нибудь в Тибр. Вкратце, адмирал, в столах этого мира вы слышали зов моего господина и стремились откликнуться на него.

— Адмирал — стойк, — пояснил равви Мегиллах, — и посему не подвластен подобному воздействию.

— Когда человек просто покоряется неудаче, он называет себя философом, — расхохотался Макиавелли. — Я сейчас говорю о прежнем, дикарском порядке: о том, что удовлетворяет всей сути мужчины, а не только его тонкой шкуре, именуемой цивилизацией. Отдайте менору нам, адмирал Солово, и настанут такие времена... такая ясность.

Солово облизал губы.

— Другая же сторона, — заторопился Макиавелли, ощутив запах победы, — предлагает всю нудную и грязную мешанину, именуемую нормальной жизнью. Но где страсти? Где драма, которая ускоряет пульс бодрствующего? Однако...

Макиавелли умолк, потому что равви Мегиллах пинком повалил его и потянулся к горлу. Нелепый, как кит с мушкетом, равви извлек клинок и увлажнил лужайку кровью Макиавелли.

— Господь укрепил мою руку, — произнес Мегиллах, выпрямляясь таким манером, что не-

допустимо для семидесятилетнего старца эпохи Возрождения, и целясь ножом в адамово яблоко адмирала. В холодных глазах его читались страсти сразу всех смертных врагов Солово. Вид этот впечатлял. — Давай сюда проклятую штуковину, и немедленно!

Адмирал улыбнулся.

— В жизни, вот до этого самого момента, я находил один недостаток: то, что хорошим людям всегда не хватает убежденности. Менора ваша.

— Мы более не встретимся, — сказал Мегиллах, — во всяком случае, в этом мире.

— Конечно, — ответил адмирал Солово нейтральным тоном, оглядывая деловую суету портовой Остии.

— Прошу прощения за нож, — продолжал равви. — Должно быть, я вас весьма озадачил своим поступком.

— Это было необходимо. Не думайте об этом, равви. Все мои дружеские привязанности рано или поздно заканчивались поножовщиной. Но обратимся к более практическим соображениям... вы уверены, что не нуждаетесь в охране? Через несколько часов я могу отправить галеру.

— Благодарю вас, адмирал, не надо. Мы уже достаточно укрепились, и вам лучше не знать, где мы поплывем.

Солово оценил справедливость подобного утверждения и умерил любопытство. Через неделю после внезапного возвращения из садика Диббука вопрос был полностью улажен, и говорить было не о чем. Страдания папы прекратились, и потому

было решено, что меры одобрены. Апокалиптический предмет уплыл из рук адмирала; оставалось только забыть обо всем и заняться усердным искоренением слабости, обнаруженной лстивым языком Макиавелли. Адмирал надеялся, что ему предоставят на это время, прежде чем придет его пора расстаться с жизнью. Ну а жизнь каприйского властелина сулила утешительные зрелища и ощущения.

— Мы располагаем такими убежищами, — продолжал равви Мегиллах, извиняясь за вынужденную секретность, — такими цитаделями святости, такими могучими домами молитвы, против которых дьявол бессилен, кроме самых последних дней. И менора отправится туда — будь то Сион, Московия или Украина, — чтобы в безопасности дожидаться своего часа.

— Но к ним ей еще надо добраться, — возразил Солово, лучше многих людей видевший в море мать хаоса и губительницу всех начинаний.

— У нас есть Иегуда, — проговорил Мегиллах, привстав на цыпочки, чтобы похлопать по плечу благодушного гиганта с бесхитростной физиономией. — Дьявол (да будет забыто имя его!) не имеет власти над этим невинным. И пока мы не прибудем к месту назначения, менора не оставит мешка на его спине. Кроме того, папа Климент предоставил мне пушки... Мы сделали что могли, а все прочее в руках Господа.

Адмирал Солово рассудил, что хотя бы умеренные основания на успех в данном случае существуют.

Пара десятков отобранных в качестве экипажа темноглазых молодцов из гетто достаточно наню-

хались жизни, чтобы суметь справиться с любым случайным пиратом. Нескольких — тех, что покрепче, — он и сам бы взял к себе на корабль.

— Но в одном я не могу усомниться, — вдруг выпалил Мегиллах. — Мне придется ответить за смерть Макиавелли!

— Я буду стоять в очереди перед вами, а после моих прегрешений ваши покажутся ничтожными.

— Мы будем стоять рядом.

В душе адмирала покойником шевельнулось давно забытое чувство.

— И в тот день, — продолжил равви, — между нами уже не будет различий, никогда. Мы *встретимся* еще раз, чтобы больше не расставаться.

Мегиллах и Солово коротко обнялись, как принято прощаться на земле. В глазах равви стояли слезы, и если бы адмирал не исчерпал свой запас еще в молодые годы, щеки были бы влажными и у него.

Через час еврейский экипаж поставил паруса, и Солово побрел, чтобы глазом профессионала поглядеть на венецианский галеас и его огневую мощь. По пути к нему пристала девчонка-цветочница.

— Нет, спасибо, с цветами и садами у меня связаны неприятные воспоминания.

Девушка кивнула; она была умна не по годам и обнаруживала едкость, совершенно не свойственную невинной профессии.

— Нет, вы более *не* встретитесь, — лукаво сказала она. — Вы назначены в разные места.

— Прошу прощения? — проговорил адмирал, скрытно извлекая стилет.

— Не прощается один только грех, — продолжала девица, — он, безусловно, приводит в ад, его зовут аномией* или отчаянием.

Солово торопливо отступил, впрочем, через три шага ретираду его остановила стена гавани. А подобно большей части моряков своего времени, адмирал не учился плавать.

Из корзинки с цветами девица извлекла прозрачный пергаментный пакет, внутри которого бурлил какой-то темный порошок.

— Это все, что сумел сгношить Диббук для подобной оказии, — злорадствовала она, — самое настоящее черное отчаяние, его хватит на остаток стариковской жизни. Вот примите подарочек со всеми благодарностями!

И цветочница растворилась в воздухе, пакет же взорвался возле лица адмирала, окутав его облаком пыли.

Прочистив глаза, адмирал увидел перед собой мир, лишившийся всех красок и смысла, заново осознавая, что правосудие — всего лишь слово, а некоторые разлуки бывают окончательными.

* Падением нравов, моральным разложением.

Год?

*МОРАЛЬ: пакет с дьявольским даром
содержал лишь несладкую скорбь.*

*Комфорт и уют, новая жена,
пополнения рода Солово.*

*Однако... купание привлекает
все больше и больше.*

В 1525 году Франциск I, король Франции, все еще проливал горькие слезы по утраченной свободе и части армии, погибшей при Павии. На Капри адмирал Солово и фемист продолжали обсуждать ход событий.

— Диббук недолго протянул после того, что вы сделали с ним, — говорил фемист. — Он пал перед еще более беззащитным духом, и после того перевороты сменяли друг друга. Сперва еще были умеренные, а потом пошло... радикалы и так далее. Чего можно ожидать от убежденных индивидуалистов? Мне сказали, что одно время существовала даже партия миротворцев.

Солово не проявил интереса к известиям о космических результатах своих трудов: по-видимому, смена закуски целиком привлекла к себе его внимание.

— Итак, адмирал, — промолвил гость, собственными усилиями поддерживая разговор, — на что похожа жизнь, если проводить ее дни в отчаянии?

— На ежедневное упражнение в стоицизме, — отрывисто ответил Солово, — а иногда на испы-

тание... отсюда и возникло мое решение принять ванну. Я обнаружил, что не могу больше продолжать такое существование.

— Значит, ни повторная женитьба, ни маленькие дети, ничто не может отвлечь вас? — поинтересовался фемист явно без особого сочувствия.

— Буквально на мгновения — сексуальное сближение на первых этапах союза, прежде чем успела поблекнуть новизна, — и при рождении детей... Только тогда. Мое проклятие перевешивает даже их очарование. — Помедлив, Солово спросил: — Надеюсь, мою семью — родню и всех прочих — оставят в покое?

— Да, мы не будем привлекать ваших кровных и приемных детей. О них ничего нет в Книге, к тому же времена меняются. Теперь мы разыскиваем других.

— Рад слышать. В них моего немного, нечем привлечь ваше внимание.

Фемист с укоризной глянул на адмирала.

— Но они живут в нашем мире, — сказал он. — А способны ли вы отыскать в своем сердце прощение за родителей?

— И всю семью, — добавил Солово.

— ... и всю семью, — согласился фемист.

— Нет, — ответил адмирал.

Уэльсец пожал плечами и отвернулся.

— Холодное, холодное сердце, — пожаловался он наконец, но тем и ограничился. Актерам не обязательно любить режиссера, ставящего пьесу. Феме расставались только с изношенными персонажами. Уэльсец подкрепился еще одним бокалом и неразумно огласил некоторые мысли.

— Мы предоставили вам более интересную жизнь, чем сделали бы они. Без нас вы при своем стоицизме ограничились бы пустыми угрозами... крошечным кулачком, грозящим тьме крошечной. Хотите вы того или нет, мы наделили вас кое-чем, достойным веры. Семья же ваша ограничилась бы лишь отчасти искренним следованием традиции.

Солово быстро взглянул на него.

— И что, — наконец отрезал он, — наделяет вас такой безумной уверенностью... почему вы считаете, что знаете, во что я верил?

— Должен признаться, — проговорил фемист шутливым тоном, — этот вопрос послужил предметом некоторых спекуляций. Мы не предавали этому особого значения, но...

— Я никогда не был теологом, — перебил его адмирал, шокированный тем, что обнаруживает желание внести ясность в столь тайный вопрос. — Но не могу смириться, когда от меня требуют чистеньким оставить материальный мир. Подобное условие слишком жестоко для этой грязной Вселенной. Мужчина делает то, что должен сделать, и тогда — только тогда, — когда может это сделать. И я не могу поступать иначе.

— И когда позволяли обстоятельства, — насмешливо продолжил уэльсец, — когда берег был чист, вы поднимали глаза к небесам. — Он взмахнул, указывая на безоблачную синеву.

Солово кивнул.

— У меня была своя вера, собственные представления о ней, прежде чем вы объяснили мне систему ваших взглядов, а Микеланджело составил список плененных богов.

— Я по-прежнему считаю наше невежество простительным, — сказал фемист. — Чтобы идти дальше, нужны свидетельства, а их почти что нет. Похоже, все то, во что вы верили, никоим образом не отразилось на ваших поступках.

Адмирал позволил себе излишество, приступив к объяснению.

— Это слишком упрощенно, — начал он. — Я считал, что жизнь — это «юдоль печали», суровая к неудачникам... об этом позаботились вы. Я надеялся, что Церковь права, и страшился, что истины нет и дозволено все.

— Все эти утверждения не мешают вам доживать на земле свои годы.

— Отсюда, где я нахожусь, жизнь представляется мне чередой пустяковых соглашений и компромиссов.

Фемист так и булькнул смешком.

— Чушь, адмирал. Это слова Диббука. Ни грехи ваши, ни добродетели крохотными не назовешь. Временами — при всей вашей невозмутимости — вы, подобно титану, шагали по земле.

— Ну, это вы говорите.

— Мы это утверждаем. Вы изменили курс истории на градус-другой. Кто сдвинул с места первый камень, породивший обвал Реформации, кто заказал художнику роспись свода Сикстинской капеллы, кто сразил двух божков, Те Деум'а и Диббука, и приклеил Тюдоров к пошатнувшемуся под ними трону? Без вас мир сделался бы иным и не столь отвечающим нашим вкусам.

— Почему-то ваши слова звучат не слишком утешительно.

— Не пытайтесь отречься от своих творений, адмирал: *это* ваши дети. С гордостью признайте свое отцовство. Быть может, вас убедит в собственной значимости то, что в зале цитадели Феме, в котором так давно вы приняли посвящение, будет воздвигнуто ваше мраморное изваяние. Там станете вы в классической одежде возле Марса и Гор-Адриана, чтобы следить за новыми поколениями наших людей. Мы будем рассказывать им о вас, и вы сами увидите, как свет восхищения вспыхнет на их лицах.

— Это до тех пор, — ответил Солово, не испытывавший благодарности, никаких подобающих такому случаю чувств, — пока они не обнаружат во мне каких-либо признаков жизни.

— Да, это возможно, — согласился фемист. — После вашего ухода мы намереваемся переселить ваше ка* в каменное изваяние. В книге Гермеса Трисмегиста представлены средства для этого; подобное уже осуществлялось. Мы не хотим расставаться со своими блестящими слугами. Заточенная в статую ваша полубожественная суть сумеет различить проблески будущего величия в тех, кто будет проходить мимо нее, как это случилось с вами. Конечно, это лучше, чем Гадес или забвение, ожидающее остаток вашей души.

— Ни в коем случае. Я полностью запрещаю подобное!

— Простите. Но торговаться не о чем. Вы хотите увидеть Книгу сейчас, перед уходом?

Адмирал не видел оснований для дальнейших

* Телесная душа по египетским верованиям.

возражений, однако отметил, что разум сохранил любопытство даже на пороге разлуки с жизнью.

— А зачем иначе вы везли ее? — проговорил он.

Фемист произвел пасы руками, и из ниоткуда возник увесистый том, прочно покоившийся на... собственно, ни на чем. Вокруг да около книги воздух кишел едва заметными красно-пурпурными завитушками, признаками присутствия демонов-хранителей Книги.

— Читайте и просвещайтесь, — услышал Солово. — Вы заслужили это.

Ограничившись буквально намеком на нерешительность, адмирал поднялся и отправился принимать великую честь. Ощувив разрешение, цветные волокна расступились перед ним без особой охоты, оставив по себе трупный запах.

На ощупь книга ничуть не отличалась от прочих из библиотеки Солово, однако переплетена была так, что могла сохраняться длительное время и использоваться в течение не одной цивилизации. Подняв тяжелую обложку, адмирал, мало заботясь о прошлом, обратился к последней части тома.

Фемист присоединился к нему.

— А вот это, — указал он на стих, — еще должно свершиться.

— «*Св. Петру*, — прочитал Солово не без затруднений, поскольку пренебрегал изучением ранних форм греческого, — *будет... явлено Солнце, Sol Invictus**, он совершит... э... путешествие по Риму. Церкви?»

* Непобедимое Солнце (лат.).

— Места поклонения, — кивнул фемист, подобно наставнику, довольному своим учеником, — но в особенности церкви.

— *«Церкви будут полны света, а потом умолкнут».*

— Очень хорошо, — проговорил фемист с некоторым удивлением оттого, что помощь его не понадобилась. — Верховный аналитический совет Феме интерпретирует это предсказание так: тело св. Петра будет обнаружено под огромным сооружением, носящим его имя, его с позором извлекут из могилы, и толпа протащит мощи по улицам Рима. Все церкви, часовни и соборы будут подожжены и заброшены после пожара. Для наших новых храмов мы отыщем иные, неоскверненные места.

— Понятно... — промолвил адмирал.

— Но до того вы найдете предсказания о трех всемирных конфликтах, каждый свирепее предыдущего, что приведут к запустению половины мира. *Похоже*, ни один из них не будет нашим делом, однако все они послужат нашим конечным целям.

— Кто же сомневается? — заметил Солово.

Фемист казался немного разочарованным реакцией адмирала и стремился произвести благоприятное впечатление.

— Завершающие страницы запечатаны даже для меня, — признался он, — но, заглядывая вперед насколько дозволено, мы видим свидетельства того, что человек поселится и вне Матери-Земли. Хотя где и как это может быть, сейчас нам трудно понять.

Солово остановил руку фемиста, торопившую страницы.

— В настоящий момент, — проговорил он, как бы вежливо извиняясь, — меня больше волнуют те страницы, что относятся ко мне.

— О? — отозвался фемист, удивленный и разочарованный столь близорукой эгоистичностью. — Ну что ж, тогда...

Перелистав книгу назад, он нашел явно знакомый ему раздел и предоставил Солово возможность заняться чтением; сам же обратился к красотам залива. В конце концов, адмирал оснащен головой и языком, чтобы спросить совета в непонятном месте.

Солово читал, и перед ним опрятной цепочкой разворачивалась вся его жизнь. Задолго до рождения адмирала кто-то записал его самые сокровенные мысли и предвидел всю его жизнь. Солово уже даже казалось, что он напрасно трудился, проживая ее день за днем.

Всем своим оледенелым сердцем он стремился обнаружить какую-нибудь неточность, малейшее отклонение от предсказаний Феме. И тут на его молитвы в первый и последний раз был дан скорый и подходящий ответ.

— Вот эта строчка, — спросил адмирал, успешно изгнав волнение из голоса, — что она означает?

Фемист нагнулся, чтобы прочесть.

— *«И он сохранит ключ, — произнес уэльсец с легкостью, свидетельствовавшей о предварительном ознакомлении с текстом, — и узурпатор не одолеет»*. Здесь имеется в виду ваша критическая

роль в деле Диббука, а также попытки этого исчадия положить конец всему. Ключ — это вы, узурпатор — Диббук, и благодаря вам он не одолеет. Так?

— Понимаю, — проговорил Солово, наслаждаясь мгновением безмолвного триумфа. — Что, если, — продолжал он, словно бы размышляя вслух, — возможно иное прочтение текста?

— Нет, — ответил фемист, возвращаясь к изучению морских окрестностей Неаполя.

— Ну, не знаю, — настаивал адмирал. — Что, если узурпатор — Феме... ведь вы же стремитесь к узурпации. Не этот ли ключ имеется здесь в виду?

Фемист резко повернулся и обнаружил, что у Солово в руках оказался причудливый ключ, прикрепленный к крепкой цепочке вокруг его шеи. Уэльсец попытался открыть рот... подумал... вновь попытался заговорить, но не смог: вся его Вселенная рассыпалась прахом.

— К тюрьме богов? — Когда он сумел заговорить, голос его дрожал. Округлившиеся глаза не могли оторваться от ключа. — К подземелью под Римом?

Адмирал кивнул, но по доброте своей даже не улыбнулся.

— Но... но вы же сказали, что дверь запечатана... закрыта печатью.

— Так оно и есть, — согласился Солово, — но это всего лишь восковой кружок. Вы не думали, почему эмблемой папского достоинства служат два скрещенных ключа? Один ключ, конечно, к райским вратам, но второй совершенно к другому

месту. И какими же ненаблюдательными оказались все вы! Да, синьорчик, предметы ваших амбиций и поклонения сидят под замком... беспомощные пленники Церкви, которая куда мудрей, чем вам мнится. Какой позор, что я никогда не оказывал ей подобающего внимания! Но такова жизнь. Нет, вы никогда не освободите своих хозяев без разрешения... и без ключа.

— Итак, — промолвил фемист, делая шагок. Адмирал поднял ключ повыше.

— О нем рассказал мне перед смертью папа. Бедняга Юлий, ему никогда не везло. Это я обнаружил, что он намеревается расстаться с душой, и все тревожился, что ключ, который наследуют папы, может попасть в неподходящие руки. Так оно и вышло; он и угодил в... мои руки. Ну а я есть я: прикарманил ключ, пока мертвого Юлия собирали в дорогу... простой рефлекс, но тем не менее позорное нарушение доверия. В конце концов, я же давал слово Юлию... обещал поступить как подобает. Но теперь я рад, что солгал: штуковина, оказалось, стоила всех расспросов и лжи. В то время я даже не знал, что с ним делать: продать или подарить Феме, быть может.

— Именно так, адмирал, именно так, — проговорил уэльсец, жадно вытягивая вперед свои скрюченные пальцы.

— Но теперь я понимаю, что этого нельзя делать: ведь все предначертания Книги должны исполниться, так? По крайней мере во всем, что касается меня, это случилось.

— НЕТ, — произнес фемист, делая еще один шаг, — мы...

— Простите, нет... *вы* не должны одолеть, — поправил гостя Солово, одновременно молниеносным движением всадив стилет ему в глаз.

Мозг фемиста не торопился с осознанием смерти, и он сделал пару шагов вперед — кинжал торчал из глаза, — а потом упал смиренным учеником к ногам Солово.

Тут Книга с ревом вспыхнула, опалив спину и руку адмирала. Буквально через секунду она превратилась в ничто. Красно-пурпурные демоны метнулись в пламя и также исчезли.

Ногой Солово столкнул убитого фемиста в сторону Неаполя, по пути тот распугал стаю птиц. Совершенно неожиданно внутри адмирала сам собой родился смешок... далекие слуги замерли, услышав беспрецедентный звук. Насколько допускал прощальный дар Диббука, последние мгновения, проведенные на земле адмиралом, оказались счастливыми.

Сняв ключ с цепочки, он воткнул его концом вперед в мягкую землю. Столетия спустя его найдет археолог и в связи с отсутствием лучших идей презентует музею Виктории и Альберта. Завершив таким образом дела своей жизни, Солово мог вернуться в дом, пройдя по дивному саду, и приступить к прерванному фемистом занятию.

— *«О человек, — вспоминал он на ходу, более чем когда-либо наслаждаясь «Размышлениями» на своей последней прогулке. — Ты был гражданином всемирного города. Пять лет или сто, что с того? Тебя выставляет из города не самовольный судья или тиран, но та же природа, что привела тебя*

сюда. Уходи с улыбкой, пусть улыбнется и тот, кто отправляет тебя в путь».

Солово как подобает поглядел в небеса и улыбнулся. Впереди — надежда на мир, надежда избавиться от себя, адмирала Солово, и блаженное неведение. Вода в ванне уже остыла, но это его не смущало. У адмирала были самые веские основания полагать, что он незамедлительно очутится в весьма жарком месте.

Примечания

1. Древняя философия, утверждавшая, что жизнь следует провести в соответствии со всееляющим трепет порядком, установленным в природе; делает упор на сдержанность, самоограничение и добродетель, понимая их как обязанность и награду. В римском контексте и в настоящее время связана с известной суровостью нравов и так называемыми «республиканскими добродетелями». Ее притягательность проявляется в возможности рационального упорядочения жизни и бегства от бесцельных бурь, свойственных человеческой природе.

«... Там, где добродетель начинает терять центральное место, немедленно возникает стоическая манера мышления и действий. Стоицизм остается одним из постоянных вариантов морали в культурах Запада» (*Аластер Макинтайр. За добродетелью*, 1981).

С другой стороны, великий классицист профессор Ю. Гриффитс грубо отмахивается от этого учения, называя его «щитом отчаявшихся, подарочной оберткой для стремления к смерти».

2. Георгий Гемист Плифон (1355—1450/52). Византийский философ и ученый. Пользуется известностью как распространитель «Географии» Страбона на Западе (чем косвенно повлиял на открытие Америки Колумбом), основатель Философской академии в Мистре (Греция); автор социальных методик, исполь-

зовавшихся Византийской империей, стремился заменить православное христианство ревизованным неоплатонизмом. Посетив Италию, возродил в Европе интерес к Платону после столетий средневековья, прошедших под знаком учения Аристотеля. Он вдохновил Козимо Медичи на создание знаменитой Платоновской академии во Флоренции. Его школу мышления ревизовал и популяризировал недоброй памяти Сигисмондо Малатеста из Римини. Во времена адмирала Солово она пользовалась умеренной популярностью, так как Малатеста доставил кости Плифона из Греции (наемником венецианцев он сражался там против турок) и выставил их на поклонение в церкви св. Франциска в Римини. За эти и еще худшие грехи папа в 1462 году «канонизировал аду» злодея Сигисмондо.

3. Знатный римский дом Орсини, подобно многим итальянским городам, сделал понятную (но непростительную) попытку поддержать как будто бы неотвратимое, но тем не менее оказавшееся безуспешным вторжение Карла VIII в Италию в 1494 году.
4. Портрет адмирала Солово кисти Фра Бартоломео делла Порта можно все еще видеть, хотя и в прискорбном состоянии, в музее Сан-Марко во Флоренции. Обратите внимание на жестоко мучимого человека с ястребиным лицом.
5. На самом деле благодаря консервирующим свойствам алкоголя и выносливости челове-

ческой природы принц Аламшах, ввергая в отчаяние семью, протянул до 1503 года.

6. К нашему удивлению, история донесла повесть о том, что переносицу Микеланджело Буонарроти сломал собрат-ученик, чье мастерство Микеланджело превзошел, копируя искусные фрески Мазаччо* в церкви Санта-Мария дель Кармине. За эту выходку хулигана выгнали из школы и из города. Нос не исправился, и это уродство постоянно смущало и угнетало великого скульптора.
7. *«Жестокий человек перед замком Пандемониум»*** — самая странная из работ Торриджано, долго озадачивавшая тех избранных, кто имел возможность видеть ее в Виндзоре. «Что вызвало подобное болезненное искажение жизни, во всем прочем отданной обычным художественным трудам?» (Из «Заметок к каталогу картин, числящихся в королевском имуществе Виндзорского замка», 1964, сэр Энтони Блант, хранитель картин королевы вплоть до 1979 года.)
8. Принц Артур скончался 2 апреля 1502 года в возрасте 16 лет от «потной хвори». Генрих пережил сына на семь лет, прежде чем отправился в славную и впечатляющую гробницу, сооруженную Пьетро Торриджано под тщательным контролем короля в Вестминстерском аббатстве.

* Итальянский художник (1401—1428), представитель флорентинской школы Раннего Возрождения.

** Сборище демонов (*миф.*).

9. Адмирал Солово как-то слишком уж подозрительно точен. Его слова самым жестоким образом обобщают общественную жизнь Макиавелли. До гибели под мечами вторгшихся испанцев его радости и гордости, Флорентийской народной милиции, оставалось всего шесть лет.
10. Если верить Микеланджело, они поторопились с прибытием: подход Кортеса начался в 1519 году, и до него оставалось еще 13 лет. Быть может, Кецалькоатль и Уицилопочтли при своих сверхъестественных способностях сами поняли, что их дело проиграно, и сдались в плен.
11. Великое творение Микеланджело — роспись свода Сикстинской капеллы, — завершенное в октябре 1512 года после четырех с половиной лет сверхчеловеческого труда и свирепых перебранок с папой Юлием существует и поныне. В свое время оно позволило уцелеть своему создателю, если верить адмиралу Солово. Колосс — бронзовое изваяние в три человеческих роста — был менее удачлив: всего через четыре года он был низвергнут толпой невежественных болонцев. Скульптура перешла в собственность Альфонсо д'Эсте, герцога Феррарского, отлившего из нее огромную пушку, именовавшуюся «Ла Джулия». Однако по неизвестным причинам Альфонсо сохранил в целости шестисотфунтовую голову.
12. Папа Юлий имеет в виду Камбре в Северной Франции, возле Бургундских Нидерландов.

- Посему союз известен истории как Камбрейская лига и заключен 10 декабря 1508 года.
13. Его уже не было в живых — разрубили на девять кусков в нелепой стычке в Наварре в 1507 году. Очевидно, добрая весть не успела дойти вовремя.
 14. Известно, что Томас Кромвель молодым человеком служил наемником в Италии. Однако истинное время, когда сформировались его убеждения, оставалось до сих пор неизвестным.
 15. Изобретение более раннее, чем можно подумывать.
 16. Что он и сделал через семь лет, примерно в День всех святых, прибавив свои тезисы к двери Церкви всех святых в Виттенберге.
 17. Поджио Браччолини (1380—1459), знаменитый флорентийский латинист и «открыватель» утерянных классических текстов.
 18. Предположительно император Константин I Великий (274?—337), объявивший христианство государственной религией Римской империи.
 19. Константина XI в последний раз видели живым 29 мая 1453 года с мечом в руке. Он шел навстречу туркам, ворвавшимся в его город после восьминедельной осады. Полагают, что именно носки явились приметой, по которой опознали его тело.
 20. Эта битва произошла 9 сентября 1513 года. Англичане встретили вторгшихся скоттов возле Бранкстона, Нортумберленд. Наверное,

наиболее сокрушительное из всех поражений шотландцев.

21. Английский квартал Рима, существовавший со времен первых англосаксонских паломников. Название происходит от английского слова «Borough»*.
22. Традиционное боевое построение шотландцев. Плотная группа копейщиков.
23. Вооруженный топорами «иностранный легион» и гвардия византийских императоров, во многом состоявшие из североевропейцев, а после 1066 года — англичан**.

* Небольшой город.

** И славян.

Содержание

- Год 1525.** Как я попал сюда и откуда, а также стоило ли все дело хлопот? Утешения плоти и духа 6
- Год 1486. УРОКИ ПЛАВАНИЯ:** после горького и одинокого детства, выброшенный сиротой в хляби злобного мира, я обнаруживаю свое призвание и жизненную философию. Пиратский промысел вполне устраивает меня . 30
- Год 1487.** Я поступаю на службу к мастеру избранного мной дела и встречаюсь с новыми и жуткими людьми при самом удачном стечении обстоятельств 53
- Год 1488.** С помощью прекрасного зада (не моего собственного) я приобретаю новую жизненную позицию, а с ней респектабельность и жену! 61
- Год 1492. ПЛАТЕЖИ В РАССРОЧКУ:** я теряю терпение и начинаю тосковать, не имея возможности погубить все человечество. Мало-помалу я кое-что узнаю 88
- Год 1493.** Я умираю в Германии. А потом меня вовлекают в заговор 108
- Год 1497. УДАР КИНЖАЛОМ ВО ТЬМЕ:** я проявляю либеральность при отправлении правосудия и помогаю измученной душе . 127

- Год 1498.** Я предлагаю гостеприимство тому,
кто хочет сделать из Нотр-Дам мечеть ..151
- Год 1499. ВЕЛИКИЕ ОЖИДАНИЯ:** я спасаю
династию, вмешиваюсь в национальную
политику и позирую для портрета164
- Год 1500.** Некоторые жестокосердные персо-
ны признают мою значимость197
- Год 1506. НЕ СОМНЕВАЙТЕСЬ, ЕГО ЗДЕСЬ
НЕТ:** я заказываю шедевр западного ис-
кусства и узнаю ключевую тайну Матери-
Церкви. Друг рад услышать, что он не
напрасно прожил свою жизнь205
- Год 1508. ОТТЯГИВАЯ ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ:** я
изгоняю божка из его дома, возвращаюсь в
обществе особ королевской крови, выве-
дываю их мрачные и позорные тайны и
оказываю великую услугу всему миру, за
что он и не думает благодарить меня ...236
- Год 1509.** В постели с Борджа. Пушки и
пашни в Северной Италии. Испытание,
не совсем отвечающее моим вкусам258
- Год 1510. РАСЦВЕТ РЕФОРМАЦИИ И МА-
ЛЕНЬКАЯ ЭКСКУРСИЯ ПАТЕРА ДРОЗА:**
симпозиум о вере, плотском вожделении и
сосисках. Я с чувством вины сею сорняки
в полях нашей матушки Католической
церкви265

Год 1520. СВЕТ ГОЯМ (И ОТ НИХ): я решаю судьбу Вселенной и становлюсь владыкой острова Капри	311
Год? МОРАЛЬ: пакет с дьявольским даром содержал лишь несладкую скорбь. Комфорт и уют, новая жена, пополнения рода Солово. Однако... купание привлекает все больше и больше	347
Примечания	359

Литературно-художественное издание

Зарубежная фантастика

Джон Уитборн

Рим, папы и призраки

Заведующий редакцией **А. А. Кирюшкин**

Ведущий редактор С. К. Оганесян

Художник К. А. Сошинская

Художественный редактор Ю. Л. Максимов

Технический редактор Е. В. Денюкова

Корректор В. И. Киселева

**Оригинал-макет подготовлен И. В. Терешкиной
в пакете Ventura Publisher**

ИБ № 8671

Лицензия Л. Р. № 010174 от 22.01.92 г.

Подписано к печати 19.12.96. Формат 70 × 100¹/₃₂.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Таймс. Объем бум. л. 5,75.

Усл. печ. л. 14,95.

Усл. кр.-отт. 15,53. Уч.-изд. л. 14,21.

Изд. № 9/9494.

Тираж 10 000 экз. Зак. 1144 . С117

Издательство «Мир»

Комитета Российской Федерации по печати.

129820, ГСП, Москва, 1-й Рижский пер., 2.

ОАО Можайский полиграфкомбинат

143200, Можайск, ул. Мира, 93

Зарубежная

фантастика

Издательство «Мир»